

151
С. С. С. С.

ТОКТОГУЛ

С
761

ТОКТОГУЛ

ИЗБРАННОЕ

Перевод с киргизского

1989
Фрунзе

ФРУНЗЕ
«АДАБИЯТ»
1989

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КИРГИЗСКАЯ ПЕЧАТЬ»

ФРУНЗЕ

145798

8

1989

Фрунзе

1989

1989

Редакционная
коллегия:
Бобулов К. Б.
(главный редактор)
Алдашев А.
Байджиев М. Т.
Джетимишев С. Д.
Ибраимов О. И.
Колесников Е. Г.
Орозбаев О. О.
Рудов М. А.
Эркебаев А. Э.

Составление и комментарии
Михаила Александровича Рудова
Художник Теодор Теодорович Герцен
Предисловие Ч. Т. Айтматова
Вступительная статья К. Б. Бобулова

Т 4702300200—147
М 455 (11)—89

ББК 84 Кн 7—5

ISBN 5-660-00039-8

© Издательство «Адабият», 1989.

МОСТ ВРЕМЕНИ, ПО КОТОРОМУ МЫ ИДЕМ

Вновь и вновь возвращаемся мы к Токтогулу, к его духу и образу, чтобы еще раз осмыслить путь, пройденный им, его роль, его значение в истории и жизни кыргызского народа.

Гуманизм и демократизм Советской власти как никогда подняли значение и цену человеческой личности. Пример этому — судьба Токтогула. Имя Токтогула сохранила для нас и возвеличила Советская власть.

Я хотел бы обратить ваше внимание на одно обстоятельство, которое, на мой взгляд, является как бы аттестацией великих поэтов, сочетавших в себе высокие качества художника с качествами борца и народного трибуна.

Эти великие поэты жили и творили в разное время, в разных странах, писали свои стихи на разных языках, представляли разные слои общества. Но есть одно, что объединяет их во времени и в пространстве в единую плеяду могучих сынов человеческих, в единую поэтическую силу, в единую поэтическую мысль — это революционность и народность их творчества. На их плечах как бы покоится мост времени,

БЕССМЕРТНАЯ ПЕСНЬ ТОКТОГУЛА

Будь мудрецом, как Толубай,
Будь певцом, как Токтогул.

Киргизская народная
пословица

В 1989 году исполняется 125 лет со дня рождения выдающегося акына-демократа Токтогула Сатылганова.

Киргизскую литературу невозможно представить без имени Токтогула, как нельзя представить русскую литературу без Пушкина, украинскую — без Шевченко, казахскую — без Абая, грузинскую — без Руставели, латышскую — без Райниса, имен, сияющих на небосклоне этих литератур, как яркие звезды.

С самого детства в сознание и память каждого киргиза входят бессмертные песни Токтогула о социальной несправедливости жестокого времени, в котором он жил, страдал, боролся, песни о мужестве, стойкости и благородстве, чести и достоинстве человека, песни о нежной любви к матери, об отцовском безмерном страдании и неутомимом горе по умершему сыну Топчубогу, песни о родном народе и прекрасной киргизской земле. Сила и мощь творческого горения Токтогула в том, что великий акын с юных лет до конца дней своих честно, правдиво воспевал жизнь в своих замечательных песнях; можно смело сказать, что вся легендарная судьба Токтогула отражена в его поэзии. Мятежная жизнь и бескомпромиссная борьба акына с баями-манапами, его непреклонность и несгибаемость в самых невыносимых условиях, твердая воля и неугаемая вера в светлое будущее всегда вызывают восхищение и восторг в каждом благородном и отзывчивом сердце, у всех, кому дороги идеалы мужества и чести.

по которому мы идем, мост, скроенный из стихов, рифм и сердец поэтов.

Эти поэты рождаются не только словом, не только созвучными песнями, но и судьбами своими, дорогами жизни и борьбы. Эти поэты стояли за свои идеалы не на жизнь, а на смерть. Именно поэтому Байрон погиб за свободу Греции, именно поэтому царизм убил Пушкина, именно поэтому такие же черные силы сгубили Мицкевича и Петефи, именно поэтому великий муж Украинны Тарас Шевченко шел в кандалах в ссылку, и каждый звон его цепей превратился в колокол народного гнева против поработителей и в голос нежности к простому человеку-труженику. Именно поэтому уже в наши дни фашисты расстреляли пламенного певца республиканской Испании — Гарсиа Лорку.

Наш Токтогул из плеяды именно этих людей.

Наш Токтогул не имел академического образования. Но он был талантливейшим импровизатором, он был непревзойденным певцом киргизской земли, и однако, по нашему глубочайшему убеждению, Токтогул как революционный поэт, как народный мыслитель, как борец и художник стоит в одном ряду с именами мировой поэзии. В одном ряду с теми, для которых миссия поэзии была неотделима от собственной жизни, от судьбы народа, с теми, которые в силу своей революционности и таланта стали могучими опорами поэтического моста истории.

Наш Токтогул — одна из опор этого моста.

Ч и н г и з А й т м а т о в

Думая о героической судьбе Токтогула, вспоминаются замечательные слова В. И. Ленина о чертах и особенностях революционера-бунтаря: «Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает пределы рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам». Токтогул с юношеских лет не смирился со своим унижительным положением, и его гордая душа восставала против произвола могущественных правителей.

Еще при жизни Токтогула его имя в устах киргизского народа стало легендой, каждая его новая песня с быстрой молнией облетала пределы родного края, становясь народной, вызывая любовь и восхищение простых тружеников. Токтогул для киргизского народа больше чем поэт, ибо он еще и наставник, и мудрец.

Токтогул, великий акын-демократ, гордость киргизского народа, «горный орел», как он сам поэтически окрестил себя, родился в 1864 году в семье бедняка-кочевника Сатылгана на зимовье в горном урочище Кетмень-тубинской долины (ныне Токтогульский район Ошской области). Отец Токтогула постоянно был занят заботой, как прокормить свою небольшую семью, часто страдал от унижений и оскорблений со стороны имущих. Но в глубине души гордый человек не подавал вида, что он бедняк. В детстве Токтогул был окружен лаской и любовью матери Бурмы, которая знала наизусть немало народных песен, даст-нов, и часто напевала их сыну. Можно сказать, что Токтогул был вскормлен народными песнями. Токтогул всю жизнь с большим вдохновением воспевал замечательный образ матери, посвятив ей немало песен, которые и по сей день широко популярны в народе. Для Токтогула мать — это синоним родного народа, мать и народ в его творчестве органически между собой связаны. Акын не случайно перед уходом на каторгу в Сибирь публично пост перед народом свои замечательные песни «Про-

щай, моя мать!» и «Прощай, мой народ!». И на каторге, в самых бесчеловечных условиях, он постоянно нес в своем сердце и воспевал милые, родные образы матери и народа, они давали ему веру и стали надежной опорой в безысходные, отчаянные дни. Токтогул после всех страданий, лишений и мук, после побего на родную землю, опять перед народом спел свои ныне широко известные песни «Здравствуй, мать!» и «Здравствуй, желанный народ».

Здравствуй, мать! Тебе восемь десятков лет.

Я твой сын, испытавший немало бед.

Ты вспоила меня своим молоком,

Ты была для меня живым родником.

По ночам ты меня кормила шесть раз,

Пока свет Шести Архаров не гас,

Все потом изумлялись — какой акын!

Удивлялись — скажите, а чей он сын?

(«Здравствуй, мать!»)

Перевел С. Куняев)

Песни Токтогула о родной матери, эта своеобразная поэма по своей искренности и светлости сыновнего чувства, пронзительности и чистоте любви — безусловно, одна из вершин не только в творчестве Токтогула, но и во всей киргизской поэзии. Не было бы преувеличением сказать, что эти песни Токтогула имеют право занять достойное место не только в многонациональной советской поэзии, но и в антологии мировой поэзии о матери...

Импровизаторский талант юного Токтогула раскрылся примерно в 12 лет, когда из-за острой материальной нужды он вынужден был пасти овец местного бая Казанбака в дальних урочищах. Токтогул слишком рано познал социальную несправедливость, собственными глазами видел тяжкую долю бедняцких сословий, открытый провозом над ними имущих людей, слезы женщины, стариков и детей. В раннем возрасте Токтогул играл на комузе и пел в кругу пастухов, песней облегчал их участь,

подбадривал метким словом. Он с мальчишеским задором шел о девушках, о восходе солнца, о закате дня, о крылатых тупарах, о волшебных звуках стремительных горных рек, о необыкновенной красоте и богатстве природы. В глухом горном аиле можно надежно спрятать золото, но невозможно держать в тайне от людей звонкий голос и самобытные песни, рано или поздно они становятся достоянием народа. Быть может, поначалу песни сына нерадивого тоюнка (нищего) Сатылгана знали лишь в узком кругу. Но с каждым годом поэтический голос Токтогула звучал все увереннее, его имя называли не только в своем аиле, но и в дальних местах. В четырнадцать лет Токтогул благодаря своим замечательным песням растается с уютной и трудной работой наемного пастуха у ального бая и смело выходит на широкую дорогу профессионального певца, получает возможность наряду с другими, уже признанными, акынами участвовать в больших поэтических сходах. Благодаря редкому импровизаторскому таланту, Токтогул быстро завоевал популярность и признание и, по свидетельству современника, несмотря на годы, получил у народа уважительное обращение — «Токо».

Токтогул отличался цельностью натуры и твердостью характера. Его хотели обласнять и одарить всемогущие потомки жестокого кетмень-тюбинского манана Рыскумбака, при условии, разумеется, если он станет придворным певцом. Однако Токтогул выбирает другой путь. В 1882 году, когда ему исполнилось 18 лет, произошло событие, сделавшее его имя популярным в народе и ставшее роковым предвестием в его судьбе... В том году Токтогул на одном поэтическом состязании встретился с Арзыматом — придворным певцом известного манана Дыйканбая, одного из сыновей грозного Рыскумбака, предводителя рода саяк. Арзымат в своей песне стремился оскорбить и унижить молодого акына тем, что он из бедной семьи, плохо обул и одет, часто не сыт, но молодой Токтогул не растерялся, перехватил инициативу, и в ответной песне гордо заявил, что он бедняк и в этом ничего постыдного нет. Не страшась гнева сыновей Рыскумбака, убийственными словами и меткими сравнениями

он при всех вывел Арзымата на чистую воду как прихлебателя своих хозяев. Победа Токтогула над Арзыматом сопровождалась восторгом униженных и стала вызовом сыновьям Рыскумбака. При рассмотрении классовой ориентации и мировоззренческих взглядов молодого Токтогула надо исходить из реальной действительности, из социальной среды киргизского аила, патриархально-феодалных отношений. Токтогул был сыном своего времени, и нельзя забывать, что он был представителем малочисленного рода саргтар, копорый длительный время терпел унижения и оскорбления со стороны могущественного рода саяк, во главе которого стояли сыновья Рыскумбака и творили произвол и зло над подвластным им родом. Токтогул был на стороне слабых и обездоленных, защищал их честь и достоинство, его ненависть была священна... Кульминационной точкой противоборства явилась знаменитая песня акына «Пять кабанов» (1894), в которой он клеймил ненавистных врагов — жестоких и жетидельных сыновей Рыскумбака, выплеснул всю накопившуюся ненависть и презрение к ним, перед всем народом мужественно обрисовал их отратительный социальный портрет.

Вы убийцы, пять кабанов,
Кровопийцы, пять кабанов!

(Перевел М. Ватагин)

В дореволюционной поэзии ни один акын не отважился так смело обличать жестоких киргизских мананов, в лицо называть их кровопийцами, никто из акынов в своем творчестве не достиг социально-обличительного пафоса «Пяти кабанов».

Волею судьбы Токтогул был обречен на жестокую расправу со стороны «пяти кабанов», впереди его ожидали неминуемые беды и страдания. Акын прекрасно понимал, с какими мужественными и безжалостными правителями имеет дело, и был готов на самое худшее в жизни.

Но и противники Токтогула знали, что акын популярен среди народа, широко известен за пределами Кетмень-тюбинской долины, всеми любим, и открытый произвол над любимцем на-

рода, безусловно, вызвал бы возмущение и гнев общества и нежелательные последствия для самих потомков Рыскулубека. Это опасение удерживало их от опрометчивого шага, и они ждали удобного случая для расправы...

И такой случай представился в 1898 году. Неожиданно в городе Анджан вспыхнуло восстание, во главе которого стоял религиозный фанатик Мухаммед-Али, известный также под именем ишана Мадали, за чьей проповедью пошли безоружные мусульманские верующие, ставшие жертвой ловкого авантюриста. Каратели расстреляли безоружную толпу. Этим воспользовались сыновья Рыскулубека, давно точившие зубы на непокорного акына, и тут же сфабриковали ложное донесение царским властям, что «безбожник и смутьян» Токтогул принимал активное участие в анджанском восстании. Он был арестован в числе других своих земляков, и в ночь с 10 на 11 июня препровожден под конвоем солдат в маңгганскую тюрьму. 3 августа ережанный военный суд приговорил Токтогула наряду с другими к смертной казни через повешение, которая потом была заменена семью годами каторжных работ в Сибири.

Говорят, стойкость человека испытывается перед смертью... Судьба испытала Токтогула в манганской тюрьме, когда над его головой нависла смертная казнь. Народная молва гласит, что ненавистный враг Токтогула, коварный Керимбай, тайком встретился в тюрьме с непокорным акыном. Говорят, он обещал акыну свободу и райскую жизнь, если он публично покается в «необдуманном поступке» и откажется от своей песни «Пять кабанов». Токтогул решительно отверг это предложение.

Токтогул больше жизни любил свободу и достоинство человека, до конца своих дней остался верен этому идеалу. Как всем стать свободными? Об этом он мучительно размышлял, искал ответ, слыша свои песни.

Вершиной поэтического творчества Токтогула является сибирский цикл его песен. Представим на минуту, что было бы, если бы Токтогула не сослали в Сибирь, если бы он более или менее спокойно жил у себя на родине, какое направление получило бы его поэтическое творчество? Трудно сказать, но ясно

одно: при всей талантливости акына и непримиримости его к манатам, он в своей патриархальной среде не смог бы подняться до такой высоты социального обличения. Иногда сама судьба ищет и находит своих отважных героев и возвышает их над ережменем. Такова судьба Пушкина, Мицкевича, Лермонтова, Шевченко. Такова судьба Токтогула, которую мог выдержать только человек редкого мужества и глубокого ума. Токтогул, находясь в темнице, в кандалах, в невыносимых условиях каторжника, никогда не терял своего достоинства, в самое трудное время не расставался с песней. Можно представить состояние и радость измученных узников-киргизов, когда вдали от родины, после изнурительных трудов они часто слышали звонкий голос Токтогула, родную песню. Токтогул сначала играл на балалайке, потом топором выгесал из ели комуз, виртуозно на нем играл и пел для всех. Свидетель тюремных лет Токтогула Болот Джыртаков так вспоминал о нем: «Токо, как бывало раньше, радостный и возбужденный, начал играть на балалайке. Барак дрожал от шума. Появился надзиратель с выпученными глазами и закрученными вверх усами: «Немедленно замолчите, — закричал он. — Тут не место для пирушек!» Потом подошел к Токтогулу, схватил его балалайку, разломал на две части, растоптал ногами и крикнул: «Всегда ты орешь, одержимый черт!» Токо тут же сказал ему что-то очень едкое, за что надзиратель сильно ударил его по лицу. Я не вытерпел, скованными руками ударил что было сил по подбородку. От моего удара надзиратель свалился на бок...».

...А начальнику донесли,
Что над снегом песня парит,
Что с лодьми из любой земли
По душам комуз говорит...
И начальник средь бела дня,
Чертыхаясь и всег клаяня,

¹ Венок Токтогулу. Сборник воспоминаний и посвящений. Фрунзе, 1964, с. 14.

Разможил мой комуз о камни,
В одиночку бросил меня.

(Перевел М. Ватагин)

В Сибири Токтогулом были созданы такие свободололюбивые песни, как «Мучительной стала жизнь», «А, как беркут, кружил в горах», «Неужели таков закон», «Песня узника», «В изгнании», «Песня победы» и другие.

Токтогул, если судить по песням, находился в омерзительной тюрьме, потом был переведен в печально известный Александровский централ под Иркутском, где держали под стражей огромное количество политических ссыльных. По общему признанию, Александровский централ отличался жестокой режимом.

Говоря о сибирском периоде творчества Токтогула, опрометчиво было бы утверждать, что, мол, Токтогул не поддавался горю и переживанию, пессимизму. Это не так. Сибирские песни Токтогула сильны тем, что сразу захватывают слушателя и читающего своим трагизмом. Токтогул как на исповеди раскрывает перед народом всю душу, горестно повествует о горестном скорбном пути невольника-каторжника, не скрывает своего унижения, слез, отчаянных попыток покончить с собой.

От народа оторван я,
Обессилен, оборван я,
Измученным, горьким трудом
Обескровлен, надорван я.
У злодеев душа черна.
Нет вины — найдется вина!
Неужели прижмет мой прах
Чуждальная сторона?

(Перевел М. Ватагин)

Весь трагизм каторжника как очевидец гениально описал Ф. Достоевский в своих «Записках из мертвого дома»: «...Не испытая, нельзя судить о некоторых вещах. Скажу одно, что нравственные лишения тяжелее мук физических. Простомолдин,

идущий в каторгу, приходит в свое общество, даже, может быть, еще в более разбитое. Он потерял, конечно, много — родину, семью, всё, но среда его остается та же. Человек образованный, подвизающийся по законам одиноковому наказанию с простомолдином, теряет часто несравненно больше его. Он должен заставить в себе все свои потребности, привычки; перейти в среду для него недостаточную, должен приучиться дышать не тем воздухом. Это — рыба, вытаскиваемая из воды на песок... И часто для всех одинаковое по закону наказание образуется для него односторонне мучительнейшее. Это истина... даже если б дело касалось одних материальных привычек, которыми надо жертвовать»!

Для Токтогула каторжная обстановка была адской: любитель своего народа, самый популярный певец, по ложному навету без вины оказался в страшной сибирской каторге, где не знают его языка, где не только не ценят его талант, ум, порядочность, наоборот, на каждом шагу избивают без всякой причины, подвергают открытому унижению его достоинство и честь.

Величие Токтогула в том, что он, находясь в отчаянных условиях, не только сохранил свой талант, себя как личность, но еще продолжил борьбу, закалился как агон, возмужал, поднимаясь на новую остросоциальную высоту. Он узнал правду о жизни других народов, расширил классовое самосознание, познакомившись с русскими, татарскими, казахскими ссыльными. Как известно, Александровский централ с 1903 года стал местом политических ссыльных. Общине Токтогула с ними имело огромное значение для расширения его кругозора, постижения классовой солидарности с представителями других народов.

Оглядываясь — народ вокруг,
Сотни крепких, надежных рук,
Все — на каторге, все — друзей,
Обездоленные, как и я.
Вон казах, татарин, узбек,

1 Ф. М. Достоевский. Собр. соч. в 10 томах, 1956, т. 3, с. 457.

Вон киргиз и русский, гляди!
Всех загнули в бескрайний снег,
И у всех страданье в груди.

(Перевел М. Ватагин)

Токтогул после отчаянного побега с каторги провел еще полтора года в страшных мучениях и скитаниях по сибирской тайге и бескрайним казахским степям, испытывае голод, холод, лишения, но выжил с помощью людей, по-братски протянувших руки и приютивших бездомного беглеца. В песнях и благодарности вспоминал он русских сельных: Харитона и Семена, которые помогли ему бежать из тюрьмы...

На родине Токтогула ожидали не менее тяжкие испытания, человеческое горе, жизненные невзгоды, семейная драма, разочарование в близких людях...

В истории киргизской литературы нет более трагической фигуры, чем Токтогул, судьба которого погружает до глубины души каждого человека, не лишённого чувства сострадания.

В 1910 году, после тяжких мытарств на каторге и трудного побега, Токтогул тайно, глубокой ночью переступил порог родного дома. Как гром среди ясного неба — он узнаёт, что единственный сын Топчубай умер, жена давно вышла за другого, мать ослепла, одна жила дома, ожидая сына. Самые близкие друзья и соратники считали его семью, не оказывали никакой поддержки, не отдали последний долг, когда умер Топчубай. Поэтому Токтогул публично упрекает при первой встрече своего соратника, известного киргизского певца Эшмамбета, с которым до ссылки был близок и дружен. Токтогул мучительно пережил случившееся, что нашло свое выражение в последнем сибирском цикле произведений.

Мне в изгнании сиявший луной,
Почему же мой сын не со мной?
Та, что в жены я взял по любви,
Стала мужу другому женой.

Плакал, плакал я плечей noctной...
Нет, мечты не сбылись мои,
Их развеял ветер степной...

(Здравствуй, желанный народ!)

Перевел С. Дипкин)

Токтогул ввел в словарный состав киргизского языка емкое и поэтическое слово «кербез», свои песни-исповеди он называл кербезами. И этот поэтический цикл сибирского и послесибирского периода читается как единая цельная книга стихов, как, например, всемирно известный «Кобзарь» Шевченко. И какое созвучие этих слов: «кобзарь» и «кербез»!

Токтогул после возвращения из Сибири несколько лет нелегально жил в разных местах, скрываясь от преследований, и пел песни о своих безжалостных годах сибирской каторги. Очевидцы свидетельствуют, что во время исполнения этих песен народ, окружавший Токтогула, — старики, женщины, молодые, дети — не могли сдерживать слез. Песни прославленного агына возбуждали протест, и это настораживало местные власти. В 1913 году Токтогул снова был посажен в мамангаскую тюрьму, опять ему грозил сибирская каторга. Народ встал на его защиту. В аилах и кочевьях была собрана большая сумма денег для выкупа его у судебно-административных чиновников.

Когда победила Октябрьская революция в России, Токтогул уже был человеком преклонного возраста. Услышав известие о том, что свергнут царь и пришел конец произволу, он воспринял духом, взяв в руки звонкий свободлюбивый комуз, приветствовал народную власть, первым в киргизской литературе, следуя за традициями фольклора, создал легендарный образ В. И. Ленина в замечательной песне «Кандай аял тууду экен Лениндей ууду?» — в дословном переводе «Что за мать родила такого сына, как Ленин?» (1919 г.). В киргизском эпосе, в песнях особое внимание уделяется образу матери фольклорных героев и известных исторических лиц, он одаряется высочайшими качествами. Токтогул, воспевая народного вождя Ленина, обращается к национальной символике:

Друг-бедняк, ты в несчастье жил,
У дракона ты в пасти жил.
Ленин спас горемычных, темных,
От дракона освободил.
Друг-бедняк, ты красное знамя
Над родной землей водрузил.

(Перевел М. Ватагин)

Советскую власть Токтогул встретил с радостью, перед ним не стояло вопроса — на чьей стороне ему быть, это была его власть, которую он искал, о которой мечтал всю жизнь. С первых дней установления Советской власти в Кетмень-Тюбе он стал ее активным сторонником и певцом. Он бичевал бай-манпов, поддерживавших врагов Советской власти, заклеивших в песне о злодеяниях басмачей.

Токтогул в самых трудных ситуациях не терял самообладания, чувства юмора, умел ценить прекрасное в жизни, восславить доблесть, благородство и бескорыстие людей, труд простого дехканина. У Токтогула есть прекрасная песня «Акбары», сложенная им совместно с известным киргизским акыном Алымкулом Усенбиевым в 1929 году в Аксы (ныне Караван), в местностях Карасу на одном тое, при огромном стечении народа. В этом своеобразном состязании Алымкул выполнил роль «ассистента», представляя своему учителю во всем блеске продемонстрировав такое искусство поэтической импровизации. В песне Токтогула была такая изобретательность, изящество, легкость, находчивость, молодечья удаль, тоска по ушедшей молодости и любви, что он очаровал народ своей неуемной энергией, и, слушая эту песню, не верилось, что этот человек прошел наторгу, что этот седой старик пережил бедную человеческого горя, которого с легкой хваткой бы на долю многих людей!

В этой песне шестидесятипятилетний Токтогул, вновь обретая энергию и вдохновение молодости, с упоением воспеет гимн в честь юной несравненной красавицы Акбары.

Ах, Акбары! Цветок мой, Акбары!
Как жалко мне далекой той поры,
Когда я мог цветами любоваться,
С любым джигитом силой погаться,
Где ты была в те годы, Акбары?

(Перевел С. Фиксин)

Последние годы Токтогула нельзя назвать безоблачными. Народ воспрянул духом, победила Советская власть, но в действительности шла острая классовая и родовая борьба, бай-манские наследие имели сильные корни везде и всюду, акын это все видел и переживал, не находя ответа на многие вопросы текущих дней, и это, безусловно, тревожило его. Токтогул, думается, особенно остро переживал то, что он неграмотный, не умеет читать книги, газеты. Он сожалел об этом в одной из песен: «Отец не отдал в школу, я не постиг мудрости знаний». Если бы он был грамотным, был знаком с русской и европейской культурой, с произведениями Пушкина, Гоголя, Тургенева, Горького, с политическими воззрениями передовых людей своего времени, то, безусловно, возвысился бы до уровня «просвещенца своего века».

В 1928 году Токтогул был приглашен во Фрунзе, где известный музыковед, знаток музыкальной культуры казахов и киргизов Александр Затаевич записал ряд его популярных музыкальных пьес и мелодий. К сожалению, эта поездка оставила горький осадок в душе Токтогула, ибо среди организаторов этой встречи народных талантов были ограниченные и недалекие люди, зараженные родоплеменными распрями, и которые холодно отнеслись к таланту акына. Об этом Токтогул при встрече с известным киргизским акыном, своим учеником Калыком Акиевым, спел следующую горькую песню:

Сын мой, слушай правдивые слова мои,
Меня приглашали в Пишпек,
У меня не было желанья поехать,
Но заставили и обзавали.

убеков в Ферганской долине, среди казахов, среди киргизов, с которыми он общался и дружил во время побега из Сибири. При жизни Токтогула в Кетмень-Тюбе съезжались самые знатные киргизские акыны и певцы для встречи с ним. С конца тридцатых годов поэтическое и музыкальное наследие акына становится объектом сбора, записываются у народа его песни, издаются его книги, ведутся исследования его творчества. В собраниях и возрождении поэтического наследия Токтогула велика роль близкого его соратника, видного киргизского акына Калына Акиева и талантливого киргизского поэта и общественного деятеля Джомарта Боконбаева. Их бескорыстный подвижнический труд заслуживает самой высокой похвалы!

Популярность Токтогула среди народа широка, его почитает каждый киргиз, кому дорог родной язык и национальный музыкальный инструмент комуз, на котором виртуозно играл Токтогул... Именем Токтогула названы Кетмень-Тюбинский район, где находится его могила, крупнейшая в Средней Азии ГЭС, его имя носит Киргизская государственная филармония, колхозы, совхозы, школы и улицы... Известный киргизский поэт, ныне покойный Джолон Мамытов, побывавший в свое время в Китае, рассказывал, что среди киргизов, живущих там, очень популярны песни Токтогула. Имя Токтогула известно везде, где звучит киргизская речь. Произведения великого акына переведены на русский и другие языки народов СССР и мира.

К сожалению, в последние двадцать пять лет проблемы поэтического творчества Токтогула не стали предметом глубокого изучения киргизского литературоведения: до сих пор нет капитального труда о жизни и творчестве замечательного акына, еще не изучены типичным образом архивные материалы московской, ташкентской, омежской, иркутской царских тюрем, в которых в свое время томился «соловей киргизского народа» Более того, даже дата смерти Токтогула не установлена достоверно! И в республиканской периодике можно встретить псевдосенсационные статьи о том, что, якобы, Токтогул не бежал из Сибири и вернулся на родину после отбывания семилетнего срока. Все это говорит о том, что давно назрела необходимость тща-

Некоторые меня уважали,

Некоторые невзлюбили.

«Из ума выживший старик», — говорили,

Некоторые обозвали.

«Ты, старик, совсем дряхлый», — говорили.

«Уезжай обратно домой», — говорили,

«В старости спокойно

Ты дома сиди», — говорили.

(Подстрочный перевод наш. — К. Б.)

Можно представить состояние души великого акына киргизской земли, мученика и борца за социальную справедливость, певца Советской власти, когда он услышал такие жестокие слова новоявленных чиновников от культуры! Из-за узкородового эгоизма этих людей в свое время не были записаны у самого Токтогула его замечательные песни, музыкальные сочинения, часть которых он унес с собой безвозвратно! Ведь мы до сих пор стыдливо умалчиваем о том, что когда умер самый популярный киргизский акын, в республиканских газетах не было даже со-общения...

Предчувствуя приближение смерти, акын пронзительно и горько выразил тревогу о творческом наследии в знаменитой бессмертной песне, которая стала его поэтическим завещанием, подводным итогом многогранной и героической жизни...

Пусть красноречивый язык говорит,

Пусть не только красноречивый язык —

Пусть голос мой — плетка его — засветит.

Когда ваш любимый Токо замолчит,

Кто, с дороги свернув, могилу его,

Крапивою пороснуло, навестит?

(«Предсмертная песня Токтогула».

Перевел С. Липкин)

...Токтогул бессмертен. Его имя еще до Великой Октябрьской революции стало широко известно среди всех киргизов, среди

тельно разобратся в биографии киргизского акына, поднять научный уровень токтогузоведения.

...Мне иногда мнится, что Токтогул вовсе не умер: с козлом в руках народный певец идет по бесконечной дороге и поет звонким голосом о справедливости, равенстве, мужестве, стойкости, верности, любви, братстве народов, и его бессмертная песня устремлена в будущее!

КАМБАРАЛЫ БОБУЛОВ

Мне хотелось бы отметить, что в биографии Токтогула много интересных фактов, которые не были известны широкому кругу читателей. Например, Токтогул был не только талантливым поэтом, но и отличным музыкантом. Он играл на кюмбаре, а также на других народных инструментах. Кроме того, Токтогул был очень трудолюбивым человеком. Он много работал на полях и в саду, чтобы обеспечить себе и своей семье достойную жизнь. Несмотря на все трудности, Токтогул всегда оставался оптимистом и верил в лучшее будущее. Его песни, посвященные справедливости и равенству, до сих пор остаются популярными среди киргизского народа. Мы должны помнить Токтогула как великого поэта и человека, который своим творчеством и жизнью внес огромный вклад в культуру и историю нашей страны.

ИЗ-ЗА НУЖДЫ

ЖОҒЧУЛУКТУН АЙЫНАН

Перевел М. Рудов

Нужда заставила меня
Пойти в малаи к баю.
У Казамбака, гнет клаяня,
В невзгодах пребываю.
«Комуз бы в руки взять», — ведь я
О том лишь и мечтаю.

ЮНЫЕ КЮЛЮЙПА И КЮЛДЖАР

КУЛУЙПА, КУЛДЖАР АШЫК КЫЗ

Перевел В. Шаповалов

От Кереге-Таша кочует народ,
Реку Кен-Арал переходит вброд.
Красавицы Кюлюйпа и Кюлджар,
Кто из вас душу мою поймет?

От Уйген-Таша кочует народ,
Реку Уч-Арал переходит вброд.

Влюбленные Кюлюйпа и Кюлджар,
Кто моё горе себе возьмёт?

От Калгар-Таша кочует народ,
Черный поток переходит вброд.
Любящие Кюлюйпа и Кюлджар,
Кто над печалью моей замрет?

От Ак-Дебе кочует народ,
По шести островам переходит вброд.
Юные Кюлюйпа и Кюлджар,
Ваша судьба кого займет?

От Кок-Дебе кочует народ,
Множество рек переходит вброд,
Чистые Кюлюйпа и Кюлджар,
Чью душу ваша тоска зажжет?

Верблюдице белой подобны вы —
Глазастый верблюжонок за ней
Цветащей степью бежит вослед.
Прекрасные Кюлюйпа и Кюлджар,
Мне вас не забыть за грядую лет.

Черному нару подобен я —
По черной высохшей степи
Никто за мной не бежит вослед.
Цветущие Кюлюйпа и Кюлджар,
Мне вас потерять за грядую лет.

Птицу крылья не донесли —
Кочевка ваша в Желтой Щели,
Трона кочевья в желтой пыли.
Юные Кюлюйпа и Кюлджар,
Бы навсегда исчезли вдали...

Перевел М. Валагин

Ты превозносишь бека —
 Сладка жратва дармовая!
 К беку усердно лицинешь,
 Хвалу ему воздавая.
 Ты превозносишь хана —
 И там набил свое брюхо!
 К хану сердце открыто,
 А к немущим — глухо.
 Ты спел, как сытно наелся
 Со стола Дыйканбая,
 Как улыбался хану,
 Шею пред ним стибая,
 Ты спел, как ел у манаша,
 Свою нахваливал долю,
 Ты спел, как нажрался у бия
 Жирной конины вволю!
 Хвалишься ты жратвою,
 Хвалишься каждым пиром,
 Ты не акын — обжора,
 Обжора, налитый жиром!
 Хвалишься, что у хана
 Стал ты певцом придворным...
 Ты не пропел — прокаркал,
 Ты не акын, а ворон!
 Меня обозвал ты нищим,
 С таким, мол, не хочешь знаться.
 Я нищ, но я иноходец!
 Попробуй за мной утнаться!

Перевел М. Рудов

Ты дилде — убор золотой,
 Ты раскрытый алым преток.
 То — здоровый, а то — больной,
 Знаешь ли, что я занемог,
 Алымкан...

Как степи ковельный наряд,
 Ты, сердечная, хороша!
 Как цветущий тенистый сад,
 Благодатна твоя душа.

Поворот бухарской гряды
 Повторила птица, паря,
 Повернись ко мне, приходи,
 Горемьку не мучай зря,
 Алымкан!..

За изгиб кашгарской гряды
 Завернула птица вдали, —
 Заверни ко мне, заходи,
 Одинокого исцели,
 Алымкан!..

На платке узор золотой, —
 Я встревожен думой одной.
 На платке узор голубой, —
 Может быть, играешь ты мной.

«Грезы юности» — «Джаш кыял»,
 Мой напев звенит, Алымкан,

В руку белый плапок возьми,
Помани, взмахни, Алымкан,
Быстротечной юности дни
Для любви даны, Алымкан!..

**ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ
ЭШМАМБЕТА И
ТОКТОГУЛА ВО ВРЕМЯ
ТОЯ**

**ЭШМАМБЕТ МЕНЕН
ТОКТОГУЛДУН ТОЙДОГУ
ТАМАШАСЫ**

Перевел М. Еремин

Токтогул:
Тебя упрощивать не надо —
Ты возвеличивать горазд.

Эшмамбет:
Мы воздадим хвалу не даром, —
Вот этот, я уверен, щедро
Нам за усердие воздаст.

Токтогул:
Когда обещана награда,
Ты возвеличивать горазд.

Эшмамбет:
Коль будем восхвалять на пару —
Он поровну в награду даст.

Токтогул:

Не рано ли награду делишь?
Быть может, в наших восхваленях
Он не нуждается ничуть?

Эшмамбет:

Я выбрал падкого на славу —
Смотри, как выпятил он грудь.

Токтогул:

Оставим гордеца в покое, —
Восславим весь честной народ!

Эшмамбет:

Похоже, он намеревался
Награду выдать нам вперед.

Токтогул:

Споем-ка лучше для джигита
На белолобом скакуне.

Эшмамбет:

Токо, не сарт ли этот всадник?
Он родич твой, сдастся мне.

Токтогул:

Какая гордая осанка!
И как величественна статья!

Эшмамбет:

Таких богатырей, не спору,
Как говорится, поискать!

Токтогул:

Такой храбрец, что в одиночку
Он в бегство обращает рать.

Эшмамбет:

А что, как он из тех вояк,
Чьи спины в битве видит враг?
Не опийтись б нам с тобою —
Ты знаешь сам, бывает так:
Что с виду парень разудалый,
А в деле трус или слабак.

Токтогул:

Совсем смутил ты молодца —
Переменился он с лица.

Эшмамбет:

Зачем же робкого такого
Ты выдал нам за храбреца?
Хвала преумножает силы,
Известность горячит сердца,
А этот даже не дослушал
Хвалебной песни до конца.

Токтогул:

Вокруг немало храбрецов,
И каждый слушать нас готов.

Эшмамбет:

Казался он таким героем,
А вдруг притих и был таков!

Токтогул:

Раз парню песня не по вкусу,
Не трать своих хвалебных слов.

Эшмамбет:

Его толкают в бок соседи:
Мол, не одаривай певцов.

Токтогул:

Пускай не будет нам награды, —
Споем и так — за будь здоров.

Эшмамбет:

Боюсь я, как бы мне за песню
Не надавали тумачков.

Токтогул:

Не бойся, мы с тобой вдвоем
Гостей честь-честью обойдем,
И каждому без исключения
Мы величальную споем.

Эшмамбет:

Как думаешь, о чем джигиты,
Вот там стоящие кружком,
Все шепчутся, косые взгляды
Бросая на меня при том?
Знать, с девушками я напрасно
Любезничал за тем холмом.

Токтогул:

Не праздной труса, Эшмамбет —
Здесь все свои, чужих здесь нет.

Эшмамбет:

Ты им заранее сказал бы,
Что обижать меня не след.
Не успокоюсь я, пока
Не буду знать наверняка,
Что не намнут мне здесь бока.

ПОУЧЕНИЕ ПОЭТУ

БОЛОСУЦ АКЫН

Перевел М. Тарловский

Где не пишут — тетради нет,
У плешивых — ни пряди нет,
Чая нет, где его не пьют,
Шелка нет, где одежда не шьют.
Где не ездят — нет скакуна,
Не вздымается пыль, как волна,
Лишь на небе всходит луна,
Для счастливица — и ночь не темна.
Только дурень глотает дурман
И от яда становится пьян.
Если конь твой горяч, ты рад,
Если пустится вскачь, ты рад.
Если ты врагом оскорблен,
То покоя душе твоей нет.
Если ты для песен рожден,
То слагай их к месту, поэт!

ИШАН-КАЛПА
ЭШЕН-КАЛПА

Перевел Л. Руст

Навелись к одному ману ишаны в сопровожде-
нии учеников — калпа. Манап настоял на том, чтобы
Токтогул сложил в их честь песню. Токтогул спел:

Чуть коснусь я струны своей
И язык мой заговорит —

Колокольцем комуз звенит,
Иноходца бежит резвей.
Петь просили вы, — я спою,
Так внемлите ж моим словам!
Только правды не утаю:
Не польстит моя песня вам.
Понавелись гости вновь
Жадной сворой издалека
Вновь сосать народную кровь,
Обирать опять бедняка.

Есть ишаны у нас, говорят...
Из аила в аил бредут;
Если шкуры с нас не сдерут,
Плохо спится им, говорят...
Для ишана калпа иной —
Дорогой дружок, говорят...
Пребольшой мешок, говорят,
У калпы висит за спиной!
Обдирают народ они,
Только байский чтут род они.
Бедняков обирает ишан,
Не скудеет ишана карман.
От поборов полным-полна,
Не скудеет его кошана.

На земле, поживишись властью,
Не страшась, ишан, помирай!
Говорят, ишану попасть
Суждено в небесный рай...
Про ишанов пьяный разгул
И про их блаженство в раю
Вам правдивую песню свою
Здесь поет акын Токтогул.
Даровой скопившие скот, —
Что стращаете вы народ

Побасенками про тот свет?
Пред пророком и головы
Не дерзające поднять,
Что о рае трещите вы,
Точно этот рай увидашь
Удалось воочию вам?

Богачу рассыпая лествь,
Вы глумитесь над беднотою...
Значит, праведник и святой
Тоже любят вкусно поесть?!
Что попрятали лбы в чалмы?
Люди высшего чина вы?

Разобраться не в силах мы —
То ль бабье, то ль мужичины вы?
Кто в тюрбан такой наряжен,
Чем, скажите, отличен он
От покрытых платками жен?
Чтоб в умах рассеялась тьма,
Сам народу, ишан, скажи,
Не является ли чалма
Только вывескою ханжи,
Богочтимых духовых лиц
И оравы разбойной всей
Вымогателей и вралей,
Сочинителей небылиц?!

Ишаны и калпы зашептались меж собой. Волост-
ной управитель закричал на Токтогула:
— Зачем ты оскорбляешь моих гостей? Пой хва-
лебную песню!

Токтогул ответил:

— Каждый человек — хозяин своему слову. Если
акын поет неправду, это не акын.
И Токтогул снова запел:

Волостной, что яришься ты?
Над народом глумишься ты.
Видно, ждал от меня вранья,
Видно, ждал от меня хвалы,
А дождавшись одной хулы,
Ты ведешь себя, как свинья!..
Много песен — знай, волостной, —
По аилам земли родной
С юных лет было слето мной.
Льстивой нет средь них ни одной!
Разомкну ль уста, запою ль:
Меткость слов моих — меткость пуль!
Сам я песен бьющих родник,
Плачут юноша и старик,
Внемля вольной песне моей,
И несет людская молва
По аилам гор и степей
Золотые мои слова!

Волостной, иль не знаешь ты
Токтогуловой прямоты?
Как здесь править порядок ты?
До наживы лишь падок ты!..

Ведь бесовестней вора ты,
Если в самый голодный год
Беспощадно у бедноты
Ты последний уводишь скот!
А за шумный оводов рой,
Налетающий к нам порой,
Что о боге хлопочет тут,
Что о рае лопочет тут,
Ты стоял и стоишь горой.
Что так дорог тебе ишан?
Тут догадка моя верна:
Бел как снег ишана тюрбан,
А душа, как твоя, черна.

Ты — сообщник его прямой,
Потому за него и радел,
Что прикрыта белой чалмой
Чернога ваших гнусных дел!

ПЯТЬ КАБАНОВ

БЕШ КАМАН

Перевел М. Ватагин

Вы бандиты — Акмат, Дыйкан,
Вактияр, Минбай, Атакан.
С вами — Эгемберди-подручный,
Наготове у вас аркан.
Но отныне вы, подлецы,
Не утащите ни овцы,
Не страшны вы нам, не страшны,
Рыскулбековы кабаны!

Вся долина, все семь родов
Защитят и сирот и вдов.
Все четыре тысячи юрт
Перережут ваши пути,
Вашу черную кровь прольют,
От расплаты вам не уйти,
Обирать себя не дадим,
Не пропустим даже в Арым.

Если ты, Мырзакан, придешь,
Чтобы вспомнить былой грабеж,
Если ты, Керимбай, нагрянешь —
Приготовим для встречи нож,
Разговоры будут просты —
Вспорем жирные животы.

Заносили вы каждый год
В книги все добро букары,
Забирали последний скот,
И терпели мы до поры,
Но дошел до края народ:
Не найти теперь и норы,
Не найти и клочка земли,
Где укрыться бы вы могли!..

Знаем, все мананы давно
С богатеями заодно —
Беднякам они не помогут,
А у нас — аж в глазах темно.
Все подряд готовы забрать
Беспощадные кабаны!
Кожу с нас готовы содрать
Кровожадные кабаны!
Вам одно — напиться, пожрать,
Плотоядные кабаны!

Обескровили воры нас,
Источили своей алчбой.
Доконали поборы нас,
Надоело терпеть разбой!

Перед вами — любой неправ,
Все показываете нрав,
В десять лошадей — очумели! —
Наложили на старца штраф,
На беднягу Орозалы!
До чего впятером смелы!

Все что есть у вас, кабаны,
Все забрали у букары,
Из-за вас еще с той весны
Побираться пошел Сары.

С вами надо быть начеку —
Не прощаете бедняку,
Если конь под ним — иноходец,
Если он хорош на скаку.
Нет у жадности вашей дна,
А у нас — найдется вина...
Тоялы сидит, опечален:
Атакан увел скакуна.

Обозлившись, и у меня
Вы могли бы огнять коня,
Юрту, вещи к рукам прибрав,
Вы могли бы добавить штраф.
Вы убийцы, пять кабанов,
Кровопийцы, пять кабанов!
Вы могли б, мне живот вспоров,
Полизать горячую кровь...

Хоть злодейства не сокрушу,
В сердце гнев я не зря ношу.
Дважды жить все равно не буду
И пощады — не попрошу!

ЦВЕТИТЕ!

ГҮЛДӨП АЛ

Перевел С. Липкин

В шелка, в нарядные курме
Нарядитесь, девушки.
Пока веселье на уме,
Вы резвитесь, девушки.
Бывает юность только раз —

Об этом помните сейчас.
Заботы пусть не старят вас,
Веселитесь, девушки.
Любите пляску, смех, игру
У молодости на пиру!

Шелка, нарядные курме
Надевайте, девушки.
Пока наряды на уме —
Щеголяйте, девушки!
Пока прекрасны ваши дни —
Расцветайте, девушки:
Не возвратятся вновь они,
Так и знайте, девушки!
Любите пляску, смех, игру
У молодости на пиру!

Вам пышной малвы цвет средни, —
Цветите в молодые дни,
Играйте, смейтесь, девушки.
Должны вы петь, шутить, плясать,
А в старости цвести опять.
Вы не надейтесь, девушки.
Навек заснете под землей,
И вас покроет дерн сырой.

БРЕННЫЙ МИР

ДҮНҮЙӨ

Перевел М. Рудов

Кто в бренный мир сей придет,
Однажды покинет свет.
Кто из нас вечно живет?
Ведь вечно живущих нет.

В свет приходящая жизнь, —
Ты ветвь, на которой плоды.
В тьму уходящая жизнь, —
Иссохшая степь без воды.

В свет приходящая жизнь, —
Иноходца игривый ход.
В тьму уходящая жизнь, —
Промелькнувшей птахи полет.

В свет приходящая жизнь, —
Ветер взгорий попутный ты.
В тьму уходящая жизнь, —
Перевал недоступный ты.

В свет приходящая жизнь, —
Как с бубенчиком кречет ты.
В тьму уходящая жизнь, —
Словно стужа под вечер ты.

В свет приходящая жизнь, —
Ты тулпар с подковой золотой.
В тьму уходящая жизнь, —
Улетевший кречет ручной,
Не нашедший пути домой.

В свет приходящая жизнь, —
Ты как в юрте опорный шест.
В тьму уходящая жизнь, —
Опустевший ловчий насест.

В свет приходящая жизнь, —
На байге скакун призовой.
В тьму уходящая жизнь, —
Ты подобра ветке сухой.

В свет приходящая жизнь, —

Ты улар на обрыве крутом.
В тьму уходящая жизнь, —
Ты змея с разбитым хребтом.

В свет приходящая жизнь, —
На поляне горной аил.
В тьму уходящая жизнь, —
Ты разбитый комуз без жил.

В свет приходящая жизнь, —
Ты как зеркало в доме родном.
В тьму уходящая жизнь, —
Словно чайник с разбитым дном.

В свет приходящая жизнь, —
Ты растуший тенистый платан.
В тьму уходящая жизнь, —
Ты от ветра бегущий туман.

В свет приходящая жизнь, —
Огонек, зажженный впотьмах.
В тьму уходящая жизнь, —
Как ягненок в волчьих зубах.

В свет приходящая жизнь, —
Как безоблачный день, ясна.
Будто снова в зеленый наряд
Раздела иву весна.
В тьму уходящая жизнь, —
Беспросветна, как ночь, черна.
Расстается с телом душа,
Не дается в руки она.

В свет приходящая жизнь, —
Как степные травы вокруг,
Как зеленый утренний луг,
Источающий аромат.

В тьму уходящая жизнь, —
Дом, где гостя гонят назад,
Ницеты безрадостный круг,
Вечной бедности злой недуг.

В свет приходящая жизнь, —
Ты ближе, чем брат родной.
Так эхонт, так самоцвет
Сверкают во тьме ночной.
В тьму уходящая жизнь, —
Ты хуже, чем ворог злой.

В свет приходящая жизнь, —
Нежной ивы цветущий куст.
Словно меда и сахара вкус,
Так сладка и желанна ты.
В тьму уходящая жизнь, —
Обольщаешь обманом ты.

В свет приходящая жизнь, —
Из камня текущий родник.
В тьму уходящая жизнь, —
Угасший мигом ночник.

В свет приходящая жизнь, —
Без огня пылает, кипит,
Как солнечный луч блестит,
Смеется и веселит...

Ты таков, бренный мир. Жизнь вдруг
Улетает птицей из рук.

ПЕСНЯ ЖИВИТЕЛЬНОЙ ВОДЕ

АККАН СУУ

Перевел С. Куняев

Ты льешься сорок тысяч лет
Из глубины земли,
Ты отражаешь лунный свет,
Ты поишь ковыли,
Ты наделяешь жизнью всех —
И рыбу, и червя,
Тебя из недр своих наверх
Послала мать-земля.

Из-под семи ее слоев
Ты просочилась к нам.
Ты из расщелин и саев
Взмываешь к жерновам.
К недосыгаемой гряде
Ты тянешься порой.
Ты радость путнику везде —
В горах и под горой.

Где влага — там семейства трав
И скопища цветов.
Там птицы обживают впасть
Изгибы островов,
Нагуливает мясо скот
У чистых родников,
И освежает влага рот
Усталых бедняков.

Ты впитываешься в поля,
Становишься травой,

Шумят прохладой тополя,
Склоняясь над тобой.

Ты превращаешься в поток,
А то и в водопад...
Тулпар перелететь не смог —
И повернул назад.

НАЗИДАНИЯ

САНАТ

Перевела Ю. Нейман

Коль тебе аргамак не гож,
Где найдешь по себе коня?
Коль старший брат не хорош,—
Где, скажи, по тебе родня?

Если ты солтому хулишь,
Где же сено тебе сыскать?
Коль достаток малый хулишь,
Где богатство тебе под стать?
Чай с похлебкой не хороши?
Где ж по вкусу мясо найдешь?
Коль тебе певец не хорош,
Где найдешь слова для души?

Если будешь глядеть на снег,
Больно станет глазам твоим.
Если бросишь родичей всех,
Сам заброшен станешь, гоним.
Потеряешь с кровными связь,—

Глядь, к чужим прибежишь, взмолясь.
Запятнает тебя навек
Недостойных поступков грязь.
Не продумавай конца пути,
Сам себя грозишь подвести.
От родных своих убежишь,—
В кабалу к чужим угодишь.

Ополчился на хана бог,—
Стал врагом для народа хан.
Разъярился на бая бог,—
Бай своим же богатством пьян.
Коль на зиму серчает бог,—
Дни весенние к нам летят.
А мужичину карает бог,—
Молодится он в пятьдесят.

Звезды вместе ярко горят,
Но им всем куда ж до луны?
Ты за девять лучших козлят
Жеребенка не дашь цены.
Пьешь ты чай, но сколько ни пей,—
Все ж кусочек сала — сытней.
Чем бумажных сотню одежд,
Хоть одну, да из шелка — сшей!

Дарить нож — ножны приложи,
Уж дарить, так от всей души!
Если бай нерадив, суров,—
Не дождешься учивых слов.
Будь в работе любой горяч.
Равнодушным — не звать удач.

Дупу другу открой,— тогда
Улетит из нее беда.
Если будете все дружны,—

Кто вас тронет со стороны?
За проступки прошедших дней
Сына ты никогда не бей.
Если зря вознесся джигит,—
Много он, да зря говорит,
Тот же, кто речист да умен,
Слово к месту вымолвит он.

Капнешь ты айраном едва,—
И точно снег все молоко.
Точно так и пустые слова
Песню всю испортят легко.
От безумца беги скорей.
Воду в бочку без дна не лей.
Если будешь спорить с глушцом,
Превратишься и сам в глушца.
Если свяжешься с хитрецом,
Не увидишь таябам конца.
Если встретишься вдруг с врагом,
Уходи, лишь его сразив.
Будь учтивым со стариком.
Не завидуй тем, кто красив.

Донести ли теленку груз?
Другом будет ли жалкий трус?
С глупым — тайнами не делись,
И бездельников сторонись.
Коль работа тебе под стать,
Что ж, страшась, от нее бежать?
Если трудится весь народ,
На боку лежать постыдись!

ПРАВООУЧИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ

УЛУГУ ЫРЛАР

Перевел Ю. Гордиенко

В первенце — красота
Матери молодой.
Реки красота — в судах,
Убаюкиваемых водой.

Советы дают нам вслух
И эти люди, и те,
Но глухой к советам глух,
Суть глушца — в глухоте.

В остроте — красота ножа.
Стать кобыл — в стригунках.
Честью своей дорожа,
Дело держи в руках!

В гриве — краса скакуна,
Пастбищ — в тучном скоте.
Красит джигита любовь
К девичьей красоте.

Бороды старцам к лицу,
Красят родинки дев.
Других красавиц забудь,
Сердцем одной овладевай!

Плох человек, если он
Мелок, себялюбив.
Хорош — когда для людей
Живет, о себе забыв.

Коз красага — в козлятах,
Поля — в его дарах.
Гор красага — в косулях,
Народа — в богатых.

В куще цветущих роз
Соловей поющий хорош.
Прекрасен голос певца,
Бросающий сердце в дрожь.

Белый сокол, валетев,
Вернется, услышав зов,
Если знаешь секрет
Особых призывных слов.

Краса джайлоо — кумыс,
В нем добрая сила есть.
Став героем, стремись
Хранить народную честь!

Во льдах величав мороз,
Ловчий сокол — хорош.
Невесту без долгих кос
Жених не ставит ни в грош.

Красивы дождь и туман.
Беркут зоркий красив.
Встречному не доверяй,
Людей о нем не спросив.

Красивы новым пером
Вылинявшие сокола.
Сердце богатыря
И мускулы — как скала!

В селезнях — дух бойцов,
Они украшение стай.

Лизоблюдов и хитрецов
В дом к себе не пускай!
Мехом кунница славна,
Клинок — своим острием.
Силу отважным стать
Найдешь в народе своем!

Деревьев краса — в цвету,
Деревья радуют глаз.
В вечном порыве вперед
Суть обгоняющих нас.

Чтоб яблоня выдала плод,
Весной ее откопай.
Барс на твоей тропе —
Барсу не уступай!

Важен в ружье заряд,
В кресале — искра важна.
Хозяин пастбищу рад,
Когда отара жирна.

Крепость копыта важна
Для доброго скакуна.
Но в поле и стригунок —
Украшение табуна.

Сто гостей собралось,
Но праздник не наступил,
Если, славноголос,
Певец не украсил пир.

Никто бы не мог сказать,
Красив ли вообще металл?
Но под напильником он
Металлом красивым стал.

Красивым слывет батыр,
Если широк в плечах.
Рассказчик тоже красив,
Его красота — в речах.
Иной бы многое мог,
Но, как пустоцвет, зачах.
О тайнах своих с болтуном
Напрасно заводишь речь.
Лишь тот настоящий друг,
Кто тайну умеет беречь.
Творит молитву мулла,
В этом — трудов его суть.
Грязные права дела,
Сутяжник нас тянет в суд.
С джигитом струсилась беда,
Джигита осилил враг,
Добить его не спеши
Обидным словом «простак».
Весной красива овца,
Ягнята ее резвы.
Себе под стать молодца
Найди, чтоб дружили вы.
В осанке — красавиц суть,
Суть бус — в жемчужном зерне.
Не хвастай! За дело берись,
В успех поверя вполне.
Народу не страшен враг,
Если дружен народ.
Умрет, состарясь, джигит,
Слава его не умрет!
Ничто для джигита-бойца
Нажитое добро,

Если слава его
Сияет, как серебро!

О главном мыслит ишан:
Богат ли с айла сбор?
Взял не все — оплошал! —
О краденом мыслит вор.

Дворы обходит мулла
В великий пост, в уразу,
Сбор со двора такой —
Не увезешь на возу!

Мыслит сопу о том,
Как прокричать азан.
Обжора мыслит о том,
Что маловат казан.

Охотник не сводит глаз
С верной мушки ружья.
Обжора не сводит глаз
В гостях с еды и питья.

Видна красота земли,
Когда расцветают цветы.
Мудрый умеет жить
Без спешки и суеты.

В земле свою пользу ищет
Дехканин. Стать скакуна
Видна, когда в поле рыщет.
До старости на пепелище
Едины — муж и жена.

С народом трудись! Лишенного
Разума — не поучай!
Сам не ленись! Ленивому
Дела не поручай.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИНОВНИКАМ

ТОКТОГУЛДУН ТӨРӨЛӨРГӨ
ЫРДАГАНЫ

Перевел М. Валагин

Эту песню Токтогул спел перед начальником карательного отряда, который приехал его арестовать.

О начальники-господа,
Вы из города к нам сюда
Прикатили, а что за дело
Привело, какая нужда?..
Поглядите: народ трясут
И народную кровь сосут
Бай-мананы, калпы с ишаном —
Позовите-ка их на суд!

Вы из города, гости вы,
Весь отряд зашел к Керимбаю...
Спесь чиновную сбросьте вы,
Перед ней спины не сгибаю.
Я хочу, чтоб узнали вы,
Как мананы, бай, ишаны
Не дают поднять головы —
Обирают нас неустанно.
Мне не верите, господа?
У других спросите тогда —
То же самое скажет каждый,
Всех терзает одна беда.

Губернатор, песне внимай
И пойми из слов Токтогула

Как у нас распоясался бай,
Как нужда мой народ согнула,
Как свирепствует Керимбай,
Саганея в грязи разгула!

Бьют хозяева бедняков,
Люд несчастный солнца не видит.
Неужели удел таков,
И другой нам доли не выйдет?
Гослодин, справедливым будь,
Беднякам удели вниманье,
Выбрать надобно честный путь,
Оправдать высокое званье.

Ты послушай мои слова,
Ты отрой-ка для правды уши,
Ты скажи, где наши права? —
Что ни день, то народу хуже.
И манап и бий-живоглот

У людей под видом налога
Забирают последний скот,
Нет, жулье не боится бога!
У таких на уме — доход!

Ты спроси с них, начальник, строго.
Лучше всех Керимбай живет,
Вот уж этот не даст промашки:
Деньги он и с того сдерет,
Кто давно уже без рубашки.

В чем, скажи, бедняков вина?
Бог для горя их создал, что ли?
Чашу горькую пьют до дна,
И сердца их ноют от боли.

Ты верни им отнятый скот,
Чтоб вдохнули, чтоб не тужили,
А злодеи — наоборот —
Пусть получат, что заслужили.

Ну, а если черен внутри

И тебе неведома жалость,
То тогда себе забери,
Забери последнюю малость,
Что еще у людей осталась!

ПРОЩАЙ, МАТЬ!

КОШ, АПАКЕ!

Перевел М. Ватагин

Ты рыдаешь, ты плачешь, мать,
Ты оплакиваешь меня,
Но ведь я пока еще жив,
Хоть не светит мне солнце дня.
Я среди горемык, в строю
Под охраной уже стою,
И слезами своими горькими
Ты терзаешь душу мою.
О моя дорогая мать,
Успокойся, слезы не лей,
Без того тебе тосковать
Суждено еще много дней.
Дорогая, слезы уйми,
Ты затихнешь от них, пойми,
Пусть прогянутся годы, пусть,
Жив останусь — к тебе вернусь.
О моя дорогая мать,
В муках ты меня родила,
Ты хотела мне все отдать,
Что имела — все отдала.
Ты вскармила своим молоком,
Ты согрела у теплой груди,

Одарила своим языком,
И акыном я стал, гляди.
Керимбай довел до тюрьмы,
С юных лет враждовали мы,
А сегодня он победил —
Оболгал, упек, отомстил.

Поглядим, что судьба таит.
От начертанного не уйти...
Неужели тюрьма сгноит?
Неужели умру в пути?
Нет, я верю: вернусь, вернусь...
О надежда, светик, светик!

Одолели меня враги.
Впереди — лишь ада круги.
Ты напрасно не плачь, родная,
Ты слезами глаза не жги.

Если силы хватит в груди,
Если смерть не схватит в пути,
Я вернусь в родную долину —
С Керимбаем счеты свести!

ПРОЩАЙ, НАРОД МОЙ!

КОШ, ЭЛИМ!

Перевел М. Еремин

Пришли проститься вы со мной,
Благодарю; народ честной!
Вы знаете, что жил я честно,
Не запятнал себя виной,

И вовсе не по доброй воле
Я покидаю край родной.
Проклятый Керимбай задумал
Сгубить меня любой ценой
За то лишь, что не преклонялся
Я перед толстою мошной.
Спасибо, что назло злодею
Пришли проститься вы со мной.
Корыстный бий, манал надменный,
Йшан — мошенник продувной —
Морочили и обирали
Бесовестно народ честной.
За то, что я хвалы богатым
Не пел, как прихвостень иной,
Теперь в железо я закован,
Штыки конвою за спиной.

За то, что сверг меня в беду,
Я, Керимбай, тебя найду
И отомщу, коль возвратиться
Написано мне на роду.

Я честно жил, а ты — татьбой,
Глумился ты над голытьбой, —
Я не гнушался петь для бедных.
Коль будет мне моей судьбой
Дозволено живым вернуться,
То расквитаюсь я с тобой.

Бесстыдно ты средь бела дня
Возвел поклепы на меня.
Не дали бии оправдаться —
Иду, оковами звеня.

Даст бог, вернусь, и твой черед
За все держать ответ придет.

И справедливое возмездье
Поддержит весь честной народ.

Даст бог, — так будет, а сейчас
С меня конвой не сводит глаз,
И взор мне слезы застилают,
Как будто свет дневной погас.
О сарты-родичи, прощайте!
Когда же вновь увижу вас?

Когда же родину мою,
Народ мой и мою семью
Увидеть доведется снова?
Не сгину ль я в чужом краю?
О сарты-родичи, прощайте!
Когда же вновь для вас спою?

Горючих слез не удержать, —
Когда увижу вас опять?
О родичи, утешьте в горе
Мою рыдающую мать.
Печаль в душе, как дымный чад,
А за спиной штucky солдат,
На части сердце разрывает
Моей жены прощальный взгляд.

Тотуй останется вдовой,
Не зная, все еще живой
Томится муж ее в темнице
Иль поплатился головой
За честный нрав — в земле сибирской
Найдя приют последний свой.
Прощайте, сарты, подгоняет
Меня безжалостный конвой.

Я был из rysаков рысак,
Но на ногах кандалный звяк,

И я без окрика конвойных
Не в силах сделать даже шаг.

Мне предстоит нелегкий путь,
Тоска-печаль сжимает грудь;
Солдаты, поимейте сердце:
На сына дайте мне взглянуть.
Мой Топчубай, мой бедный сын,
У Токтогула ты один;
В последний раз, быть может, вижу
Тебя из-за солдатских спин.

Сын — сирота, жена — вдова,
От горя мать едва жива,
Безвино, по навету злому
Моя пропала голова.

За что суровый приговор? —
Я не убийца и не вор,
И никакой вины не знаю
Я за собою до сих пор.
О сарты, как тулпар и беркут
Любил я волю и простор, —
Теперь в железо я закован,
И застилают слезы взор.

Прощай, земля Кетмень-Тюбе,
Я низко кланяюсь тебе —
Не сам решил тебя покинуть,
Так вышло по моей судьбе.

Живи и здравствуй, мой народ!
Ваш соловей для вас поет
В последний раз перед разлукой,
Мы бедняки, нас давит гнет,
И в жизни ничего не видим

Мы кроме тягот и невзгод:
Вы мне помочь не в силах ныне,
Но верьте: светлый день придет!

Друзья, ровесники, родня,
Вас отбирают у меня;
Прощайте, багши и саргы,
Вас отбирают у меня;
Прощайте, горы и джайлоо,
Вас отбирают у меня;
Мои вам песни остаются —
Вас отбирают у меня...

ПРИДЕТ ЛИ СВЕТЛОЕ ВРЕМЯ?

ВИЗГЕ КЕЛЕР БЕКЕН
КЕЦ ЗАМАН

Перевел М. Ватагин

Нынче дни мои нележки,
Произволом я побежден.
Вы-то знаете, земляки,
Что напрасно я осужден!

Было время — ходил легко
И вперед смотрел далеко,
А теперь плетется на каторгу
В кандалах соловей Токо.

Ноги злое железо трет,
А я должен идти вперед...
О, придет ли пора свободы —
И увижу я мой народ?

Вам поклон, киргиз и узбек,
Мои братья, моя родня,
Вы запомните ли меня?
Неужели ушел навек?

Вам поклон, родные края,
Соплеменники и друзья,
Будь здоров, мой народ киргизский!
Уношу тебя в сердце я.

Как теперь запеть соловью?
Горемычный, я не пою.
О, придет ли светлое время —
Я увижу землю мою?

Рыскулбековы кабаны,
Вы в Сибирь меня уекли,
Осужденного без вины
Вы погнали на край земли.

Я в злодейскую сеть попал
И теперь в кандалах бреду.
Я счастливым был, как тулпар,
Но ишан меня сверг в беду.

В НАЧАЛЕ ПУТИ

АЙДАЛЫН ЖӨНӨГӨНДӨ

Перевел М. Ватагин

На меня взвалили вину,
Неугоден я стал манану.
И теперь я судьбу клянусь —
Непосильную ношу таяну —
Я пешком иду по этапу.

Дай-то бог вернуться назад!
Не забудется мне расправа...
О награда из всех наград —
Я к левше подошел бы справа!
Керимбай, ты попрал закон,
Я простить тебя не сумею...
Я бы черным сделал тебя ишаком
И уселся б тебе, негодяй, на шею!

Позади Карагыр и Арым,
Позади мой народ бессильный,
Позади моей юрты дым,
Ухожу — осужденный, ссыльный,
Ухожу на каторгу я,
Ухожу, разлучен с народом,
Вспоминайте меня, друзья,
Ухожу в чужие края,
И полянется год за годом...
Я прощаюсь с землей родной
И с тобой, мой сынок, опора.
Что же станет там со мной?
Даст ли бог вернуться домой?

Если я вернусь, то не скоро.
Я прощаюсь с тобой, мой род,
И с местами навек родными.
Не забудь, запомни, народ,
Словья-изгнанника имя.
Дым родной вдалеке растаял...
Вам, друзья, последний поклон,
Буду помнить зеленый склон,
Где недавно я юрту ставил.
Повстречать бы в этих горах
Мне того, кто ходил с наветом,
Пику взял бы, вогнал бы в страх
Подлеца, кем оклеветан!

О, как я мечтаю, друзья,
Чтоб моя голова уцелела!
Будто сокол примчался б я
И с врагом сразился бы смело!
Лжесвидетель! Душа черна!
Все сумел переврать, собака!
Нет вины — найдется вина,
И не выбераться мне из мрака.
По щеке стекает слеза...
Долетят ли из дому вести?
Заливает тьмою глаза,
И душа моя жаждет мести!
Я вернусь, я домой приду
И врагов застану, уверен.
И тогда-то счеты сведу
С Керимбаем, рожденным зверем!

Я, КАК БЕРКУТ, КРУЖИЛ В ГОРАХ

АЙЛАНГАН ТООНУН БУРКУТУ

Перевел М. Ватагин

Я без сил, в темнице, в тюрьме,
Здесь не виден солнечный свет.
Руки-ноги мои в цепях,
Я один и выхода нет.
А солдаты усердно бьют.
Я не знаю их языка.
Хоть бы кто-нибудь защитил!
Участь узника нелегка.
Я, как беркут, кружил в горах,
А теперь, вот, в сети попал.

Руки, что держали комуз,
Царь проклятый цепью сковал.
Должен голову я склонять
Перед тем, кто душою мал...
Палачей моих я молил:
«Пощадите меня, прошу!»
Был порой готов умереть,
А ведь жизнью так дорожу!

Был поющим я соловьем —
Нынче стал безголос, увя,
Неустанным был скакуном —
Нынче ноги — будто мертвы.
В пору песен счастливей не было
Золотой моей головы!

А теперь головой поник,
Изогнул меня злой навет,
Одинокий сижу в тюрьме,
Стал сутул, и бледен, и сед.
Вспоминаю слезы жены,
И мучения горше нет.
Перед взором — сын Топчубай,
Мой зеленый росток, мой свет...
Проклинаю вас, времена,
Мне принесшие столько бед!

НЕУЖЕЛИ ТАКОВ ЗАКОН?

УШУНДАЙВЫ СУРАҒЫҢ?

Перевел М. Ватагин

Ты послушай меня, господин,
Управляющий всей тюрьмой:
Я несчастный узник, иду

Бесконечной черной тропой,
Мой единственный сын растет
При живом отце сиротой.

От народа меня увели,
А ведь я не убийца, нет,
Оковали меня без вины,
И померк в глазах моих свет,
На руках от твоих кандалов —
Вот он — незаживающий след!

Керимбай меня в сеть поймал —
Я с тех пор дороги месил,
Беспрестанно гнали меня —
Я шагал из последних сил,
В бесконечном этом пути
Подаяние я просил.

Ты, начальник, уши открой,
Чтоб услышать мой слова,
Ты узнай о горе моем,
Растолкуй мне мой права,
Я в мучениях много лет,
Видишь сам — я стою едва...
Дела нет начальству до нас —
Не могу и слова сказать.

Неужели таков закон,
Чтоб безвинного истязать,
Чтоб его нагайками бить,
Руки-ноги ему вязать?

Господин, коль ты справедлив,
На несчастного погляди
И, от правды ложь отдели,
Обвинение отведи,
Сделай так, как закон велит:
Правдой горький путь освети,

МУЧИТЕЛЬНОЙ СТАЛА МОЯ ЖИЗНЬ

АЗАШКА ТУШТУ ӨМҮРҮМ

Перевел П. Семьянин

О тленный, бесправный свет!
Как мне забыть тот день?
Мой бедный народ, как тень,
Шел, плача, за мною вслед.
Ночь унижений и зла
Сошла на меня в тот день.
О мир вероломства, ты жив,
Ты бедных заставил рыдать,
На илечи им горе взвалив:
Невинного гонишь страдать!

О мир вероломства, ты жив.
Я в сеть Керимбая попал,
Опутан без всякой вины.
Пулями, где конь не ступал,
Иду из родимой страны.
И разве не стыд, не позор —
Унижен оковами я!
Солдаты торопят мой шаг,
Им речь непонятна моя.
Будь проклят, злодей Керимбай,
Рожденный на горе мне!
Жестокие цепи гремят —
И руки и ноги в огне.
Народ, говоривший в слезах:
«Загублен наш соловей», —
Остался в далеких горах,
Сердце мое без друзей.

Где же я близких найду?
Кто облегчит мне беду?
От голода — слабость и дрожь;
Я худ, на себя не похож.
Но что же мне делать? Иду,
А даль — век не дойдешь!
Шагаю с думой одной:
К народу вернуться, домой.
Расследовать просьбу мою,
Увы, губернатор не стал.
Коварный земляк Керимбай
Давно уж мне яму копал.

До судорог руки свело, —
Оковы гремят тяжело.
За что я позором покрыт,
В безлюдные сослан края?
Комуз мой любимый разбит,
Поругана слава моя.
Как волны крутой высоты,
Несбывшиеся мечты
В душе моей глухо кипят.
Так где ж справедливость, закон?
На смерть Токтогул обречен —
Едва ль он вернется назад!
Язык соловьиный мой,
Лишь ты остался со мной,
И я, гонимый, пою
В чужом холодном краю.
Сослали меня далеко,
Лишив свободы легко!

Бормочет конвойный с ружьем;
Хочу ему слово сказать,
Он речи не знает моей,
А руки в цепях не поднять.

Солдаты ругают меня,
Прикладом толкают меня,
В цепях я совсем изнемог,
Но снять их с разбитых ног
Не разрешает конвой, —
Как псы, свирело, следят;
Отстанешь — ударит тебя
Иль пнет одноглазый солдат.

Не скажут: «Устал ты, поди,
Сядь на коня верхом».
Нет, гонят: «Иди, иди», —
Грозят трехгранным штыком.
Вовек не забуду тех ран,
Что в сердце мне выжег тиран.
Один я с болью своей;
От грязи весь почернел.
Не видеть мне светлых дней,
Уйти от беды не сумел.
Солдаты бормочут зло,
Не знают, как мне тяжело;
Мученья — вот мой удел,
Солнце жизни зашло.
Молча на грудь свою
Горькие слезы лью.
Дорога длинна, длинна,
Иду я и день, и ночь,
И нет близ меня никого,
Кто мог бы, как брат, помочь.
Внутри все опалено,
Лицо мое хмуρο, черно.
Босым иду по камням,
Подошвы истер давно.

Я, словно дитя, рыдал,
Слезы лились рекой,

Но отдыха я не знал,
Измученный далью такой.
За жидкой похлебке глоток
Я кровью последней истек
И песни свои отдаю.
Но что я дурного свершил,
Что топчут так жизнь мою!
У встречных просил я еды.
О, как ты ослаб, Токтогул,
Чтоб кланяться людям чужим,
Спины ты сроду не гнул.
Хоть песни пою без конца,
Но горечь свою до конца
Никак в них излить не могу.
Попавший в сети врагу,
С народом своим разлучен
Тобо — звонкий ваш соловей,
Но помнит в скитаниях он
О родине милой своей.
Народ мой, ты далеко,
Я плачу, скорбью объят,
Певцу твоему не легко,
Жалости нет у солдат,
Они лишь гонят, грозят.
По дальним дорогам я шел
Рабом, без комуза в руках,
Но сердце мое не могло
Смириться в сибирских снегах.

Ах, как тосковал я душой,
Отчизна — Кетмень-Губе!
О песнь моя! И тебе
Скитаться пришлось сиротой!

В печали о крае родном
Горит мое сердце огнем.

Тут сколько бы я ни просил —
Никто не ответит добром.
А руки мои от целей
В коросте и ранах сплошных.
Не счесть уже дней и ночей
Дорожных мучений моих.
Что делать, — терплю без вины
Я, в жизни не гнувшийся спины!
От ран мои руки болят.
Возможно ль унизить сильней!
Но стонов не слышит солдат,
А сердцу все холодней!

ПЕСНЯ УЗНИКА

ТУТКУН БЫРЫ

Перевел М. Вагагин

Для того ли мать родила,
Чтоб попал я в эту беду?
Раньше поступь легкой была,
Иногда шел, закусив удила,
Иногда, у всех на виду,
А теперь, как кляча, бреду.
Получил я в спину удар.
Кто придумал мою вину?
Раньше я летел, как тулпар,
А теперь, вол, едва тяну.

Изможденный шел под бичом,
Истрадалась мою спина.
О манапы, скажите, в чем

Перед вами моя вина?
Я в мучениях — каждый час,
Я поник, согнулся, угас.
За решетку меня за что?
Разве что-нибудь взял у вас?

Осужден совсем без вины,
Осужден до смерти страдать.
Мои ноги — куда бежать?! —
Кандалами изъязвлены!
А на пятках раны горят,
Где бежать! — идти не могу.
Доживу до воли? Наверяд.
Здесь погибну. Нет, убегу!

Я ослаб, я еле хожу,
И за это охранник бьет,
Я кричу от боли, дрожу,
Прошибает холодный пот.
Наш болуш меня осудил —
Без вины меня посадил,
Без вины отправил в Сибирь,
Укротил меня, остудил.
Ты придешь ли, воля моя?
Доживу ль до светлого дня?
Ворочусь ли в мой край,
Золотою струной звеня?

Как живет мой бедный народ?
Нет давно никаких вестей.
Если я умру средь дорог,
Не зарюют моих костей...
О злодеи, за что меня
Вы схватили средь бела дня?
Дождется ль когда-нибудь
Топчубаю в глаза взглянуть?

Дорогая старушка-мать,
Как живешь, как пасется скот?
Обещали ведь помогать
Наши родичи в черный год.
Может, скудно твое житье?
Может, плачешь ты обо мне?
Может, горькие слезы льешь
О стреноженном скакуне?

Сорок тысяч солдат вокруг —
Сорок тысяч царевых слуг,
Их язык я поняты не в силах,
Обречен я на сорок мук.
Тридцать тысяч солдат вокруг —
Тридцать тысяч царевых слуг,
Я ни слова не понимаю,
И боюсь беспощадных рук.
Я давно не стрижен, не брит,
Изнываю в омской тюрьме,
Но надежда горит, горит...
И свобода лишь на уме.

Голова седая в беде,
Все мечтаю я о еде,
Потому что моя еда —
Только черный хлеб и вода.
Неотступно голод грызет,
Поседела моя борода.
Неужели родной народ
Не увижу я никогда?
От народа оторван я,
Обессилен, оборван я,
И трудом изнуряющим, горьким
Обескровлен, надорван я.
У злодеев душа черна.
Нет вины — найдется вина!

Прах акына неужто скроет
Чуждедальная сторона?
Воротиться бы в отчий край,
У родных поесть от души!..
Не мечтай и здесь умирай,
В ледяной сибирской глуши.

Как стреноженный конь иду,
Кандалы мои раны трут,
Из беды шагаю в беду,
Облегченья, просвета жду —
Добивает каторжный труд.
То я землю долблю кайлом,
То я дерн тяжелый ношу...
Вспоминаю о сладком быллом,
Издевательства переносу.

Как мы держимся — не пойму.
Свечерет — гонят в тюрьму.
А ночами спать не дает,
Нас терзает, кусает, шьет
Арестантскую нашу кровь
Миллион тюремных клопов!
Но надежда в каждом живет,
Выжить, выстоять всех зовет.
Все мечтают: кончится срок...
Согревает эта мечта.
Жив ли там мой милый сынок,
При живом отце сирота?

Миллионы в тюрьмах сидят —
Горемыки, пленники зла.
Миллионы клопов едят
Их измученные тела.
Скоро тулятся остря
От тюремного бытия.

Из темницы нету исхода,
Застрепиться — нету ружья.

Я, задаленный, поостыл,
Пожелтел, согнулся, опал.
А ведь раньше я сильным был,
Перед барсом не отступал.
Погоняет стражник меня,
Как стреноженного коня.
Я спешу, и колени дрожат,
Лишь глаза мои — два огня.

Мной манапы разоблачены —
В этом можно меня винить,
Но других совсем без вины
В эти тюрьмы согнали — гнить.
Букара и манап — враги,
И вражде этой нет конца...
Мой народ, пленцу помоги,
Он, бедняга, там без отца.

Мать моя, изнываешь ты,
Слезы льешь-проливаешь ты,
Хорошо, что о здешних муках
Бесконечных не знаешь ты.
Как здоровье жены моей?
Я — живой, а она — вдова.
Нелегко приходится ей,
Как она там одна жива?

Мать родная, прости, прости,
Ты хотела навек уйти —
Умереть — чтобы я рядом был,
Проводил тебя, схоронил.
Когда грудь была сил полна,
И народ назвал соловьем, —

Закатилась моя весна,
Похоронен я сам — живьем.
Как хочу я крылья иметь,
Чтоб домой на них улететь!
Как хочу я могучим быть,
Чтобы стены тюрьмы разбить!

ЖАЛОБЫ УЗНИКА

ТУТКАНДАГЫ АРМАН

Перевел М. Ватагин

В одиночке давно сижу,
Сколько здесь мне еще пробить?
Те мученья, что перенес,
Никогда не смогу забыть.

День и ночь в темнице один,
День и ночь один взаперти,
Я давно не видел людей —
Никому не дают войти...
Пайка хлеба — как ты мала! —
Голод, голод мой укроти!

Постелив на нары чарпан,
Забываюсь, как будто сплю,
И никак не могу заснуть —
Муки голода я терплю
И всю ночь о хлебе мечтаю,
И о хлебе бога молю.
Кипяток без чая дают —
Что же делать? — водицу пью,

Потерял я силу мою
И сегодня едва стою.
Неужели в родных долинах
Я подобен был соловью?
Даже щелки в камере нет,
Чтоб пробилась солнечный свет.
Где тот день, когда я увижу
Над землею моей рассвет?
Горемычная мать моя,
Ты дождешься ли соловья?
Всей измученною душою
Я стремлюсь в родные края.

От безмерных мук и обид
Сердцу больно и гнев кипит.
Преступления нет за мною,
Так куда ж начальство глядит?

Я на муки здесь обречен,
Новый день мне давно не мил...
Но душа, будто белый сокол,
Рвется в горы, в родной аил.
От народа я отлучен,
Невиновный, я осужден.
Неужели для темной камеры
Я в горах киргизских рожден?
Те мученья, что перенес,
Не забудутся никогда.
Сколько лет страдаю на каторге?
Без вины я попал сюда.

Я напрасно к правде взывал,
И напрасно хлеба просил...
Тело — в незаживающих ранах,
Силы кончились, нету сил,

Нету сил страданья терпеть,
Нету сил, как прежде запеть.
Доведется ль домой вернуться
И увидеть родной аил?

В ИЗГНАНИИ

ТУТКУНДА ЖУРГӨНДӨ

Перевел М. Ватагин

В руки дали топор тупой
И погнали глухой тропой.
Я тогда себе прошептал:
«Приготовься, твой час настал,
Получай в затылок свинец,
Обретай покой наконец.
До могилы ведет тропа...»
Но другою была судьба.

Огляделся — народ вокруг,
Сотни крепких, надежных рук,
Все — на каторге, все — друзья,
Обездоленные, как и я.
Вон казах, татарин, узбек.
Вон киргиз и русский, гляди!
Всех загнали в бескрайний снег,
И у всех страданье в груди.

Я на родине правду пел,
Отхлестать кабанов успел,
Но манашы сказали: ложь!
Оплевали песню мою,

Оковали песню мою,
Где управу на них найдешь?

Бесконечен каторги срок,
И расступок мой изнемог.
И лицо мое пыль покрывала,
И пыль изгнания, пыль дорог.
Далеко дорогой аил.
Дома жаворонком я был.
Мой народ, ты меня все помнишь
Или, может, уже забыл?

Слыл на родине соловьем,
Разливал я песни рекой,
А теперь — погребен живьем —
Пни корчую в тайге глухой.
Провожу в молчании дни,
Провожу в страдании дни.
Мой народ, вспоминай акына —
Провожу в изгнании дни.
Провоюсь ли живым домой?
О, как бдителен тут конвой!
Я недавно побег задумал,
Но в упор глядит часовой.
Вековые ели рублю,
Еле-еле я их валю,
Обессилел уже вконец,
И в руках и в ногах — свинец.
Сколько сил осталось в груди?
Сколько лет я в этом лесу?
Сколько мук еще впереди?
Сколько горя перенесу?
Но в унынье дальних дорог
Песни гор я в душе сберег...
И комуз смастерить надумал —
Без комуза я жить не мог.

Пусть крута и лиха стезя —
Без комуза акыну нельзя —
Топором я его сработал,
Помогали мои друзья.
Раздобыли струны они,
Три струны певцу принесли,
И теперь коротаю дни
С горной песней, от гор вдали.
Из доски смастерил комуз,
Вырезал его по ночам...
Конвоиры глядят, боюсь,
Не понять меня палачам.
Как смогу я им объяснить,
Что не петь нельзя соловью?
Истончается жизни нить,
Если долго я не пою.
Мой комуз топором долблен,
Не комуз — сырая доска,
Но играю, в песни влюблен,
И бежит от меня тоска!
Мой комуз усталых бодрит,
Он надежду сердцам дарит.
Мой язык не все понимают,
Но комуз — с любым говорит.
Сколько разных тут языков!
Всех пешком пригнали в тайгу,
Все влачат железом оков —
Не могу смотреть, не могу!..
Развлекаю друзей игрой,
Незаметно приходит ночь.
Конвоиры и те порой
Мой комуз послушать не прочь.
Но теперь я о том пою,
Что постиг в ледяном краю:
О мученьях простого люда
Подобает петь соловью.

Путь изгнанников крут и слеп,
Он бесправен, жесток, нелеп.
Умираем мы здесь от голода —
Так уж скуден каторжный хлеб!
В снег лицом повалился друг,
Доконал непосильный труд.
Это горе тому понятно,
Кто закапывал мерзлый труп.
Я от смерти на волоске,
Истомился в снежной тоске,
Истощился и обезумел —
Все мечтаю я о куске...

В муках каторги стынет кровь.
Молодые ушли года.
Неужели родимый кров
Не обрадует никогда?
Но играет верный комуз,
Отлегал от сердца груз,
Улыбаются мне друзья —
По душе им песня моя.
А начальнику донесли,
Что над снегом песня парит,
Что с людьми из любой земли
По душам комуз говорит...
И начальник средь бела дня,
Чертыхаясь и всех кляня,
Разможил мой комуз о камни,
В одиночку бросил меня.
Только песню не растоптал,
Эта песня — врагам в укор.

В муках каторги старым стал
Соловей наших гордых гор.

ПЕСНЯ ПОБЕГА

КАЧКАНДАГЫ ЫР

Перевел Я. Козловский

Вдали, среди высоких скал,
Остался горный перевал.
Прекрасной славной Ферганы
Уже мне земли не видны.
Саяк, багыш — народ родной
Остался за моей спиной.
Скорбит душа. День ото дня
Все меньше силы у меня.
И может, в отчей стороне
Уже не помнят обо мне.

Я по степи один бреду.
Тьма ляжет — как я путь найду?
Плечусь, теряя верстам счет.
Умру — кто саван мне сошьет?
Блуждаю среди горьких трав,
Из заточенья убежав.

И если вдруг умру я тут,
То за руки меня возьмут,
И за ноги меня возьмут,
И по траве поволокут.
Мой прах земле не предадут,
В лощине бросят и уйдут.
На пир слетится воронье
И тело расклюет мое.

Собрав в себе остаток сил,
Держу я путь в родной аил.
О мать моя, иду пешком
К тебе, что белым молоком

Меня пошла долгий срок —
Мне шел тогда седьмой годок;
Спешу, тоскую по тебе,
Добраться до Кетмень-Тюбе.

Добравшись, умереть готов,
Не трагя на упреки слов.
Со мною ведь родня моя, —
И смерть с улыбкой встречу я.
И, Керимбаю отомстив,
Я смерть приму, не загрустив.
Коль с другом встречусь я опять,
Не могут здесь меня понять!

В ПОБЕГЕ

КАЧЫН КЕЛЕ ЖАТКАНДА

Перевел Ю. Гордиенко

Днем и ночью иду —
Далеки расстоянья!
Встретив дом на пути,
Я прошу подаянья.
Подают мне еду.
Я иду, все иду.
Через край незнакомый,
Вдаль дороги манят.
Словно я уже дома,
Я взволнован и рад.

Я за струны берусь.
Так, с комузом еловым
Пробиваюсь, кормлюсь
Моей песней и словом.

Пусть устали запястья
Натруженных рук,
Собираю на счастье
Я девушек в круг.

По душе им, сдается,
Мое ремесло!
Ухожу. Остается
За спиною село.
Что я сделал, манайы?
Бай, в чем обвиня,
Вы тюремщику в лапы
Толкнули меня?

Я, в изгнании выжив,
Скоро ль в горы вернусь?
Скоро ль сына увижу,
Обниму, улыбнусь?

НЕ СУЖДЕНО ЛИ МНЕ
УМЕРЕТЬ НА УЛИЦЕ?

КОЧЕДО ОЛЧУ КУНУМБУ?

Перевел Б. Слущкий

Пешком пробираясь из Сибири, изголодавшись в
пути, Токтогул спел эту песню под окнами какого-
то дома.

Я целый город обошел
И кровя на ночь не нашел.
Случал я в каждое окно,
Но не открылось ни одно.

Я на киргизском языке
Пою от дома вдалеке, —
Не могут здесь меня понять!
В тяжелый день, наверно, мать
Меня на муки родила,
Я с песней целый день хожу,
Но песня не нашла угла,
Где ночь в тепле бы провела.
И я угла не нахожу.
Никто не хочет мне помочь,
Не пережить мне эту ночь.

За что, тираны, в горький час
Вы погубили жизнь мою?
За то, что я не славлю вас,
Что вам хвалы я не пою?
Неужто не найдется дом,
Стекланным блестящий окном,
Где смог бы провести я ночь.
Никто не хочет мне помочь.
Приходится поклоны бить,
Чтобы хлеба вымолить кусок.
Но что мне делать, как мне быть —
Мой край любимый так далек!
Чтобы войти в родимый дом,
Я унижаюсь день за днем.

Пусти, хозяин, на денек,
Благое дело соверши,
Бездомных нищих возлюбя.
Оно полезно для души,
Что меньше муки у тебя.
Хозяин, милосердным будь!
Взгляни же на мою беду,
Мне только б ночьку отдохнуть,
А утром — дальше я пойду.

Нет, видно, бессердечен гог,
Кто беззаботно здесь живет!
Изнемогла моя душа,
А тело — голод изнурил.
Как лошадь, загнанный, дрожа,
Прошу, чтоб двери ты открыл.
У замкнутых ворот стою
И хриплым голосом пою.
Увижу ль я родной аил?
Из ссылки горестным путем
Живым вернусь ли в огчий дом, —
Где я певцом любимым был,
Где был веселым соловьем?

Хозяин, отвори окно!
Не может быть, что суждено
В чужой, далекой стороне
На улице погнать мне.
Владею песен мастерством!
Ты этот дар не попирай!
Вернусь ли я в родимый дом?
Увижу ль я любимый край?
Я голоден, и я устал.
Пусти меня на твой порог,
Чтоб я хоть ночь в тепле проспал,
Пусти меня, я весь продрог.

Я знаю песен мастерство,
Не погубил я никого,
Я не ограбил, не убил.
За что ж сюда я сослан был?
Конь не осилил бы пути,
Который мне пришлось пройти.
Два года я домой иду;
Под окнами так много пел

Я песен про свою беду,
Что этим я унижил их.
Не только я позор терпел,—
Со мной терпел позор мой стих!

Из ели выдолблен комуз —
Едва я струн его коснусь,
Он слабо отвечает мне...
В моей родимой стороне
Уларом звал меня народ.
А здесь улар уж много дней
Приюта на ночь не найдет.

Печальнее не знал я дня.
Что сделать мне, чтобы меня
Пустили переночевать?
Неужто дома побывать
Я не смогу, и на ветру,
Как пес бездомный, здесь умру!

Наверно сын мой Топчубай
Сегодня плакал обо мне.
Сынок! Почаще вспоминай
Отца в далекой стороне.
Увидит ли тебя отец,
Прижмет тебя ль к груди своей?
Неужто мне пришел конец?
Неужто смолкнет соловей?
Глаза слезятся на ветру,
Стекает по щеке слеза.
Я здесь на каторге умру,
Мне ворон выключает глаза.
Замолкнет песня соловья.
Последний раз я вам пою,
А сколько их когда-то я
Сложил для вас в родном краю!

Ты предо мною, смерть моя!
Сил больше нету никаких.
Наверно, не увижу я
Друзей, ровесников своих.
Теперь уж скоро смерть придет,
Я вновь увидеть не смогу
Родной киргизский мой народ
И горы в солнце и в снегу!

О глаза моего зрачок,
Мой вороненок, мой сынок!
Тебя не увидаю я,
Передо мною смерть моя.
Накажет ли моя родня
Тиранов, выдавших меня?
О край родной, как ты далек!
Как ты далек, народ родной!
Как жажду я увидеть вас!
Я повял, как я одинок.
И словно тает снег весной,—
Так слезы хлынули из глаз.
Унижен, беден Токтогул.
Его страданиям нет конца.
Как нищий, руку протянул
Акын, что вдохновлял сердца.

Я целый город обошел
И крова на ночь не нашел.
Я по сибирскому пути
Шесть месяцев уже иду.
Достанет силы добрести?
Забуду ль я свою беду?
Немало горя испытал
Сынок мой, вороненок мой.
Дойду ли я до наших скал?
Вернусь ли я живым домой?

Быстрей коня скакать я мог,
Кукушки громче куковать,
Раскрыться в песне, как цветок,
Свой дар — народу отдавать...

Моим рукам не знать струны,
Не распевать моим устам.

Меня сослали без вины
На радость всем моим врагам.
Мне муки были суждены.

Я без вины сидел в тюрьме.
Глаза ослепли без вины
В сырой и душной полутьме.
Наверно, плачет мой сынок,
Тоскует, светик, обо мне.

А я угла найти не мог
Б чужой далекой стороне
За подайнем протянул
Худую руку Токтогул.

Умолкнет скоро соловей,
Что вдохновлял сердца людей.

За что же в бедствии таком
Проходят Токтогула дни?
И долго брел я босиком
Так, что потрескались ступни.

Лицо сторею на ветру,
А было — зеркала светлей.

Вдали от родины умру.
Навеки смолкнет соловей.

Услышат ли в краю родном,
Дойдет ли до народа весть
О горестном пути моем,
О том, что бед моих — не счесть?

Корою обросли сердца
Людей, обидевших певца.

Манашы! Ваша клевета
В тюрьме сгноила соловья.
Вернусь ли к сыну моему,
Дождусь ли этой встречи я?
О, сколько в городе дверей!
О вы, жестокие сердца,
Откройте двери поскорей —
Пустите ночевать певца.

Там дикой утки не найти,
И лебедь не летит туда,
Где пролегли мои пути,
Куда гнала меня беда.
Во время паводка — тонул.
В пустыне — без воды страдал.

О горемыка Токтогул,
Чего ты не перевидал!
Туда и птица не свернет,
Где я страдал за годом год!

ДВА МЕСЯЦА — НЕМАЛЫЙ СРОК

ЭРИКТИМ ЭКИ АЙ ЖОЛ ЖУРУП

Перевел М. Еремин

Два месяца — немалый срок —
Бреду-скитаюсь без дорог,
То претраждают путь болота,
То горы, то речной полог,
Мне каждый шаг дается болью
Израженных, истертых ног;

Болит измученное тело,
От голода я изнемог,
Глаза ввалились, отоцал я —
Ни дать ни взять — костей мешок,
Моя душа истосковалась,
А путь по-прежнему далек.

Однажды на исходе дня,
От гибели в лесу храня,
Судьба к какому-то селенью
На счастье вывела меня.
Должно быть, все уже уснули —
В окошках не видать огня.

Я постучался наугад —
Быть может, здесь еще не спят.
Хозяин мне открыл без страха —
Радужный жест и добрый взгляд.
«Всяк странник — божий человек», —
Сказал и предложил ночлег,
А ведь вокруг места глухие,
Не редок с каторги побег.
Гостеприимства Жомалай
Не позабуду яовек.

К столу в кругу его семьи
Я сел на краешек скамьи,
И щедро ужин разделили
Со мной хозяева мои.

Страшна неправедная власть —
Не знаю, есть ли злей напасть,
Но все же я в тюрьме не слинул,
Не угодил я к зверю в пасть,
И люди добрые не дали
В ту ночь от голода пропасть.

Хозяев я благодарил
И, радуясь приливу сил,
Взял мой комуз и тронул струны,
И мой комуз заговорил,
На звуки моего комуза
Собрался чуть не весь аил,
Пришли от мала до велика —
Комуз в диковинку им был.

Стоит, заслушавшись, народ,
Хоть поздно, спать никто нейдет,
Конечно, слушателей всюду
Умельный музыкант найдет,
Ему окажут повсеместно
И уваженье, и почет.

Играл почти что до утра,
Всем по душе пришлася игра,
Они как будто позабыли,
Что по домам идти пора,
И щедро в мой калпак бросали
Кто рубль, а кто и полтора.

Я так в скитаньях изнемог,
Что на три месяца я слег
В гостеприимном этом доме,
Бывало даже за порог
Не в силах сделать был ни шагу
Из-за моих разбитых ног;
Я знаю, что я мог погибнуть,
В тайге блуждая без дорог,
Но если б не бежал, меня бы
Наверняка сгубил острог.

Укрывшись от моих врагов,
Участие, еду и кров

Обрел я в доме Жомалая;
Поджили раны от оков,
И ожгла в душе надежда;
Не то, чтобы совсем здоров,
Но я уже окреп настолько,
Что в путь пуститься был готов.

Я не владел их языком,
Им был киргизский незнаком,
Но жил у них казах, который
Был мне почти что земляком.

Чтоб знал живущий там народ,
Откуда и куда идет
У них приют нашедший странник,
Казах-толмач аил на сход
Созвал, и выслушали люди
Моих рассказов перевод,
Дивясь, как много мне на долю
Безвинно выпало невзгод.

Сказал, что вновь мне в путь пора,
И люди с каждого двора
Мне выделили на дорогу
Кто рубль, а кто и полтора.
И я опять им на комузе
Играл почти что до утра.

Как только заалел восток,
Я в руки взял мой батожок,
Шесть караваяв Жомалай мне
В заплечный положил мешок:
«Возьми в дорогу, божий странник,
Твой путь и труден и далек».

«Дай бог, чтоб цел и невредим
Добрался ты к своим родным,—

Сказал хозяин на прощанье, —
Пройдешь неделю с небольшим,
И должен выйти ты к казахам,
Считай, что родичам твоим».
И поклонившись Жомалаю,
Сердечно я простился с ним.

И поклонился я звезде,
Что путников хранит в беде,
И в путь пустился со словами:
«Есть люди добрые везде».
Должно быть сбился я с пути,
Но чтоб до людных мест дойти,
Я проблуждал по бездорожью,
Пожалуй, дней до двадцати.

Открылся мне степной простор,
Вдали виднелись цепи гор,
Все родину напоминало,
Всем этим грезил я с тех пор,
Как отнял у меня свободу
Несправедливый приговор,
Всем сердцем я домой стремился,
И застилали слезы взор;
И доносившийся из юрты
Был мне понятен разговор.

И сбросил я котомку с плеч,
Услышав родственную речь,
Казахское гостеприимство
Я буду в памяти беречь.

И мой комуз поведал им,
Как я скитался по чужим,
Неведомым, далеким землям;
О том, что был судьбой храним,

О добром сердце Жомалая
Поведал жителям степным.
Поведал я про груз оков,
Про то, как зимний лес суров,
Про сани, про собак в упряжках,
В краю морозов и снегов,
Про то, что ездят на оленях
И про почтовых рысаков,
Про то, как много неизвестных
В пути услышал языков,
Про стройных девушек-красавиц
И про степенных стариков.

Я лишь одной надеждой жил,
Лишь об одном судьбу молил —
Увидеть бы родной аил,
Обнять бы тех, кто сердцу мил,
Вернуться к моему народу
Стремился из последних сил.

НА КАЗАХСКОЙ ЗЕМЛЕ

КАЗАК ЖЕРИНДЕГИ ЫР

Перевел Р. Моран

1

В сердце мое печаль вошла
И песню сложил я тогда.
К братьям-казахам, черна и зла,
Меня привела нужда.

Был я чужим на этой земле,
Но среди добрых людей
Так мне хотелось пожить в тепле
Хоть бы несколько дней!
Пятки растрескались, ныло плечо,
Еле я брел в степи.
Но если солнце в зените еще, —
Надежду храня, терпи...

И вот я встретил двух молодух.
Едва перевел я дух.
Подумал немного, потом спросил,
Как называется их аил.
Может ли путник убогий тут
Найти еду и приют.
Спросил, про себя допевая стих,
Кто в достатке живет у них,
Но сердцем мягок, и щедр, и благ.
И мне ответили так:

— Есть у нас добряк Батырбай,
Он зажиточный человек.
К Батырбаю в юрту ступай,
У него ты найдешь ночлег.
Ты присядешь к его котлу,
Отдохнешь ты в теплом углу.
Не поправится — не робей:
Много в племени улуу
Есть других хороших людей.

И по указанной мне тропе
Побрел я, как брел я ночи и дни,
Острые камни вливались в ступни,
Я задыхался в своем тряпье.
И, наконец, в предвечерний час
Увидел людей, творящих намаз,
И подошел я к этой голпе.

Верный комуз, кормилец мой,
Спрятан был у меня под полой.
Молвив «салам», я отдал поклон.
«Салам!» — сказал асакал.
Перед своими гостями он
Сахар, как снег, рассыпал.
Щедрым к чужим нам, бесправным, был.
И в воцарившейся тишине
Слово такое он молвил мне:
— Что стоишь ты? Входи сюда.
Я в ночлеге, в еде никому
Не отказывал никогда.
Эй, налейте айрана ему!
Пить кумыс еще рано ему:
Если путник путем изнурен,
От кумыса слабеет он.

Дали айрана мне целый жбан.
Хлеба белого принесли.
Силы мои укрепил айран,
Досыта хлеба наелся я,
Гость казахской земли.
А отдохнув, огляделся я,
Вынул комуз и начал петь
Песню свою «Джаш киял»,
Чтоб угощали и впредь.
И благородное чувство свое,
Чтоб угощали и впредь.

В юрте притихшей — наперебой
Заокали языки:
— Видно, он послан самой судьбой,
Играет он мастерски!
А на комузе моем, звучна,
Бабочкой трепетала струна...

Слушатели рассказали всем
О необычайном певце.
Людей было много — не меньше, чем
Шерстинок на овце.
Люди у входа толпились, а я
Все громче пел, все смелей...
В тот вечер собрали там для меня
Почти пятьдесят рублей.

Теперь я мог продолжить свой путь,
Нужды не боясь... Но тут
Сказал Батырбай:
— Ты у нас побудь,
Пускай ступни подживут.
А мы насладимся игрой твоей
Неслыханной чистоты.
Оказывается, соловей
Белогортанный ты!

Жил я в аikle месяца два,
Песни я пел для всех,
И у казахов мои слова
Рождали слезы и смех.
Жил, как джигит, что не зная забот,
Навещает невесту-красу.
Никто не сказал мне: паси скот
Или бери косу.
Словно о самой близкой родне
Пеклись обо мне они.
Козьим жиром мазали мне
Израненные ступни.

Больше двух лет я скитаюсь, бьюсь,
Я умирал не раз,
Если б не мой кормилец-комуз,
Если б не добрых сердец союз,

Если бы не было братских уз,
Кто бы меня спас?
Время настало, и весь аил
В дорогу меня проводил.
— Да будет детей ваших долог' век! —
Казахам я говорил.

А провожающие в ответ
Сказали такие слова:
— Коль обидели — не взыщи.
Ты родню свою разыщи.
Да не знает огненные бед
Золотая твоя голова!
Ты в родную приди страну,
Позабудь кандалы и плеть,
Сына малого и жену
Ты живыми-здоровыми встреть.
И в согласии и любви
Со своим народом живи.

Сердце, ты горечь разлуки стерпи!
Снова один я в бескрайней степи...

2

Братья-казахи! Свою
Жалобу я вам спою.
Видите, в рубище я
Здесь перед вами стою.
Край мой киргизский далек,
Я же совсем изнемог.
Горе мое велико,
Дрогнули мой верный комуз.
Вольным акыном Токо
Я в Ала-Тоо зовусь.
Вырыл я горы руды,
В пламени адском горя.

Я убежал из орды
Злого тирана царя.
В добром народе своем
Певчим я был соловьем,
Был я и горд и удал,
Знал меня юг и восток,
А попрошайкою стал
На перепутьях дорог.
Был я подобен орлу —
Хохлюсь пленцом на дожде...
Братя из улуу,
Братя из рода джиде,
Слушайте плач о беде.
Думаю я об одном:
Как бы семью повидать.
Жажду и ночью и днем
Землю свою повидать.
Бедных судьба не щадит,
Кто от нее защитит?
Сын сиротою растет,
Сам я из горьких сирот.
Щеть я сызмальства умел,
Был без бахвальства я смел,
Таял я каплей свинца,
Гнул ся, как ивы побег,
Струны под пальцем юнца
Плакали, как человек.
Был полевым я цветком,
Был я народу знаком,
И соловьиным его
Звонким я был языком.
К струнам притронушь едва —
Я весело земляков.
Гнева рождаю слова —
Пули пронзают врагов.

Братя! О годах в аду
Речь я теперь поведу.
Горя не знаящим, понять
Трудно чужую беду!
Братской казахской души
Дружбою я дорожу.
Просите вы: «Расскажи!»
Слушайте — я расскажу...
Взял меня царь Николай
И заковал без суда.
В дальний, неласковый край
Шел я босым в холода.
Бил нас жестокой конвой,
Чудом остался я цел.
В Омске, в темнице сырой
Месяцев тридцать сидел.
Гнали пешком нас в Сибирь,
В этот опромный пустырь,
И запрягали людей
В сани, как лошадей.
Друг у меня был, Осмон,
Родом с Урала, казах.
Был он по-русски учен,
И у меня на глазах
Только за это его
Белый начальник убил.
Сам я — до света — его
В мерзлую землю зарыл...
Лишь о страданиях, увы,
Песню пропел Токтогул.
Вот и услышали вы,
Что прегерпел Токтогул.

На ведомых людям тропах
 Побывал Токтогул.
 В побуревших от зноя степях
 Кочевал Токтогул.
 В недоступных архарам местах
 Жил средь скал Токтогул.
 И в уральских дремучих лесах
 Горевал Токтогул.
 Медь и камень в сырых рудниках
 Добывал Токтогул.
 Каторжанин с комузом в руках,
 Распевал Токтогул.
 И попал через дыры в горах
 На Байкал Токтогул.
 И в тюремных стенах, и в бегах
 Побывал Токтогул...

Удивляется ваш аил
 Как я немощен и убог.
 Десять лет своей кровью кормил
 Я тюремных клопов и блох.
 Я в пургу в степи замерзал,
 Вечный голод меня терзал.
 Бы позвали меня на той,
 Но робел я перед толпой:
 Разве мог я признаться вам
 В том, что каторжник я простой...
 Хохотал Дован-бий — судья,
 Когда пел по-казахски я.
 Он безумцем меня назвал,
 И высмеивал, не щадя.

Лизоблюды акыны есть,
 Продающие свою честь,
 Покрывающие обман —
 Любят их на таких пирах!
 Я ж не лезу в байский казан...
 Защитил певца Сулейман,
 Утешенье отца Сулейман,
 Пусть его наградит аллах.

Краткой жизни моей весна
 Лихолетьем омрачена.
 Словно горных ручьев струи,
 Разливались песни мои.
 По горам кочевал джигит,
 Услаждая игрою слух,
 И, шутя, чаровал джигит
 Незамужних и молодых.

А теперь я в степи брожу
 И дрожу от ночной росы,
 А когда к жилию подхожу —
 На меня бросаются псы.
 Я в лохмотьях плетусь, как тень,
 Я в худые лапти обут
 И во рту ни крохи весь день,
 Если люди не подадут.
 По камням ступаю с трудом,
 С каждым шагом все громче стон,
 Ведь на четверть века судом
 Я неправедным осужден.

Не страдал еще так никто!
 Ох, далек Аягуз, Семей
 От киргизского Ала-Тоо!
 Ведь из Омска я много дней
 Пробирался по русской земле.

Проходил я через мосты,
Переваливал через хребты,
И сквозь недра байкальских гор
В непроглядной прощел я мгле
Через восемь десятков нор.
Десять месяцев беглецом
Я скрывался в густых лесах,
Но стою с открытым лицом
Пред тобою, мой брат казах.

5

Болушами гоним, замордован,
Русских братьев я в мире обрел.
Болушами в железо закован,
Русских братьев в Сибири обрел.
И за то, что я русским напевам
Обучил свой еловый комуз,
Приютил, накормил меня хлебом,
Обогрел меня добрый орус.
Сколько раз, когда злобно браня,
Избивали меня часовые,
Харитон и Семен за меня
Заслунались, как братья родные!
— Наш Токо, ты изсылки беги,
Обрети, — говорили, — свободу,
Вольный сокол, понавший в силки,
Улети, — говорили, — к народу.
— Для сородичей петъ ты должен! —
Убеждал меня Харитон.

Чтобы я не зачахнул в печали
И вернуться на родину мог,
Эти люди однажды сломали
Кандалов моих ржавый замок,
Дали в руки комуз мой еловый,

104

Повели по тропе потайной,
И в напутствие вещее слово
Произнес мой Семен дорогой:
— После века неволи тяжелой
Справедливое время придет.
Белый царь будет сброшен с престола
И целей наших время падет.
Верь, Токо, в торжество правосудья,
Верь, Токо, что научатся люди
Отличать, что черно, что бело,
Отличать, где добро и где зло!
Был Семен мой джигитом удалым,
Мне письмо к перевозчику дал он
И сказал: — Уходи поскорей!
Опасайся людей — не зверей.
Восемь дней по лесам пробирался,
На девятый я вышел к реке.
Русский лодочник мигом собрался,
Перевез меня на челноке,
И, сказав: «Обошлось, слава богу!»
Русский денег мне дал в дорогу...

Улетевший из клетки орел,
Сколько русских я братьев обрел!

А в киргизском родном аиле,
Будто дикие кабаны,
Пять злодеев меня стубили,
Обездолили без вины,
И чиновников подкупили
Непотребной свины сыны.
Для народа я пел родного,
Неподкупен я был и прям,
За свое правдивое слово
Ненавистен я был врагам.
Скорпионы, фаланги, змеи

105

Норовили ужалить меня,
И клевала меня все злее
Стая черная воронья.

Молодой аргамак горячий,
Всех быстрее я бежал в байгу,
А теперь я загнанной клячей
Из темницы царской бегу.
Наши дни темны и суровы,
И неправеден белый царь:
Плачут сирые дети, вдовы,
И покорны рабы, как встарь.
О, проклятое время злое!
Чужака, что забрел в аил,
Все боится спросить — какое
Перенес он горе лихое?
Ты, Джаке, у меня спросил...

Мы — киргизы, и вы — казахи,
Два народа, но кровь одна.
Волчья стая держала в страхе
Наши братские племена,
Нас душили, друг с другом ссоря,
Испытали мы много горя,
И насилие, и хулы,
Нас обманывали муллы,
Помыкали нами манашы —
Бедняков, к ним попавшим в лапы,
Обращали они в рабов,
Умножали сирот и вдов.
Я спрошу тебя, Сарсенбай:
Кто губил народ испокон?
Не казахский ли хан Аблай,
Не киргизский ли хан Ормон?
Я спрошу тебя, Джакетбай:
Среди трупов справлял пиры

Не разбойник ли Норузбай,
Не убийца ль Кенесары?

Ты спросил, Сулейман, дружок,
Есть ли брат у меня родной.
Отвечаю: я одиночек,
Без отца я рос сиротой.
С соловьиным горлом рожден,
Рано был я горем сражен.
Мать моя жива до сих пор,
Есть жена у меня и сын.
Но угнали меня в тюрьму
От высоких киргизских гор,
От зеленых моих долин.
Малочисленная родня
Не смогла защитить меня.
Я в когтях дракона хирел,
Увядал моих дней росток,
От вонзавшихся в сердце стрел
Я в неволе кровью истек.
О, мой белокалпачный народ!
Твой акын без тебя умрет...
Я в скитаньях липился сил,
Мне тоска иссушила грудь.
Даже господу я просил
В Ала-Тоо меня вернуть!
Сулейман, ты, как младший брат,
Дал скитальцу кошму и кров.
Я три ночи не сплю подряд —
Все страпуюсь я старых врагов,
Все боюсь я новых оков.
Почитаемый Сарсенбай!
Уважаемый Узакбай!
Я в изгнание давно томлюсь.
Дорогой Джигит Ёсентай!
Я к родным джайлоо стремлюсь.

Пятнадцать дней прожил Токтогул в казахском айле, пользовался расположением и пел свои песни.

Лишь в байском доме женщина по имени Бурулча не покормила и выпроводила Токтогула. Об этой Бурулче он сказал так:

Бурулча не пустила меня,
Точно вора честила меня:
«Ты коня уведешь!» — кричала.
«Ты телят украдешь!» — кричала.
Ни попить не дала, ни поесть
Заглянувшему в юрту акыну,
Помянула, зачем, бог весть,
Всю пропавшую за год скотину.
Сердце каменное у нее,
Слово матерное у нее,
Не язык у нее, а жало:
На меня наставив ружье,
«Убирайся, бродяга!» — визжала.

В чем, слагающий песни кедей,
Провинился я перед ней?
Я в слезах бежал от богачки,
Проняла меня боль до костей.
Лишь работник, сухой, как арча,
К вам направи меня тайком.
Вот как плохо со мной, бедняком,
Обошлась байбиче Бурулча!

«Ты справедливо обиделся на Бурулчу. Но не будь в обиде на казахский народ. Эта старуха — сестра Дован-бий, бедняки не видели от нее ничего хорошего», — сказал Сулейман.

Тогда Токтогул продолжал:

Я бежал из ссылки домой,
К вам с открытой пришел душой,
Ничего я не скрыл от вас
И правдивым был мой рассказ.
Ты же видишь, друг Сулейман,
Неспособен я на обман.
Горько слышать мне от людей,
Что меня осудил Дован.

Для того ли прутья свои
Поднимает над речкой тал,
Чтоб меня по знаку судьи
За теленочка, что пропал
Этой ночью у Бурулчи,
Негодяй-джигит отхлестал?
Цепи прочить мне Дован-бий,
Чтоб ославить меня опять.
Люди! Хотите ваш Дован-бий
В Омск отправить меня опять...

7

Остановившись в айле Бейсеит, в юрте Абдылды спел Токтогул песню о доброте двух братьев — Абитая и Ахмата, которые позаботились о скитальце-акыне.

Абитаю моя хвала!
Золотая его жена
Мой дырявый чапан взяла,
Залатала его она.
Был заботлив и старший брат,
Мне собратом ставший Ахмат:
Свежим мясом меня угостил,
На коня меня посадил,
Отправляя в далекий край,
Чистым просом суму набил.

А внимательный Абитай
Через мост меня проводил.
Моей горькой печали нора
Озарилась лучами добра.
Благодарность в душе храня,
Покидал я этот аил,
Будто я не просто коня,
А верблюда в дар получил.
— Ты сперва, — Абитай сказал, —
Одолеешь тот перевал,
И до соленых дойдешь озер
И увидишь степенный простор.
Там казахи пасут стада.
Там в долине одной стоит
Наш аил родной Бейсейт.
Заезжай, не боясь, туда:
Приюлит тебя, угостит
Дальный родич мой Абдылда.
Позабудь о своей госке,
Не грусти о своей судьбе! —
Вот какая тропа, Абике,
Привела скитальца к тебе...

Послушай теперь о том,
Что пережил Токтогул.
Послушай, с каким трудом
От смерти я ускользнул.
Ослаб от голода я,
Дрожал от холода я,
Я дней моих видел край,
Но спас меня Абитай.
И вот — я не мертв. Пою,
Навек не остался нем.
И вот — я айран твой пью,
И хлеб твой душистый ем.
А поля я не пашу,

А сена я не кошу,
И я не пасу скота —
Совесть моя нечиста...
Дабы мне беду минуть,
Поимщиков обмануть,
Как только солнце зайдет,
Я снова продолжу путь.
Тайком через Аягуз
Я ночью переберусь,
И через Караганду
В ночной темноте пройду.
А там уже степь не та —
Родные пойдут места!
Спасибо за хлеб и соль,
Теперь мне пойти позволь...
Благородный казахский народ!
Токтогул тебе славу поет.
Брат родной Узакбай — прощай!
Брат родной Сулейман — прощай!
Доброту твою, брат Джакетбай,
Буду помнить до смертного дня,
А забуду ее — пускай
Покарает господь меня!

ПЕСНЯ, СПЕТАЯ ПРИ ВИДЕ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

ЖЕРДИ КОРГОНДО

Перевел М. Ватагин

О джайлоо! Я сам не свой!
Я дышу твоею травой!..
Обнимаю землю родную,
Приникаю к ней головой!..

Я когда-то соколом был,
Бууданом нашей земли!..
Охладили враги мой пыл,
Из родимых мест увели.
В подземелье, в тюрьме, в плену
Встретил я не одну весну...

Завели ишаны скандал,
Свару их калпа завели —
Из-за этого я страдал,
Из-за этого пропадали
От долины моей вдали.

На моей золотой земле
Пел я гордо, пел я, смеясь,
А в Сибири, в снегах, во мгле,
Я валялся, втоптаный в грязь.
Ни на миг не стихала боль,
Будто всыпали в раны соль.

Так в неволе томился я,
Но к свободе стремился я..
И увидел сбывшийся сон —
Видно, счастьем не обделен!
Я опять люблюсь травой,
Я вернулся, братья мои,
Перед вами стою — живой! —
И поют во мне соловьи.
Снова, снова в родном краю!..
На джайлоо моем стою...
Здесь я не был двенадцать лет,
Но любой бугор узнаю.
Уста-Сай и Кара-Моло,
Как я там по вас тосковал!
Как в разлуке мне сердце жгло!
Там я всякий час тосковал...

Речка светлая Ййри-Суу,
Я вернулся в твой края
И теперь народу несущи
Все, что есть в душе соловья.

«Поскорей бы родной аил,
Что вскормил меня и вспоил», —
С этой думой теперь иду.
«Отомстить моему врагу,
Я давно перед ним в долгу», —
С этой думой теперь иду.
Я оттачиваю язык,
Он к высокой строке привык —
Создаю ее на ходу.
О долина Кетмень-Тюбе,
Сколько лет я иду к тебе!
Ты теперь уже на виду.

Показались мой края,
Сердце дрогнуло: поскорей!
Возликуют мои друзья:
«Возвратился наш соловей!»
Я на землю мою ступил,
Землю, что подарила мать,
И слезой ее окропил —
Я не смог слезы удержать.
Перешел я через Беш-Таш,
Впереди — долина моя.
Где ж аил ненаглядный наш?
Принимай, встречай соловья.
Вижу: вон темнеет аил,
Тот, где я иноходцем был.
Вон аил, Токтогул, гляди!
Всколыхнулась волна в груди.
Дорогой земли аромат
Будоражит душу мою.

Вот и славный Узун-Акмат,
Вижу вновь седую струю.
Я уже не иду — лечу,
Узнаю мой дом, узнаю,
Как я сына обнять хочу —
Утешенье, опору мою!
Это будет счастливый миг,
Я иду к нему столько лет!..
Вон Сары-Булак, Айыктык,
Лес и речка мне шлют привет.
Вот ущелья Кош, Ийри-Суу,
Вот он, тучный наш Семиз-Бель.
С чем сравню я эту красу?
О земля моя! Не во сне ль?..
Мой народ, единственный мой,
Ты усердно бога просил,
Чтобы я вернулся домой,
Чтоб на это хватило сил...

И я снова увидел вас,
Дорогие мои земляки.
Позади Арым и Талас,
Что светили, как огоньки,
Что светили мне сквозь года,
Сквозь пургу и тюремный тлен...
Ведь казалось мне — навсегда
Я попал в тот каторжный плен...

Вот Коргон-Ага и мазар,
Вот и наш Акчийский базар.
Вот родимый зеленый дол,
Принимай, я домой пришел.
Я нашел, нашел, что искал,
Соль земли моей, Шамшикал.

ПОЮ, УВИДЕВ КЕТМЕНЬ-ТЮБЕ

КЕТМЕЛ-ТӨБӨНУ КӨРГӨНДӨ

Перевел С. Куляев

Словно черноголовой барашек,
Я похищен был волком из стада,
Был оторван силком от народа
Безо всякой надежды на то, что
Возращусь на родимую землю.
...Но гляжу я на край небосвода,
Узнаю два отеческих русла —
Ийри-Суу лежит предо мною,
Семиз-Бель — родовое кочевье,
Где стада выпасают весною.
Я гляжу пред собою и вижу —
Алыш-Тер, Таш-Башат и другие
От рождения места дорогие,
Что меня провожали в изгнание.
Здесь из рода багыш кочевали
С наступлением лета семейства,
Здесь цветы по весне расцветали,
По которым грустил я в изгнание.
А чуть дальше у русла речного
Вижу край, где к сиротам и нищим
Так добры и приветливы люди.
А напротив лежат перевалы
Джаман-Кыя, а рядом Ктон-Тийбес,
А под ними шумят водопады
Тебе-Таш, и глаза мои рады:
Значит я возвратился в отчизну
Любоваться ее красотой...
Две реки обнялись подо мною,

Здесь кочевье родного народа,
Плodorодные пастбища сартов
На раздольных лугах Джеты-Суу.
Видно, так мне судьба положила:
С земляками опять повстречаться
Здесь, откуда пошел я в изгнание.
Предо мной разноцветные травы,
Предо мной травянистые склоны,
А за ними кочуют народы
Алакчан и Саткей... К тем, кто беден,
К тем, кто голоден или измучен,
Эти люди полны милосердия.
Я взгляну чуть подалше и вижу
Уста-Сай, по которому сердце
Так печалилось, что не расскажешь!
Но взойдет ли луна над горами?
Соберутся ли люди родные?
Может, встретит, лицом просиявши,
Мать родная изгнанника-сына?
Но взойдет ли над родной солнце?
А когда вся родня соберется,
То придет ли мой сын со словами:
— Мой любимый отец возвратился! —
Толчубай, мой единственный отрок...
Всех печалей своих не расскажешь!
Джаналы! Оседлай поскорее
Лошадей, коли путь наш не долог,
Поспешай, Джаналы, вечерет...
Нам поспеть бы к аилу до ночи!

ЗДРАВСТВУЙ, ЖЕЛАННЫЙ НАРОД!

ЭЦЕГЕН ЭЛИМ, АМАШЫ?

Перевел С. Липкин

Здравствуй, здравствуй, желанный народ!
Поседела моя борода
От тоски по тебе, от невзгод.
Соловей твой вернулся к тебе,
Но теперь он печально поет.

Жены, девушки резвой гурьбой,
Вида родича перед собой,
Обнимают седого Токо,
Обнимают того, кто скорбел
О родной земле глубоко.

Где мой сын, мой красавец родной?
Он скончался, нет сына со мной!
Та, что в жены я взял по любви,
Стала мужу другому женой.
Преперел я множество мук —
Не избавился ни от одной.

Льются черные слезы из глаз,
И печаль в моем сердце заглясь.
Вероломный, проклятый мир,
Я страдающим солосьем
Зарыдал на просторе твоём!

О прошедшем к чему горевать?
Об умершем к чему тосковать?
Будь же счастлив теперь, Токтогул:
Свой народ ты увидел опять!

Мраку сделаться светлым днем
Прикажу ли я плачем своим?
Сына, спящего смертным сном,
Разбужу ли я плачем своим?

О народ мой желанный! С тобой
Долго был разлучен я судьбой.
Наши семьи, здоровы ли вы?
Вы, друзья, что со мною росли,
Лошадей бело-негих пасты,
Вы скажите: здоровы ли вы?
Вы, подобные круглой луне,
Жены, девушки, милые мне,
Вы скажите: здоровы ли вы?

Кто в Сибирь провожал Токо,
Дорогие, здоровы ли вы?
Кто ценил мою песнь высоко,
О родные, здоровы ли вы?
Много лет я не видел тебя, —
Мой народ, мой желанный, жив ли ты?
Много лет на чужбине скорбя,
Я зывал, неустанный: жив ли ты?
Вы, что чистой скорбели душой
О своем Токтогуле, — живы ли?
Вы, что ради наживы чужой
Спины рабские гнули, — живы ли?
Вы, кому натрудил горбы
Тяжкий труд подневольный, — живы ли?
Жирных баев, манашов рабы,
Вы судьбою довольны, живы ли?

Вы, что байский лелеяли скот
И валялись во прахе, — живы ли?
Вы, что круглый работали год
Ради грубой рубахи, — живы ли?

Вы, что мокли под летним дождем
И зимой замерзали, — живы ли?

Вы, чью силу и кровь день за днем
Богатеи сосали, — живы ли?
Вы, кто в долгой нужде изнемог,
Вы, босые, нагие, — живы ли?
Вы, пробившие столько дорог
Через скалы крутые, — живы ли?

Вы, которым пирующий круг,
Звон и смех незнакомы, — живы ли?
Вы, что слабыми стали от мук
И желтее соломы, — живы ли?

Полонили меня, увели
Далеко от родимой земли,
О желанный киргизский народ,
Я вернулся к тебе издалека.

Черной злобой наказан я был,
Бай-манапами связан я был,
Как могучий крылатый конь, —
И страдать я обязан был.

В пепел боль превратила меня,
Но восстал я живым из огня.
Соловей возвратился к цветку,
Над которым кружился, звеня.

Я влечил свое бремя во мгле,
Отгорев, стал подобен золе.
Но к народу пришел я опять,
Я опять на киргизской земле.

Путь мой труден, ужасен был,
О народ, я тебе говорю:

Я манапам опасен был,
И попал я в тенета к царю.

Мне чиновник, жандарм и палач
На страданье даны и на плач.
Золотая моя голова!
Долог путь, сон далек, день горяч...

Если сокол бескрылый ты, —
К облакам не взлетишь, Токтогул.
Не скопил еще силы ты, —
Как врагам отомстишь, Токтогул?

Юных сил я назад не верну, —
Потерял их в ссылке, в плену.
Аргамаком я раньше скакал
Между горных утесов и скал, —
Я устал, на чужбине сгорел.
Яблоко — моя голова —
Ссохло, сморщилось: я постарел.

Я измучился от невзгод,
Будто я совершил переход
Через снежный крутой перевал.
Сына смерть у меня взяла.
Где глаза его — зеркала?
Я единственного потерял!

Я состарился до поры,
Будто я совершил переход
Через южные склоны горы.
Где его серебрянный лик?
Потерял ты сына, старик!

Возвратился страдалец седой, —
Сокол белый, клюв золотой!
Я пришел, а мне говорят:
— Умер твой единственный брат...

Я пошел бы, — суставы болят,
Сел бы здесь, — да насеста нет.
Сын мой умер, — я горем объят,
Для покоя мне места нет.

ЗДРАВСТВУЙ, МАТЬ!

АПАКЕМ, АМАН БАРСЫЦЫ?

Перевел С. Куняев

Здравствуй, мать! Тебе восемь десятков лет.
Я твой сын, испытанный немало бед.
Ты вспоила меня своим молоком,
Ты была для меня живым родником.

По ночам ты меня кормила шесть раз,
Пока свет Шести Архаров не гас,
Все потом изумлялись — какой акын!
Удивлялись — скажите, а чей он сын?

По ночам ты меня кормила семь раз,
Пока свет Семи Архаров не гас.
Все потом удивлялись: он родом чей,
Этот звонкоголосый певец-соловей?

Ты меня родила, пеленала меня,
Целовала меня, обнимала меня.
Я вернулся из ссылки в родное жилище,
Ну а где же мой сын, утешенье мое?

Мать моя, я готов умереть за тебя,
Ты растила меня и ласкала, любя.
Улетел я, как ласточка, от воронья,
Так скорее скажи, где опора моя?

Мой сынок, мой наследник, зеленый побег,
Ты ушел, распрощавшись с землею навек,
У меня затуманились плачем глаза,
По лицу моему прокатилась слеза.

Ты засох, словно саженец знойной весной.
А когда, мой сынок, смерть пришла за тобой,
Встрепенулась твоя молодая душа,
Словно птаха в когтях ястребиных дрожа.

Вот какое несчастье, какая беда, —
Наш птенец соловьиный умолк навсегда...
Каково же в могиле лежится тебе
В этой тесной, сырой, земляной скорлупе?

Ты ушел, не достигнув цветущей поры,
Словно деревце, высохшее от жары.
А когда тебя смерть в свои руки брала —
Бился ты, словно птаха, в когтях у орла.

Обступила тебя полуденная мгла,
И навеки закрылись очей зеркала.
Ты кукушкой покуковал и умолк,
И ничем я тебе, мой сынок, не помог.

Мать, ты видишь, Токо на бродягу похож,
Истерзали его вероломство и ложь.
Но уже позади подневольный удел,
Он, как сокол, в родные края прилетел,
Но увидел, достигнув отеческих мест,
Что его соколенок покинул насест.

Не терзай себя, мать, умоляю, не плачь,
Сколько помню тебя — столько помню твой плач.
Нам с тобою под старость оставив печаль,
Верблюжонок ушел в бесконечную даль.
Не казнись, не рыдай, вспоминая его,
Много горя ты вынесла и без того.

Успокойся, и будь благодарна судьбе,
Что любимый твой сын воротился к тебе.

Твоя доля омыта горячей слезой.

Много лет ты мечтала о встрече со мной.
Твой источник иссяк от жестоких ветров,
Твой очаг догорел, пошатнулся твой кров.

Твой светильник от резкого ветра погас,
И морщины легли возле сумрачных глаз.
Всемогущая мать, это надо суметь,
Все на плечи принять — и разлуку и смерть.

О родимая мать, на меня посмотри,
Улыбнись, успокойся и слезы утри.
Токтогул разорвал хитроумную сеть
И к тебе прилетел, на тебя посмотреть.

Я летел, словно сокол, свободой влеком,
Потому что был вскормлен твоим молоком.
Ты здорова ль, моя горемычная мать?
Дай тебя к благодарному сердцу прижать!

ВЕСТЬ КОРГОЛА-ЫРЧИ О
СМЕРТИ СЫНА
ТОКТОГУЛА

КОРГОЛ ЫРЧИ ТОКТОГУЛДУН
БАЛАСЫНЫН ӨЛГӨНҮН
УГУЗГАНДА

Перевел Р. Моран

Коргол:

Мой учитель, привет тебе!
Много выпало бед тебе.

Муку каторжную принес
Бай-манапов навет тебе.
Здравствуй, наш соловей Токо!
И вдали от степей, Токо,
Ты заботе народа жил.
О судьбине твоей, Токо,
Наш киргизский народ гужил.

Неизменна лет круговерть:
Ожидает смертного смерть.
Но дрожит на струне рука —
Ведь пока ты страдал один,
Смерть подкралась исподтишка:
Твой единственный умер сын.
Ведь пока ты свободы ждал,
Озирая бездомный мир,
Топчубай, твой сын, покидал
Наш печальный и темный мир.

Ты измучился. Нелегко
Было сто истоптать дорог.
Не ронщи на судьбу, Токо,
Не дождался отца сынок...
Повторяет киргизский край
Незабвенный кербез певца.
Умер милый твой Топчубай,
Не дождался сынок отца...

Мы всегда берегли его,
Как тебя, певца из певцов.
Наше время уж таково:
Жребий лучших людей суров.

Разве смилостивится земля,
Челoveчим мольбам внемля?
И могила — хоть плач навзрыд —
Топчубая не возвратит.

Ты судьбы своей не кляни,
Головы своей не клони,
Слез напрасно не лей — они
Застылают завесой мир
Только слабым, а ты — батыр!
Помни: в горе ты не один,
Люди гор и люди долин
Смотрят с нежностью на тебя,
Безутешно с тобой скорбя.

Я с безмерной болью пою
Об утрате твоей, акын.
Рано шубу соболью свою
Износил твой любимый сын.
Пусть мой голос и слаб и мал,
Слушай песни моей зачин:
Скакуна своего загнал,
Запалил твой любимый сын.

Безгранична твоя печаль,
Ты ей мужеством отвечай.
Улетел безвозвратно вдаль
Твой соловушка Топчубай.

Стосковались мы по нему,
Нет его среди вешних стай.
Он в беззвездную канул тьму,
Кукушонок твой Топчубай...

Т о к т о г у л :

Был мне в черную пору невзгод
Золотою опорой народ.
Где найти мне теперь слова?
Вместо зеркала своего
Я застал осколки его...
Умер сын. Я дышу едва.

О, серебряный мой оплот,
Дорогие мои друзья!
Соловей ваш не запоет,
Не уйдет мой пленец в полет...
Умер сын. Обездолен я.

Я к родным очагам пришел,
Был я голоден, болен, гол,
Поседели мои усы.
Что поведал ты мне, Коргол?
Может быть, ты хлебнул бузы?

Горькой вестью ты жизни ствол,
Словно молнией, расколел, —
Зашатался ваш Токтогул...
Что поведал ты мне, Коргол?
Уж не водки ли ты хлебнул?

О, мой милый сынок Топчубай!
Разве рухнуть мог Топчубай,
Как подмытый дождем откос?!
Ты, как ива, на склоне рос,
Чьих корней даже в пору гроз
Не ломал ствол, Топчубай.
В золотые мои края
Из Сибири вернулся я,
Ты ж не вышел встречать меня
На знакомый порог, Топчубай...

Неужели, мой сын, моя плоть,
Лишь для смерти ты был рожден?
За какие грехи, господь,
И тобою я осужден?

Ты казался мне, Топчубай,
Быстрой птицею турумтай.
Словно гордый сокол-шумкар,
Ты бы стал быстроекрыл и яр;

Ты бы всех обогнал, сынок,
Как лихой скакун быстроног.
Если б ты возмужал, родной,
И поднялся в расцвете сил,
Как достойный наследник мой
Ты народу бы послужил.

В камыши гусыни плывут,
Сарычи в пустыне живут,
Где, тоскуя о сыне, — приют
Обретет твой седой отец?
Есть озера у лебедей,
Есть у коршунов ширь степей.
Где укроется от людей
Твой, убитый бедой, отец?

Ты был ивой растущей моей,
Ты был жизнью грядущей моей
И наградой в жестокой судьбе.
Неужель я покинул тюрьму,
Чтоб по сыну рыдать моему
И не спать в опустелом дому,
Ожидая вестей о тебе?

Для того ль из тюрьмы я бежал,
Чтобы сердце пронзил мне кинжал?
Стоном стонет небесная высь...
Неужели ручей моих слез
До тебя мою боль не донес:
— Отзовись, Топчубай, отзовись!

Тосковал на чужбине я,
Жил мечтою о сыне я —
Не застал в живых малыша...
Словно ржа боевую сталь,
Гложет кости мои печаль.
И стареет моя душа.

Будто сделал последний круг,
Улетел соколенок мой.
Вся земля опустела вдруг
И застлало мне очи тьмой.
Слезы падают, словно дождь,
На сухую земную твердь...
Как жестоко ты грудь мне жжешь,
Будь ты проклята, злая смерть!

Я акына званье несу,
Знают имя певца степей
Анджжан, Талас и Аксу.
Я взываю к сердцам людей:
Где мой сын? Неужели он
Для погибели был рожден?

Ты душою возлюбленной был,
А не ивой подрубленной был,
Отчего же побег мой засох?
Ты оставил меня одного,
Ты состарил отца своего,
Без тебя он и стар и плох.

Вот, я думал, покину тюрьму
И в объятия сына приму,
Луноокого к сердцу прижму.
Вот, я думал, отбуду срок
И к народу вернусь опять,
И, как прежде, меня сынок
Будет звонким смехом встречать.
И, былую избыв беду,
Я из мира с миром уйду.

Долго-долго я шел домой,
Замерзал в снегу без огня,
Ноги стер... Но, сыночек мой,
Ты бы мог подождать меня.

Есть свой корень у стебелька,
Есть лишь горе у старика,
Если хил он и одинок.
У тюльпана есть лепестки,
Одинокий умрет от тоски,
Если сгнил его лепесток;
А закончит он жизни путь —
Будет некому и всплакнуть.

Из тюрьмы я пришел назад.
Где мой сын, мой цветущий сад?
Поднимись до зари, Топчубай,
На меня посмотри, Топчубай,
Ты мне слезы утри, Топчубай,
И скажи: «Вот пришел, наконец,
Мой, страдавший годы, отец,
Песни давний народу, отец!»
Ты не видишь сиянья дня,
А ведь мог дожидаться меня!..

Я вернулся, родные, к вам,
Я вернулся к тебе, народ!
Рад я добрым твоим словам,
Только сына — кто мне вернет?

ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ ССЫЛКИ

ТУТКУНДАН КЕЛГЕНДЕ

Перевела Ю. Нейман

О неволе песню спою.
Под замками я был семью.
И сослали меня в Сибирь,
Разорили мою семью.

Я о боли песню спою.
В арстантском я шел строю.
Мы под стражей шли, шестьдесят, —
Те, кто долю проклял свою.
Где для песни слова найти
О тоске шестидесяти?

Схвачен был я, затоптан в грязь.
Мрачен был, по родным томась.
Но вернулся я, Токтогул,
Быстрым ястребом закружась.

Злобой силой я схвачен был.
Мной аил мой утрачен был.
Но вернулся я, Токтогул,
Белым соколом в небо взмыл.

Опозорен я был без суда,
И глаза у меня тогда
Глаз кукушки стали грустней.
Губернатор послал палачей,
Приказал он меня схватить.

И вломилась ко мне в ночи,
Увели меня палачи
От моей жены, от родни...
И черным-черны стали дни,
Черный год для Токо настал.
От невзгод ваш Токо устал.

Он с народом был разлучен.
По народу томился он.
Был у матери сын один,
И позором он заклеял мен.

Он с аилом был разлучен,
По аилу томился он.

У отца единственный сын,
Был позором Токо заклеял мен.

Разлучен с народом я был.
Жаждал я народ увидеть.
Враг позором меня покрыл,
Потеряли отец и мать.

Но, как сокол, я в небо взмыл,
Свой родной увидел аил.
Свой родной увидел народ,
О здоровье его спросил.

Как тулпар, что лишился сил,
Возвратился я, Токтогул.
Тяжкий путь меня истошил,
Утомился я, Токтогул.

Потерявши за годом год,
Возвратился я, Токтогул.
К самым тяжким из всех невзгод
Приучился я, Токтогул,
Чтоб увидеть киргизский народ,
Возвратился я, Токтогул.
Одолев униженья гнет,
Возродился я, Токтогул.

**ВСТРЕЧА ВЕРНУВШЕГОСЯ
ИЗ СИБИРИ ТОКТОГУЛА
С ПЕВЦОМ ЭШМАМБЕТОМ**

ТОКТОГУЛ СИБИРДЕН КЕЛГЕНДЕ
ЭШМАМБЕТ ЫРЧЫ МЕНЕН
УЧУРАШКАНЫ

Перевел Д. Бродский

Э ш м а м б е т :

Ужель жеребца осадил Токо?
Ужели нам счастье всевышний шлет?
Ужели, заброшенный далеко,
Вернулся мой соловей — Токо,
Товарищ младенческих дней — Токо, —
И снова увидит его народ?

Ужель аргاماка он осадил?
Ужели взаправду нам бог помог?
Ужель, заточенный во цвете сил
В Сибирь ледяную, в глухой острог,
Родного народа любимый сын,
Вернулся прославленный наш акын?

Ужель осадил вороного он,
По милости божьей нам возвращен?
Ужели, в Сибирь в кандалах ручных
Ушедший с другими от мест родных,
Вернулся мой сверстник и друг — Токо?

Ужели им пегий на всем бегу
Осажен? Ужели тебя, кто
Прошел по трактам в стынь и пургу,
Ужели обнять я тебя могу,
Токо серебрязыйкий мой?

Ужель осадил аргاماка тот,
Кого губернатор арестовал,
Кто рвался года за тюремный вал,
Как рвется, стеная, зверь из тенет?
Ужель, наконец, в родные края
Вернулся Токо, кукушка моя?

Ужели им чалого сдержан ход?
Ужели господь к нам въявь снизошел?
Ужели, стонавший под гнетом зол,
Вернулся в горы, домой Токтогул?
Ужель, украшение горных высот,
Осильвавший любой поворот,
Вернулся конь вороной — Токтогул?

Ужель осадил гнедого коня
В оковах шагавший день ото дня?
Ужель исстрадавшийся глубоко
Вернулся мой жаворонок — Токо?

На долгие годы тюрьмою взят,
Ужели он снова в родной стране?
Ходивший в тулуде и чекмене,
Ужели вернулся Токо назад?

На огненной, быстрой, как ветер, арбе
Ужели, наперекор судьбе,
Назад возвратился мой друг — Токо?
Тиранами брошенный жестоко
На хлеб и на воду, невзгодой гнут,
Ужель мой Токо горемычный тут?

К народу любимому своему,
Душою не сломлен средь адских мук,
Ужель воротился Токо, мой друг?
Иркутскую перенеся тюрьму,
Ужель он вернулся в страну свою,
Подобно весеннему соловью?

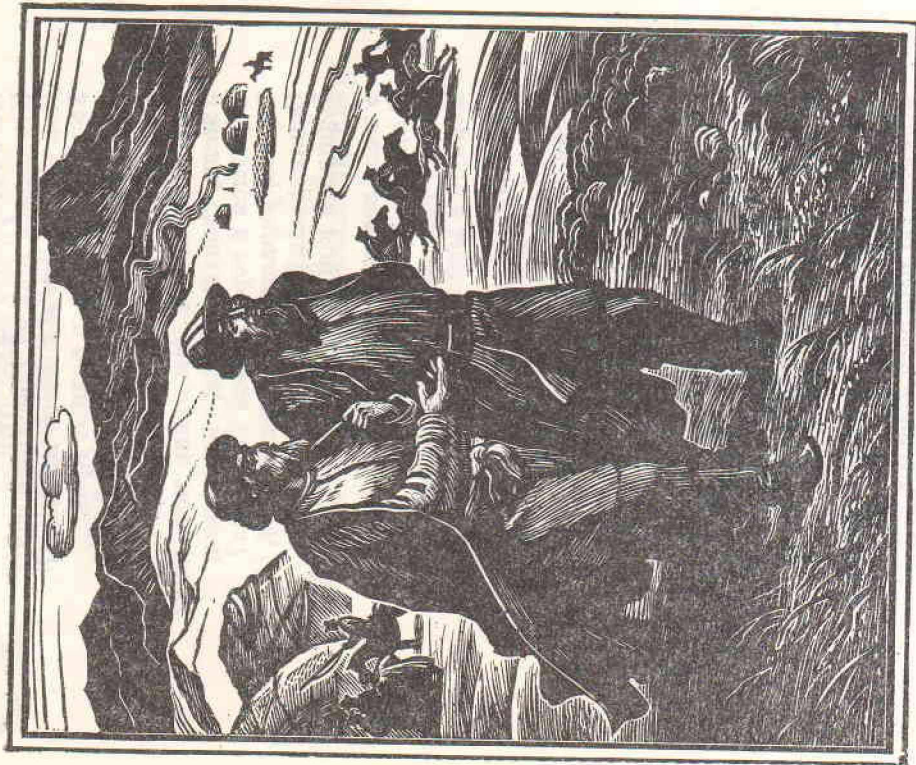
На нартах скользивший долгой зимой,
Ужель воротился Токо домой?
Глотавший лишь горький и черный чай,
Ужель он вернулся в родимый край?
Рожденный в печали, и день за днем
Горевший безумным ее огнем,
Запутавшийся в силке стальном,
На муки жестокие осужден,
Ужели назад воротился он?

Рожденный в печали, познавший кнут,
Лишенья без счета, каторжный труд,
Ужель воротился мой друг — Токо,
Над кем губернатор чинил свой суд?
Ужель, затерявшийся далеко,
Назад воротился искусник мой,
О ком говорили: он взят землей!

Неужто вернулся назад Токо,
Акын, шесть лет прошагавший пешком?
Неужто вернулся назад Токо,
В руде пролагавший путь обушком?
Руду подрывавший — пласт за пластом?
Неужто вернулся назад Токо,
Прошенье писавший царю тайком?

Неужто вернулся назад Токо,
Годами шагавший в краю пустом?
Неужто вернулся назад Токо,
Письмо посылавший в казенный дом?

В тюрьме пересыльной ты слезы лил,
Тоскуя, обильно ты слезы лил.
Назад невредимую добралась,
До дома родимого добралась
Твоя поседелая голова,
Усталая, белая голова.

В Москве погустив, воротился ты,
В Иркутск угодив, воротился ты.
У беркута злого, чей клюв кровав,
Ты пленником был, кручину познав.
Унижен ты был, обречен слезам,
Под гнетом ты спину свою согнул,
Но снова вернулся ты, Токтогул,—
Помог тебе крепко Капсылазам.

Попал ты, акын, в иркутский острог,
В разлуке с отчизной годы тянул,
Но снова вернулся ты, Токтогул,—
Тебе, горемычному, бог помог!

Вдыхал за решеткой ты пыль и смрад,
В разлуке с народом годы тянул,
Но снова вернулся ты, Токтогул,—
Как ястреб, ты прилетел назад.

В тюрьме, в кандалах, ты годы тянул,
Оторван насильно от милых мест,
Но снова вернулся ты, Токтогул,
Чтоб сесть, словно ястреб, на свой насест.

В темнице томьясь, ты хирел душой,
В разлуке с отчизной годы тянул,—
Созвездьем Медведицы Большой
Ты снова вернулся к нам, Токтогул!

В тюрьме ты сидел, изможден, уныл,
К родным воротиться не в силах был.
Ты слышал повсюду оружия звяк.
Ты видел повсюду крошечный мрак.

Солдаты ловили твой каждый вздох,
И ты шевельнуться насилу мог.
Неслыханный вел ты с судьбою спор,
Горел ястребиной злобой твой взор.

Сидел в подземелье, угрюм, уныл,
К киргизам вернуться не в силах был.
Солдаты проклятые за спиной
Дежурили — каждый с саблей стальной.

И как ты к свободе не воjdeдел,
Вернуться не мог ты в родной простор;
Белы были щеки твои, как мел,
Сиротской печалью был полон взор.

Так в ссылке ты таял, угрюм, уныл,
К родным ты добратся не в силах был.
Солдаты, как чудища, за спиной
Стояли, сомкнувшись один в один,
И шестизрядных винтовок строй
С угрозой глядел на тебя, акын.
Повсюду погибель тебя ждала,
Тускнели взоров твоих зеркала.

Написанные на белом листе,
Слова твои к нам дошли, Токтогул,
И взоры, как светочи в темноте,
Зажег ты нам издали, Токтогул.
У нас будто с плеч свалилась гора,
Спросить о здоровье твоём пора.

Известье, летящее по столбам
В бескрайние дали, из дола в дол,
Оттуда послал ты тирану сам,
И он почему-то к тебе снизошел.
Ты был виноватым без вины,
Но счастье раскрылось тебе, и вот
Ты, встреченный солнцем отчей страны,
Вернулся, найдя любимый народ.

Проведший в Сибири столько лет,
Поведай народу, мой Токтогул,

О тех, которым надежды нет
Увидеть свободу, мой Токтогул.

Поведай, как жил, как перевозмогал
Печаль и невзгоду, мой Токтогул.
Как в серый халат и в серый колпак
Казна, не скупясь, наряжала вас.
Как, брошенные в холод и мрак,
Хирели, с родиною разлучась.

Скажи, как склонялся, мой Токтогул,
Босой, с непокрытой головой,
Как в доме зловонном, во тьме глухой,
На досках валялся, мой Токтогул.
Скажи, как вернулась назад живой
Душа дорогая твоя, Токтогул?

Кургузым полущубком худым
Как ты укрывался, мой Токтогул,
Трудом нескончаемым казним,
Как ты надрывался, мой Токтогул?
Безвинно ты маялся девять лет
В суровой темнице, мой Токтогул,
Страданий неизгладимый след
В сознание хранится, мой Токтогул:
Ты нам расскажи, как в долгих ночах
Бессонницы тяжки, мой Токтогул.

Как ездил в телегах и на санях
В собачьей упряжке, мой Токтогул,
О, сколько унылых годов прошло, —
Как ты пережил их, мой Токтогул!

Из вольных просторов Кетмень-Тюбе —
Просторов, богатых сочной травой,
Отправлено в ссылку, подобно тебе,
В оковах, с обритою головою

Несчастных шестьдесят человек, —
Ты нам расскажи об их судьбе:
Кто умер из них, кто остался жив,
Народу поведай, мой Токтогул.

Уютные гнезда для сорок
Как строятся, расскажи, Токтогул.
Мы знаем: сон умерших глубок.
Где кости покоятся их, Токтогул?
Уютные гнезда для голубей
Как строятся, расскажи, Токтогул.
Поведай нам — средь каких путей
Страдальцы покоятся, Токтогул.
Ты плачешь, — так поведай скорей
О тяжкой скорби твоей, Токтогул.

На сучьях, как в былые года,
Остались гнезда сорок, Токтогул,
Скота пестрошерстные стада
У баев остались, мой Токтогул.

Тираны тебе не давали житья —
Иссох от печали, мой Токтогул.
Твои обездоленные друзья
Куда запропали, мой Токтогул?

На озере, как в былые года,
Гнездовья голубей, Токтогул,
Скота пестрошерстные стада
У баев остались, мой Токтогул.

Конвой тебя прикладом ружья
Толкал, ругая, мой Токтогул,
Твой замученные друзья —
В каком они крае, мой Токтогул?

В долинах горных овечьи стада
У баев остались, мой Токтогул.

Построенные в два ряда
Солдаты гоняли вас, Токтогул.
Где Молдосан и где Қарабаш, —
Куда девались они, Токтогул?
На пастбищах горных несметный скот
У баев остался, мой Токтогул.
Штыками солдаты взад и вперед
Гоняли несчастных вас, Токтогул.
Друзья Куламбай, Мамыр, Қурама —
Куда девались они, Токтогул?
С тобой исчезнувший без следа
Твой друг закадычный, Токтогул,
В живых ли Айдаралы? Когда
Домой он вернется, мой Токтогул?
Сары и Супатай — заодно
На каторгу в кандалах ушли.
Твердят, Супатай погиб давно,
Ну, а Сары? Он где-то вдали...
Но если он жив, то когда придет,
Когда вернуться ему черед?
Отрада Кокумбая-огца,
Два статных цветущих молодца,
Мамыр и Қурама, — скажи,
Встречались ли тебе, Токтогул?
Ну, а Салбан и Бараталы,
В ручные закованы кандалы,
Тебе не встречались ли, Токтогул?
Не слышал ли ты, родной Токтогул,
Как стонут ночами и днями они?
Из сарыбагышев пять человек
Попало в этот горестный счет, —
На каторгу их погнали, как скот,
Ты их не встречал ли, мой Токтогул?

Десятки плачущих матерей,
Прощенья подававших везде,
На каторгу посланных сыновей
Досель разыскать не могли нигде;
Тебя поздравляю, мой Токтогул, —
Вернулась живой душа твоя!
Видал ли ровесников своих,
В горячке метавшихся, Токтогул,
В просторах чужих хоронил ли их,
Скончавшихся, скажи, Токтогул?
В бродяжничестве к невзгодам лихим
Привык ли ты, родной Токтогул?
Друзей, умиравших по тюрьмам глухим,
Видал ли, родимый мой Токтогул?
Читай коран, задумчив, уныл,
Ты хоронил ли их, Токтогул?
К тому, что жребий тебе судил,
Привык ли ты, родной Токтогул?
Когда умирала твои друзья,
Ты видел ли их, скажи, Токтогул?
Друзей хоронил ли, печаль тая,
Закутав их в саван, мой Токтогул?
На каторге маявшийся без вины,
К невзгодам привык ли, мой Токтогул?
Захваченные в белый капкан,
В просторах, где снежный ураган,
Покоятся шестьдесят молодых.
Кто слышал, скажи, их предсмертный зов?
Кто их скоронил, скажи, Токтогул?
Токтогул:
Ах, мой ли это певучий язык,
Исполнен печали, слуха достиг?
Приветствием встретивший меня,

Не ты ли это, мой младший брат?
Не знать никому б до последнего дня
Того, что я пережил, мой брат!
Ах, мой ли это певучий язык?
Ах, мой ли голос слуха достиг?

Не ты ли это, мой брат меньшей,
Повсюду следовавший за мной?
Нет горестнее и тяжелей
Пережитых на чужбине дней!
Ах, мой ли это певучий язык,
Исполнен печали, слуха достиг?

Ах, ты ли это, мой брат меньшей,
Почтительно встретивший меня?
Ты спрашиваешь, мой брат меньшей,
Как жил я, что делал — день ото дня?
Ах, бедная, золотая моя,
Огнем налитая моя голова!

О, сколько ты претерпела невзгод!
Но снова я вижу родной народ,
Родные снова я вижу края!
Тебя, мой родной киргизский народ,
Живущий среди белоснежных высот,
Страну, где мое стирали белье
И где пуловину отрезали мне,
Где рос я с горами наедине, —
В неволе частенько я вспоминал.
Из глаз не слезы, а кровь лилась,
Без вас, друзья, и свет не мил,
Я ждал своей смерти каждый час,
Но не приняла ни одна из могил!
Когда на каторгу я уходил,
Ты был еще юношей, Эшмамбет,
Достоин ты был чрез десяток лет

Акыном, любезным народу, стать.
Мне сладко было в неволе мечтать
О том, что придешь ты на смену мне.

Слолна оправдались мои мечты,
Акыном прославленным сделался ты.
На ветку зеленую ты сел, —
На ветку, где некогда я пел,
Ты, брат мой, оказываешься, сел,
И голос твой зазвучал высоко, —
Ты стал, выходит, таким, как Токо...
Священный в тебе разгорелся жар,
Ты стал острее, чем клинок Зульфикар,
На сборищах вдохновенным певцом
Ты стал, оказываешься, потом...
Когда уходил я, ты был еще мал,
Оказывается, вырос ты,
Словами отменной красоты
Ты сердце народа услаждал.
Золотолобым ты стал певцом,
Серебронёбым ты стал певцом,
Во прах повергая мелких певцов,
Вперед подвигаясь — за шагом шаг,
На сборищах шумных шести родов
Нанизывая перлы-слова, —
Ты был неустанным, как аргатак.

Сперва отвечаю на твой привет,
Мой брат, мой возлюбленный Эшмамбет:
В слезах и страданиях я жизнь провел,
Слезам и страданиям потерял счет,
Хоть высох мой мозг, хоть дышу едва,
Но для тебя, киргизский народ,
Я все ж постараюсь найти слова!
Тебя, мой родной киргизский народ,
С тоской вспоминал я — из года в год,

Когда мой речистый язык поет,
Киргиз, ты не прочь послушать меня, —
Я вольную песню сложить хотел,
За это жестоком стал мой удел!

Так, словно ты был, Эшмамбет, со мной,
Ты спрашиваешь меня обо всем,
Как легко кратким и долгой зимой,
Ты спрашиваешь, ходил я пешком,
Как я выносил за бедой беду,
Ты спрашиваешь меня, Эшмамбет,
И как серебряную руду
Искал, ты спрашиваешь, Эшмамбет?

Как если бы всылке ты был со мной,
Ты спрашиваешь меня, Эшмамбет.
Как девять лет я ходил босой,
Ты спрашиваешь меня, Эшмамбет,
Как переносил за бедой беду,
Ты спрашиваешь меня, Эшмамбет,
И как золотую искал руду,
Ты спрашиваешь меня, Эшмамбет?

Как если бы всылке ты был со мной,
Ты спрашиваешь, как держался я,
Как в темени, в холоде, пеший, больной
Ты спрашиваешь, скитался я?
Как тяжко страдая, тяжко скорбя,
Ты спрашиваешь, не сдавался я,
Как, руды железные дробя,
Ты спрашиваешь, надрывался я?
О тех, что предал белый ишан,
О зверски замученных шестидесяти
Ты спрашиваешь, тоской обуян, —
О том, сколько выжило из них
И сколько из них осталось в пути?

О сосанных заодно со мной
Ты спрашиваешь, мой брат Эшмамбет,
О том, сколько сгнуло в ледяной
Пустыне, ты спрашиваешь, Эшмамбет?

Уютные гнезда для сорок
Где строятся, спрашиваешь, Эшмамбет,
Где Сапарбай и где Кыпчакабай
Покоятся, спрашиваешь, Эшмамбет?
Изсылки вернувшийся твой Токо
Где маялся, спрашиваешь, Эшмамбет?
Уютные гнезда для голубей
Где строятся, спрашиваешь, Эшмамбет?
Погибшие средь каких путей
Покоятся, спрашиваешь, Эшмамбет?
Изсылки вернувшийся твой Токо
Где маялся, спрашиваешь, Эшмамбет?

Из шестидесяти, в извечный мрак
Заброшенных в минувшие дни,
Вакай, Кутубай и Качканак —
Бежали раньше меня они.

Покинув холодный и темный край,
Бежали Мураталы, Мурзабек,
А вслед за ними и Куданбай
В глубокую полночь свершил побег.
Были страшны в прежние дни
Угнетателям нашим они.
Героем Мураталы прослыл,
Крутой, молодой, исполненный сил,
Врагов никогда он не щадил.

Я, Молдосан, Карабаш — втроем
Вместе на каторгу шли мы пешком,
В разлуке с товарищами не раз
Из глаз не слезы, а кровь лилась.

(Понять ли народу тоску мою,
Коль я не поведаю обо всем?)
Друзья, в далеком скитаюсь краю,
Окончили оба жизнь свою.

Вернулся Айдаралы домой,
Вернулся из ссылки вместе со мной.
Теперь он где-то недалеко,
Меня он тайком послал вперед,
Он тоже скоро всех обойдет,
Как я, возвратившийся к вам Токо.
Был сын Андаша кузнец Сары,
На каторгу он тоже пошел.
Хороший работник, силен, как вол,
Он с утренней до вечерней поры
Для пик наконецники все ковал,
Пронзительнее змеиных жал.

За то, что готовился он к борьбе,
Сослали на каторгу его.

Он жив, но сказать об его судьбе
Я больше не в силах ничего, —
Лишь знаю — состарился он, как я,
Живет одиноко, печаль тая.

Не менее тридцати человек
На виселице свой кончили век.
А всем остальным, родной Эшмамбет,
Записано по двадцать пять лет.
Ты знаешь Мамыра и Кураму?
В Саратов их привели в тюрьму,
И короток с ними был разговор,
Был смертный обьявлен им приговор.
А мы? Желтухой страдали мы,
Сгорели от тяжелой печали мы.

Рассправивал, мой брат Эшмамбет,
О Бараталы и Салбана ты.

В живых уж давно их обоих нет, —
Расстрелянных, швырнули в кусты...
Силен был и смел наш Кадыралы,
Совсем захирел наш Кадыралы,
Из Когарта сосланный Чийбыл
На каторге вместе со мною был,
До самой смерти я видел его —
На тракте сибирском остался он, —
Никем не оплакан, не схоронен,
И вороны расклевали его.

Из рода адинге Омурбек
На каторге доживает свой век,
Белее лебеда стал Омурбек,
Совсем он ребенком стал по уму...

В дорогах унылых, брат Эшмамбет,
Не видел я, как кончались друзья,
Не я хоронил их, брат Эшмамбет,
Могилу копая, слезы лия.

Я рвался к ним, я хотел хоть раз
Единый поглядеть на них.

Я трупов кровавых не видел их,
В дорожных канавах прятали их.

Когда в неволе кончались друзья,
Как падал, выбрасывал их в овраг
Суровый надсмотрщик — наш злейший враг.
Собаки, вороны и кузгуны

Их трупами наедались власть,
Жестокая жизнь — пропала она!
Вот так измывалась над нами власть!

СОСТАРИВИШЬСЯ, СТАЛ СЕДЫМ

БУУРУЛ БОЛУП КАРЫДЫМ

Перевел М. Синельников

По земле, по родной стране,
По осеней ее желтизне
Тосковал я, но были злы
Те, что сбили дыханье мне.

О моей черномлесной стране,
О киргизском народе моем
Вспоминал наяву и во сне,
Но в неволе дыханье мне
Сыромятным сбили ремнем.

Кандалов грохотала медь,
Приучался я все терпеть.
Стражник с бранью ко мне бежал
И в затылок бил наповал,
Падал я и не мог умереть.

Кандалы волоклись, звеня,
Кто бранил, проклинал меня,
Кто пинал, кто ногами бил,
И лежал я, лишенный сил,
Сиротой беззащитным был.

Здесь я сладостным слыл соловьем,
Здесь на ветке зеленой пел.
Там о горе стенал своем,
Там, отчаявшись, присмирел.

Был здесь жаворонком, свой сад
Оглашающим с горных гряд.

Ну, а там был низвергнут в ад,
Окружен толпою солдат.

Был кукушкою, чей напев
Свеж средь утренней тишины.
Там, как будто осиротев,
Стал изгнанником без вины.

Пел я жаворонком без слов,
Но не выбраться из силков,
Нет, не верил я, что вернусь.
Напевал соловьем без слов.
Нет, не верил, что от оков,
От коварства освобожусь.

Кто на жалобы даст ответ,
Кто спасет от бесчетных бед?!
Я пришел через десять лет,
А уж сына на свете нет.

Скакуна подкосил недуг,
Соловей ослабел от мук,
Силу дал мне родной народ,
Скорбь лишь нынче смягчилась вдруг.

Был я жаворонком — остыл,
Иноходцем — копыта сбил.
Долго прятаться мне пришлось —
Не взлетишь без могучих крыл!
Лишь теперь стало легче мне,
Мой народ меня воскресил.

Соловей, лишь вздыхать могу,
Конь, осекся я на бегу,
Половину лучших годов
Я в тюремном провел кругу,
Я, состарившись, поседел,
Брошен в сумрачную тайгу.

Был я жаворонком — отпел,
Иноходцем, но охромел.
Половину цветущих лет
Всылке мучиться — мой удел!
Я в Сибири познал тоску,
Я в изгнании поседел.

Был кукушкой, но слезы лью,
Был я резвым конем — стою.
В горьких думах полжизни провел,
Порастратил юность свою.
Потерявши свой прежний лик,
Поседел я в чужом краю.

В путь собрался, а силы нет!
Свой насест золотой не найду,
И любимого сына нет,
И поправить нельзя беду.

Только я возмужал, как в Сибирь
Угнан был, в безбрежную ширь,
Где таких же, как я, — миллион.
В крепость черную был заключен.
Счастливы я, что из гибельных мест
На знакомый вернулся насест.

Только жизнь расцвела моя,
Стал в Сибири невольником я,
Там таких бедняков — миллион,
Тех, кто мучиться обречен.
Слава богу уже и за то,
Что вернулся в родное гнездо!

СНОСИЛ Я МУКИ В НЕПРАВЕДНЫЕ ВРЕМЕНА ЗЫЛДИМ ШУМДУК ЗАМАНДА

Перевел М. Синельников

На работы в оковах введут
Стражи тысячи узников тут.
Здесь голодным работать велют
В кандалах дни и ночи подряд.
Застлан грустью невольника взгляд,
Но обычай безжалостно крут.

Лишь в оковах выводят на свет,
Темен мир, если ты — на цепи.
Если выбраться силы нет,
Что поделаешь здесь? Терпи!

Я железным арканом сжат,
Жмут обхватов меня шестьдесят.
Столько в чистых глазах тоски!
И в колодец глухой ко мне
Заглянуть не дано луне.
Звонко вскидывая кирки,
Золотую долбим руду,
Здесь и рушится в треске скал
Засыпающий нас обвал.
Здесь я чудом уцелелал,
Злую здесь пережил беду.

Здесь железной веревкой мне
Сжали шею семьдесят раз.
Глубиною сиротских глаз
Вижу: я — на глубоком дне.

НЕТ СЫНА У МЕНЯ

БАЛАМ ЖОК

Перевел М. Ватагин

А когда мы ломаем медь,
Гулко стонет зиндана клеть,
Гибнут люди под грудой глыб.
Горе знал я, и не погиб,
Видно, здесь — не судьба умереть.

Даже в клетке я жил мечтой,
Жадно вглядываясь во тьму.
Слава богу: в день золотой
Вновь к народу пришел моему.
Тут оставив юность свою,
Став изгнанником в том краю,
Возвратился я стариком.
В той дали я изведal гнет
Всех мучителей и господ,
Очутился в колодце таком,
Где ничто тебя не спасет.

Здесь народ мой, а я вдали
Был в неправедные времена.
Горевал на краю земли
Я в неправедные времена.
Но и в клетке была ясна
Мысль о сыне, лишая она
Что решетка железная мне,
Что мне каменная стена!

Поднимался я, шел вперед,
Слотыкался, что конь большой,
Все-то мысли свелись к одной:
Вновь увидет родной народ.
В недрах каменного жилья,
В заточеньи томился я...
Вот исчезла печаль моя,
Вновь обрел я родной народ.

По ущелью я шел спеша
И ступил в родную долину,
Ликовала моя душа —
Я стремился навстречу сыну...
Горем горло сдавило мне —
«Умер сын», — так меня встречали.
«Ждать тебя надоело жене», —
Так изгнаннику отвечали.

В дни, когда угнали меня,
Оторвали меня от народа,
Сыну, первенцу, соловью
Было только четыре года...

Я увидел родимый край,
Поприветствовал Эшмамбета,
Я увидел Кетмень-Тюбе,
Всю долину, полную света,
Наконец вернулся домой,
Но не слышу я слов привета.

Всем вокруг я сказал «Салам!»,
Побывал в Ак-Чие, в Арыме,
Но сыночка я не застал,
А ведь он оставался с ними.
Из неволи вернулся я,
Но в глазах потемнела вершина:
Мне навстречу не выбежал сын —
Нет на свете милого сына.

Он не вышел навстречу, резвясь,
Он ко мне не приник, ласкаясь,
Он в нужде и в тоске угас...
Да за что же судьба такая?

Я вернулся к вам из тюрьмы,
Но в глазах потемнела долина:
Мне навстречу не выскочил сын —
Нет на свете бедного сына.
«Мой отец вернулся, пришел!» —
Не вскричал мой сынок, ликуя,
Не раскрыл объятий своих...
Он угас. Я пою, тоскуя.

Вышла замуж моя жена,
Умер сын — надежда, опора,
Примирилась с судьбою мать.
Что досталось ей кроме горя?
Как стонала она, звала:
«Ты вернешься ль, моя защита?»
Сколько слез пролила она!
Это все не будет забыто.

ПЕСНЯ, КОТОРУЮ Я ПЕРЕНЯЛ У РУССКИХ

ОРУСТАН АЛГАН ОБОЛГОМ

Перевел С. Куняев

Из родного аила, от родимой земли,
От раздолжных джайлоо меня увезли,
От родной колыбели меня оторвали,
И сибирские выюги мой след замели.

У друзей на глазах угоняли меня,
Я в Сибирь уходил, кандалами звена,
Все же смерть меня в этом пути не настигла,
Я опять распеваю, словами звена.

Словью только стоит уста разомкнуть, —
И за песнею песня пускается в путь.
Этой песне у русских Токо научился,
Поллюбил мандолину, поняв ее грусть.

Эту песню под звуки комуза пою.
Я запомнил ее в невеселом краю.
Эту песню я слышал в далекой Сибири
И навеки ее полюбил, как свою.

ДЕВЯТЬ НАИГРЫШЕЙ

(Песня под мелодию
комуза)

ТОГУЗ КАЙРЫК

Перевел М. Синельников

Девять раз комуз настрой,
Чтоб запел он, как торгой!
С тысячью его ладов
Слить свой голос я готов.
Первый кюй — «дуу-дуу»,
С ним «тырпа-тырпа» в ладу.
Чутки пальцы на колке,
Заиграю налегке.
Сразу — третий за вторым
И четвертого полет.

МОЙ КЕРБЕЗ

КЕРБЕЗ

Перевел М. Вагагин

Этот найгрыш любим,
Бодрость духу придает.
Так играй же веселей,
Легких пальцев не жалей,
Пятым — долго, долго лей,
Да не утоми людей.
Повернув шесть раз, крути!
На больном стоишь пути!
Прогоняя грусть киргизов,
Звонко, музыка, лети!
Проведи седьмой взамен
Семизвездьем Жетиген.
Палец мечется на струнах
Мотыльком, попавшим в плен.
Восемь раз перекрутив
И девятый взяв мотив,
Станет песня велика
И рванется из силка.
Девять раз ударь по струнам,
Устремится в облака.
Токтогул, ушедший юным,
Стар пришел издалека.
Много он в тюрьме тужил,
Но мелодию сложил.
Так ударь, ее помчи
К комузчи от комузчи!
Пред собравшимся народом,
Песня, радостно звучи!

Из конского волоса свит аркан,
На нем танцует гнедой скакун,
Мелодия, что звучит сейчас,
Это кербез, мой кербез для вас:
Как буря пройдет молодые года,
Их не вернет никто, никогда,
И я уйду, но родной народ
Да будет здоров, пусть вечно живет.

Крепко натянут двойной аркан,
К нему привязан серый скакун,
Вьется мелодия высоко —
Это кербез вам поет Токо:
Молодо в молодости живи,
Ни дня не ворогишь, как ни зови!

Крепко скручен тугой аркан,
Ходит гордо чалый скакун,
Звучной песни льется струя —
То кербез, кербез соловья:
Тот, кто покинул жизни сад,
Не найдет дороги назад.

Мой кербез, Расскажи сперва,
Как был рок со мною жесток,
Как золотая моя голова
Вдруг попала в мутный поток.
Мой кербез, Расскажи о том,
Как схватили меня без вины,
Мой кербез, Расскажи потом,

Как судили меня без вины,
Как блуждали мои глаза,
Бесконечной тоски полны.

Мой кербез, о том расскажи,
Как сковали руки мои,
Как гремели мои кандалы,
Умножая муки мои,
Как, прощаясь, народу пел,
Как потом страдал и терпел...

Мой кербез, поведай о том,
Как в Сибирь я шагал пешком —
Подгоняли меня кнутом,
И без сил я падал мешком.

Мой кербез, о том расскажи,
Как меня добивал тиран,
Как я мерз в ледяной глуши,
Как стонал от кандалных ран.

Мой кербез, как найти слова —
Рассказать о муках моих?
Яблоко — моя голова —
Сморщилась, бледен я стал и тих.
Мой кербез, расскажи, как я
Смастерил комуз из доски,
Как взлетала песня моя,
Уводя людей от тоски.

Мой кербез, о том расскажи,
Как я смерти все же избег,
Как в тюремной ночной тиши
Я задумал дерзкий побег.

Мой кербез, о том не забудь,
Как друзья бежать помогли,

Как проделал я долгий путь
И достиг желанной земли;

Мой кербез, пари, как орел,
Спой о том, что настал тот год —
И увидел и вновь обрел
Я родной киргизский народ!

ТОКТОГУЛ И ТОГОЛОК МОЛДО

ТОКТОГУЛ МЕНЕН
ТОГОЛОК МОЛДО

Перевел М. Синельников

Т о к т о г у л :

Ванмбет Молдо, соловей,
Быстрый ястреб, что всех славей,
Бедность ведавший и нужду,
Как здоровые твоих детей?
Родич мой из рода саяк,
От рожденья лихой аргамак,
Знаешь ты, как мананы меня
Обрекли на тюремный мрак.
Рыскулбековы пять кабанов
Клеветой испятали меня,
Мананы с жестокой душой
В Иркутск изгнали меня.
Только в Москве Токо
Смог слегка отойти,
Взявши в руки комуз,
Запеть о своем пути.

Многих стубил ишан,
Много потерь позади.
О родине думал я,
И прыгало сердце в груди.
Вернулся к народу вновь
Токо после стольких бед,
Дети киргизов, к вам
Пришел через много лет.
Надеюсь, окажут мне честь
В твоих краях, Баимбет...

Б а и м б е т :

Здоров ли ты, мой акын,
Уведенный в Сибирь Токо,
Всех неимуущих друг,
Слепых поводырь Токо,
Вступивший с манапами в бой,
Мой богатый Токо?
Здоров ли ты, золотой
Мой соловей Токо,
Пустившийся в дальний путь,
Конь чистых кровей Токо,
Играющий серебром
Привязи звонкой своей,
Ястреб степей Токо?
Я вышел тебя встречать,
Я предан тебе глубоко,
Безмерно рад увидеть
Здоровым тебя, Токо!
Рядом с тобою тут
Акыны звонко поют.
Белым ястребом ты
Кажешься среди них.
Калыка я знаю давно,
Ходил он еще в молодых.
Этот акын Калык

Красноречив и прям.
Много историй ждут,
Что их он расскажет нам.
В расцвете сил Эшмамбет,
Вон тот, что чернобород.
Все песни, санаты свои
Мастерски он поет.
Никто не принизит его,
Ведь знает певца народ!
А вот Жаныбай, Курман,
Им дар неподдельный дан.
Мой родственник Жаныбай —
Из кульджигачских сельчан,
Не знает усталости он,
Как мчащийся буудан.
В дороге примкнул Джолой,
Юный, но удалой.
О славе он возмечтал,
Но скрыта будущность мглой.
Несколько может развлечь
Его незрелая речь.
Акыны скопом, толпой
Следуют за тобой,
Неподражаемых слов
Жаждет народ родной.
Вижу впервые тебя,
Златобородый певец!
«Станем, учась у Токо,
Акынами наконец!» —
К тебе с надеждой такой
Все эти пришли ырчи.
Им тайну свою открой,
Малость их подучи!

КЕРБЕЗ ВОЗВРАЩЕНИЯ

КЕЛГЕНДЕГИ КЕРБЕЗИМ

Перевел М. Рудов

Эти руки в кандалы
Заковали, — мой кербез.
От народа оторвав,
Вдаль сослали, — мой кербез.
Очи зоркие в тюрьме
Тосковали, — мой кербез.
Но искусные уста
Напевали, — мой кербез.

Горемыку в кандалы
Заковали, — мой кербез.
От народа увели,
Вдаль сослали, — мой кербез.
Очи темные в тюрьме
Тосковали, — мой кербез.
И печальные уста
Напевали, — мой кербез.

Все пешком, пешком шесть лет,
Пешим ходом, — мой кербез.
В косях золотых дробил
Я породу, — мой кербез.
Снес от царских палачей
Все невзгоды, — мой кербез.
В муках ссылку отбывал
Год за годом, — мой кербез.

Шел пешком, пешком семь лет,
Пешим ходом, — мой кербез.
В медных рудниках дробил

164

Я породу, — мой кербез.
Претерпел от палачей
Все невзгоды, — мой кербез.
Семь лет каторги носил
Год за годом, — мой кербез.

От укусов серых блох
Истомился, — мой кербез.
Нарыдался я в тюрьме,
Не смирился, — мой кербез.
Одна барышня спасла:
Исцелился, — мой кербез.
И к народу своему
Устремился, — мой кербез.

От укусов скверных блох
Истомился, — мой кербез.
Настрадался я в тюрьме,
Не смирился, — мой кербез.
Милосердьем барышни
Исцелился, — мой кербез.
И к киргизам дорогим
Возвратился, — мой кербез.

ОБРАЩЕНИЕ К ЫРЧИ КАЛЫКУ

КАЛЫК ЫРЧЫГА

Перевел В. Державин

Было много певцов у киргизов в былом,
Их напев печально звучал.
И один певец у другого певца
Наши песни перенимал.

165

Много знала акынов наша страна,
Я напомяну их имена.
Пусть не говорят, что один
Токтогул у киргизов акын.
Как и мы, друг у друга учились они.
Имена их гремели в былые дни,
И для нас они проторили путь,—
Я обязан их помянуть.
Я о Солтобае слышал,
Славный был акын Солтобай,
Но за что он в песнях своих
Высмеивал сарбагыш и тынай?
Я о Тыныбеке слышал —
Он был тоже из рода бугу,—
И тынайцев высмеивал, как Солтобай,
Пел он: «Эй ты, пеший тынай,
Утопающий в снегу!»
Песни этих бугу не по праву мне,
И не быть им у нас в чести.
Если ты — ырчи, то как солнице будь,
Одинаково всем свети!
Славный певец был — Музооке,
Два рода спорили из-за него —
Род сарбагыш и солто.
Кровь из головы его полилась,
Когда били дубиной его.
И от раны, что он получил,
На неделю речь отнялась.
Хоть акын был умом не слаб,
А глумился над ним манал.
Об акынах много бы мог рассказать
Тот, кому удалось услышать,
Как певали Балыкооз, Бекмурат,
Что из Чуйской долины — из рода солто.
Ах, как пели «Манас» они!
Ни аша, ни тоя ни одного

Не пропустили у нас они.
Выходцы из степной бедноты,
Пели, богачей не боясь, они.
Сын Балыкооза Найманбай
Тоже славным акыном был,
В песнях, как и отец его,
Он маналов дразнить любил.
Но однажды в Мерке он напал на меня.
Грубым, резким он словом бил...
Если б он тебя повстречал,
И тебя бы не пощадил.
Звонок был соловьиный язык его,
Голос плачущий высоко звенел,
Тонкий гриф комуза его
Серебром чеканным блестел.
Словно барсы Эсенаман и Чонду
Выступали среди пиров,
И другим певцам не бросали они
Ядовитых, ненужных слов.
Знал я и певца Айтике —
Мягок был он и пел на другую статью,
Но и он ушел, все сказав
Без остатка, что мог сказать.
В Таласе — на прекрасной земле
В блеске солнца и плеске вод
Род саруу живет и род кушчу —
Многолюдный, славный народ.
Появились в этом роду
И Эсенаман, и Чонду,
И множество разных других певцов.
Кечубай там был и Сартбай —
Их комуз неумолчно звенел,
Их напев как стрела летел.
Каждый был удивительный острослов...
Их давно уже нет в живых,
Не записаны песни их.

Если жизнь бесследно уйдет, как вода,
Не вернется вновь никогда.
Шелковый зеленый халат
И чалму белее снега надев,
Взгляд молитвенно к небу воздев,
Наизусть бормоча шариад,
Из Аксы приехал Нурмолдо.
Как к загробной жизни идти,
О презренье к земному пути
Хитрый Нурмолдо наставлял.
Но однажды не выдержал я,
Перед всеми его осмеял.
Среди южных киргизов есть
Бекназар и Орозалы.
Я хочу напомнить тебе о них,
Средь певцов они — соколы и орлы.
Но живут и такие певцы:
Хоть по-разному их напевы звучат,
А слова одно и то же говорят.
Вот и южных и северных пред тобой
Нынешних акынов семья.
Лучшие среди них — Эшмамбет,
Женижок, Курман, Джаныбай, —
Эти четверо мне друзья.
Но наступит некогда день —
Мы уйдем от мира сего.
В жизни так: то вдоволь всего,
А то и вовсе нет ничего.
Если нынче голоден ты и гол,
Завтра вновь ты будешь одет,
Снова сядешь за полный стол,
Я ведь тоже, мой сын, из числа таких,
Да и ты из числа таких.
Будь же счастлив, что ты живешь,
Еще час твой не наступил,
Еще ярко ты расцветешь!

ТОКТОГУЛ И ЭШМАМБЕТ ОБ ИШАНАХ

ЭШМАМБЕТ МЕНЕН ТОКТОГУЛ
ЭШЕНГЕ ЫРДАГАНЫ

Перевел М. Вагагин

Где простор сияет вокруг,
Где простерся зеленый луг,
Где собрался вместе народ —
Там терме Эшмамбет поет,
Вам он дарит свои терме...
Вон мужчина в белой чалме,
Голова у него почему
Все раскачивается? Не пойму...

Т о к т о г у л :

Из белого волоса свит аркан,
На нем привязан гнедой скакун.
Песня, взлетающая до небес, —
Этой мой, Токтогула, кербез.
Тот, кто ходит в белой чалме —
Он не спит ни ночью, ни днем —
Лишь добыча на уме —
Вот и ходит голова у него ходуном.

Э ш м а м б е т :

Песня, радующая людей, —
Красноречия образец.
Драгоценную жизнь не вернуть,
Если ей пришел конец.
Вон потеха, смотри, Токо,

На того, кто на холме:
Раскачалась его голова
В белой дорогой чалме.

Т о к т о г у л:

В белом халате и в чалме —
Это сопу, кого сам ишан
Произвел в священный сан,
Ему, как мед, ишана слова —
Вот и ходит ходуном у него голова!

Э ш м а м б е т:

У того, кого сам ишан
Произвел в священный сан,
Чалма из белого полотна,
Но почему трясется она?
Токо, дорогой, не могу понять:
Разве трястись у сопу голова должна?

Т о к т о г у л:

Видишь того, кто в белой чалме?
Это сопу, он криками нас
Созывает на намаз.
А по ночам — одно на уме:
Кого-нибудь надуть умело.
Вот голова у него трясушкой и заболела!

Увидев, что ишан приближается к ним, Токтогули
Эшмамбет пошли к нему навстречу, продолжая петь.

Э ш м а м б е т:

А скажи, дорогой Токо,
Кто этот важный в пышной чалме
Едет на светло-сером коне?
Чуть поотстала, тащится свита,
Кто он такой, объясни-ка мне?

Т о к т о г у л:

Это ишан поехал вперед,
Тот, кому кланяться мы должны,
Тот, кто баранов у нас берет,
Кто не стеснясь три шкуры дерет,
Тот, кто обманывает народ,
Пугает его огнем сатаны...
Но лишь на тот свет попадет ишан —
Первым в ад войдет ишан!
Первым пойдет, подобно козлу, —
Больше всех служил он злу!

Э ш м а м б е т:

Давай-ка спросим у него,
Кто он таков в конце концов?
Говорят, что в свите его
Слишком много хитрецов.
Они горланят, они поют,
Они туда-сюда снуют,
А кто такие и для чего? —
Спросить бы тоже у него.

Т о к т о г у л:

Эти затеявшие кутерьму,
Они при ишане, служат ему,
Вопят, как будто сошли с ума,
Но наготове у них сума,
За ишаном идут по пятам,
Здесь поедят, разживутся там,
Мясо и масло хватают они.
Как саранча налетают они.
А на ишане белый халат,
Знает он, кому в рай, кому в ад.
Был я на каторге из-за такого
Праведника, правдолюбца, святого!

Спеть бы о том, что в сердце кипит, —
Спеть о дороге бед и обид.

Эшмамбет:

Они, как дровиши, вопят,
Страшится, что их дорога — в ад.
«Бренен мир, быстротечна жизнь», —
Плачут и жизни никто не рад,
У мужчины в желтых штанах
Слезы капаят, как град.

Токтогул:

Те, что вокруг ишана вопят,
Те, что страшится дороги в ад,
Это — бедняги, они ишану
Дарят коней, баранов, ягнят,
Кланяются: «О ишан-ата!»
А в головах у них пустота.
Мудрый ишан своего не упустит,
Глянь-ка, сколько набрал скота!

Эшмамбет:

Сорок коней, пятьдесят баранов —
Это неплохой улов.
Ну и добыча у ишанов!
И все — за несколько лживых слов.
Преклоняется перед ишаном
Темный наш народ простой...
А не пойти ли за ишаном,
Вдруг поделится с нами святой?

Токтогул:

Ты ошибаешься, Эшмамбет.
Не обольщайся, мой совет.
Если бы не козны ишанов,
Я не изведал бы столько бед.

Эшмамбет:

Скажи мне, кем наш ишан рожден?
Наверно, людьми, что поклонны бьют.
За что ж возвеличен, за что награжден,
За что хвалу ему поют?
Как ишан в себя вмещает
Все, что люди ему дают?
В городе он, говорят, живет,
Тогда зачем приехал к нам?
Неужто позвал его народ —
Вручить за ложь такую плату?
Но ведь противно шарияту,
Если ишан сам за дарами идет.

Токтогул:

Святой нахапал сколько смог,
Немало нынче досталось ему,
А я сжимаюсь в нервный комоч,
Увидев белую чалму!
Белоколпачный мой народ,
Зря ты ишану даришь скот.
Из-за таких вот, в белых тюбанах,
Сколько я перенес невзгод!

Ишан подвезжает к юрге, дарит акынам по тубейке.

Эшмамбет:

Господин — искупитель грехов.
Токтогул, ты не спеши,
Нам подарит он двух коней,
Если хватит у него души,
Если скудость не одолеет,
Буду ездить я на коне...
Сердце мое от радости млеет:
Что-то ишан подарит мне?

Т о к т о г у л :

Плохо знаешь ты его,
Не добавит он ничего.
Больших подарков ишан не дарит,
Такие жесты не для него.

Э ш м а м б е т :

Ты, ишан, уважил акынов —
По тюбетейке подарил.
О жеребцах из твоей добычи
Я напрасно говорил...

А кто-то ишана проклиняет:
«Ах ты, наш наставник святой!
Попадись-ка ты нам в руки —
Мы тебе устроим той!»

Н Е Т У М Е Н Я Д О В Е Р Ь Я
К Н И М

МЫНДАН КӨӨНУМ ИШЕНБЕЙТ

Перевел М. Синельников

Чуть слышшу я лай собак,
Выбегаю в окрестный мрак:
«Не пришла ли беда опять?
Верно, кто-нибудь из врагов
Вновь надумал меня предать!»
Я простититься с душой готов.

Заблудившийся соловей,
Заключенный безвинно в тюрьму,

Возвратиться из ссылки своей
Я к народу мечтал своему.
Многочисленный, кочевой,
Добродушный киргизский народ
Был и в мыслях моих со мной,
Я не верил, что час придет.

Ныла горестно грудь моя,
Я родных вспоминал на ходу,
И не верил, что выживу я,
Что до Края Ночи дойду.
Сохранилась душа в аду,
Сердце пламенно, светел лик,
Снова родины я достиг.

Векот, словно цветущий луг,
Конур-Огуз, Коштуулук.
Был в неволю я уведен,
Много снес унижений, мук,
Цепи каторги претерпел,
Но обратно вернулся цел.

В поколенях шести Арым
Населяет отцовский род.
Я вернулся теперь к своим,
Смывши каторги черный пот.

Все печали могу стяхнуть,
В лица милых опять взглянуть!
Вот впервые утихла боль,
Что кипела, терзая грудь.

Был в разлуке не виноват
Заключенный в глубокий ад.
Там меня унижала тюрьма,
Там меня окружала тьма;
Ждал видетя родной народ
Я, почти что сходя с ума.

Как, скажи, бедняку не пропасть,
Обманул его бай-злодей!
У манапов — такая пасть,
Не баранов едят — людей!
Нет, не будет им веры моей,
Вероломны богатые, злы,
А найдется бедняк посмелей,
Закуют его в кандалы.

В ГОЛОВЕ МОЕЙ — ТРЕВОЖНЫЕ ДУМЫ

УБАЙМ ТУРАТ БАШЫМДА

Перевел С. Куняз

В страшной ссылке не было дня
Без тоски о земле отцов.
Все же смерть не сразила меня,
Я свободен в конце концов.
Жаль, что сына мне не пришлось
Повстречать в родимом краю.
Много слез моих пролилось,
Сколько слез я еще пролью?
Правят бии и болуши,
Кто богаче, — тот и лютей,
Нет ни сердца и ни души,
Чести нет у этих людей.
Керме-Таш, родная земля,
Я состарился, поседел,
Много горя вытерпел я.
А за что мне такой удел?

От лишений я словно пьян,
И душа страдает и плоть
От глубоких кровавых ран...
А за что, объясни, господь?

О мой сын, ты в могиле спишь,
Без тебя я, как степь без воды.
Что, сопу, о боге кричишь?
Бесполезны твои труды,

Вы, тираны, глупцы и скоты,
Помыкали бессильным мной,
Если б счеты с вами свести,
Я доволен был бы судьбой.

Не могу о страдающих молчать,
За собой не вижу вины.
Я вернулся родных обнять —
Нет ни сына и ни жены.

Потемнели щеки мои,
Без числа за спиною бед.
О народ, мою боль утоли,
Что мне делать, дай мне совет.

Как от зверя, я пострадал
От ишана в белой чалме.
Но не умер песенный дар,
Он в несчастье — опора мне.

Знаю я свое ремесло,
Где бы ни был — везде пою.
Только это меня спасло
В чуждальнем слыльном краю.

О земля, как павлинье крыло,
Ты сияла в памятный день.

Когда горе меня нашло
И за мною пошло, как тень.
Я покинул свой Керме-Таш,
У меня оставался сын,
Несмышленьш, первенец наш.
А теперь я, как перст, один.

Полицейский меня связал,
Плеть его, как сабли, остра,
Он мне спину исполосовал,—
Словно ситец, стала пестра.

О вернись, искусство мое,
Чтоб запеть, словами звеня,
Оцените чувство мое,
От властей укройте меня.

Я от вас никуда не уйду,
Буду петь, пока хватит сил,
Буду в песнях просить судьбу,
Чтоб народ во здравии жил.

На Арымском джайлоо, там,
Где бедняцкие юрты стоят,
Буду петь без усталости вам,
Мои песни мудрость таят.

Где-то в скалах кричит улар...
Да минует меня беда!
Не готовят ли мне удар
Беспощадные господа?..

СТОСКОВАЛСЯ ПО ВАС САЛАМ БЕГДИМ САГЪЫНЫШ

Перевел П. Семьини

Всем шлю, стосковавшись, привет!
Печальный, скрываюсь от бед;
Как тяжелой желтухой больной,
Я мучаюсь, сгорблен и сед.

Приветствую песней своей!
Хожу я, таясь от людей;
Я, словно недугом томим, —
Час от часу мне тяжелей.

Невесткою в доме чужом —
От взоров я прятался днем,
А ныне перед вами сверкнул,
Как птица в луче золотом.

Хоть я свой приезд и скрывал,
Народ все равно узнал,
Тогда-то пришел я к нему,
Чтоб слов он худых не сказал.

Ссылным стал я в юных годах.
Туман в моих старых очах.
На поминках в честь Тоялы
Пою я с комузом в руках;
Стою перед народом, как сын,
Издавав гоненья и страх.

Я был осужден молодым.
Сюда, на широкий Арым,
Я прибыл приветствовать вас,

Я родичам рад дорогим;
Представ на поминках, опять
Я слился с народом своим!

Здоровы ли, братья, друзья,
Киргизы — защита моя?
К вам тот возвратился, кто был
В далекие сослан края,
Кто, сетью олутан, страдал, —
Пришел я, обид не тая.

Акынов я всех побеждал,
Комуз мой повсюду звучал;
Пошел я с позором в Сибирь,
Там горе без меры узнал,
По воле мананов-лжецов
Был изгнан из края отцов.

Туман мою душу гнетет;
Живу, хоронясь, точно крот.
И как мне не тосковать
О встрече с тобою, народ!

В бескрайнем просторе родном
Я был молодым скакуном,
Киргизам, казахам я пел,
И все замирало кругом.

Томит меня страх по ночам,
Что вновь упаду к палачам;
Когда же рассеется мрак,
Дав место отрядным лучам?

Я пел, и прославлен я был, —
Преступным объявлен я был.
Скитаюсь, людей сторонясь,
Сегодня ж вам сердце открыл.

Пред вами, мои земляки —
Богатые и бедняки,
С облитой слезами душой
Стою, посевая от тоски.
Когда ж мне откроется свет,
О юноши и старики!

Певец ваш Токо угнетен,
В груди его слезы и стон,
И все вы — саяк и саргтар —
Узнайте, как мучился он!

В оковах железных без сил,
Я пешим, как нищий, бродил,
В темнице меж каменных стен
Стал бледным, как житель могил.
Глухими цепями гремя,
Я землю промерзшую рыл.

Надежда моя — народ,
Позор на тебя упадет,
Коль ты не сумеешь теперь
Меня охранить от невзгод.

Я был скакуном молодым,
Но потом покрылся густым, —
Удастся ль на выстойке мне
Сегодня остаться живым,
Коль ты не сможешь, народ?

Я в воды Байкала смотрел,
Ударов немало стерпел,
Я желтой болезнью болел, —
Прошу — помоги мне, народ!

Я верю тебе одному,
Ты сможешь рассеять и тьму

И цепи любые порвать, —
Меня не отдашь ты в тюрьму!

Народ — как сотни озер,
Как морской безбрежен простор,
И если поднимется он,
То станет он выше гор.

Когда разольется река, —
Настанет беда для людей.
Погибну, народ, если ты
Меня не спасешь от цепей.

Немало здесь тысяч людей,
Один я певец среди гостей,
Я — с яблони сорванный плод,
Хочу к вам вернуться скорей,
Хочу быть с народом всегда,
Бессильным я стал без друзей.

Коль горе придавит тебя, —
Народ лишь избавит тебя.
Ему все печали излей,
И он не оставит тебя.
Хочу быть свободным среди вас,
Отчизну открыто любя.
Прошение надо писать,
Волостного поставить печать,
Я не враг же, киргизы, вам,
Чтоб снова меня высылать.
Смотрите, что стало со мной,
Потерян румянец былой;
Не должен опять Токтогул
С землей разлучаться родной.

Я верю, что родичей щит
От кривды меня заслонит,

Народ адвоката наймет, —
Он правду в суде отстоит.

Я первым был соловьем,
И нет справедливости в том,
Чтоб я, как трус воробей,
Страшился свиных когтей.
Я верю — с народом в ладу
Сумею осилить беду
И ноги мне вновь не скуют,
Свободным я с вами пойду!

СКАЖУ О ТОМ, ЧТО ВИДЕЛ

КӨРГӨНҮМДҮ АЙТАЙЫН

Перевел Ю. Гордиенко

Сейчас расскажу вам о том,
Что видел, когда по обету
Съезжались люди на той —
Поминки по Раимбеку.
Кто прибыл в тот памятный день?
Я видел одетых богато
Пишпекских уездных людей
И всадников Намангана.
Был люд из Аулие-Ата.
С улыбки, на лошади шалой
Приехал шутник Куйручук,
Насмешник и главный глашатай.
Приехали те старики,
Что сами — у края могилы.

ПОМНИ, СЫНОК, ОБ ЭТОМ
ЭСТЕЙ ЖУР, БАЛАМ, МУЦУМДУ

Перевел М. Еремин

Акын акыну рознь, сынок.
Что толку, если гладок слог?
К чему пустое краснобайство?
Какой в ничтожных мыслях прок?
Дабы признал народ акына
И песни в памяти сберет,
Запомни, что всего важнее,
Чтоб сердцем не был ты жесток,
А был бы щедр, великодушен,
Чтоб чуток был и чтобы мог
При первом «чу!» взлететь тулпаром,
Чтоб честен был, клеймил порок
И чтобы в золотое слово
Ты чувство доброе облек,—
Тогда и в памяти народной
Останешься на долгий срок.

Такие есть ырчи меж нас,
Что без презрительных гримас
Да без ужимок петь не могут,—
Таких приходится подчас
Просить-упрашивать часами,—
Акын молчит, и весь тут сказ,
Одну споет лениво песню,
И вновь молчит,— мол, хватит с вас,
А если голоден при этом,
То с казана не сводит глаз,
Когда наестся до отвала,
Начнет, зевая напоказ,

За ними, стройны и ловки,
Совсем молодые джигиты.
Затем — злагоустов черед,
Искусных в сраженьях словесных;
Ишан наманганский — и тот
Приехал, святоша известный!
За ним на поминки тропой,
Понури в усталые лица,
Больные явились толпой,
Молитвой его исцелиться.
Приехали спеть о былом,
Приветственным встречены гулом,—
Двенадцать их было числом,—
Певцы во главе с Токтогулом.
Приехали вслед знатоки,
Коней объезжающих ловко.
Борцы, что берут за штаны
Друг друга со злою сноровкой.
Еще я о том не сказал,
Как в поле при столах и кликах
Известный храбрец Эрназар
Погиб в состязанье на пиках.
Глядел я и все примечал —
Такое бывало нередко —
Из шеи героя торчал
Обломок кровавого древа.
Не так бы обижен судьбой
Он был, несравненный, когда бы,
Героя пославшие в бой,
Его схоронили манашы.
Но брошенный ими, лежит
Герой, в состязанье сраженный.
Забыли богатые стыд!
Пусть бог им за то отомстит!
Пусть вдовами станут их жены!

Глядеть в упор на красный угол —
Теперь вздремнуть, мол, в самый раз.

Не вдумай подражать, сынок,
Таким брчи — к себе будь строг
И не кичись своим талантом.
Не важничай и под замок
Талант не прячь — пусть служит людям,
Страшись какой-нибудь из строк
Кого-нибудь зазря обидеть,
И где бы путь твой не пролегал,
Пусть спор идет во всех аилах:
Чей переступишь ты порог
Как гость, чью юрту осчастливишь?

Ты должен твердый дать зарок —
Делить с народом скорь и радость.
Тулпаром будь во дни тревог,
Будь соловьем во дни веселья.
Твой честный труд — тому залог,
Что будешь славен ты в народе.
Не забывай о том, сынок!

МОЛОДЫМ

ЖАШТАРГА

Перевел М. Синельников

В состязаньи заметят все
Красоту скакуна и стать,
Ты к душевной стремишься красе,
Бойся в мелкие споры встревать.

Не украсит джигита брань,
Ты учтивым и добрым стань,
Чтобы в будущее шагать.

Если новый наряд надет,
Не знайтесь, не в том почет.
Нег, работайте с юных лет,
Цену вам назовет народ.
Выбрал путь — и стремглав лети,
У других не стой на пути!
Иноходец чистых кровей
Не дает себя обойти.
На пророка сошлется мулла,
Ты лжеца разгляди дела,
Что он там пред тобой ни плел!

Даже редким своим гостям
Яства лучшие подавай,
Но лукавящему врагу
Важной тайны не доверяй,
От захватчиков не беги,
Веру родичей оправдай.
Если молот и полон сил,
От работы не убегай.
Ох, не смешивай с правдой лжи —
Сплетни вмиг облетают край!
Бойся к старости честь потерять,
Стать ничтожеством невзначай.

Беспощадна людская молва,
Так не будь же в долгу пред людьми.
Если есть на плечах голова,
По плечу себе пошу возьми.
Тот, кто славен в народе родном,
Не бахвалится и не врет.
Навсегда прослынешь лууном,
Если так назовет народ.

ВСТРЕЧА С БАРПЫ

БАРПЫ МЕНЕН ЖОЛДУГШУУ

Перевел Ю. Гордиенко

Когда Барпы стал известным в народе акыном, до него впервые дошел слух о Токтогуле. Барпы захотел услышать песни Токтогула и поучиться у него мастерству. Однако бедность Барпы долго не позволяла съездить в далекий Кетмень-Тюбе. Встреча состоялась в 1915 году. О ней Барпы говорил: «Я стеснялся внешне зайти к великому акыну. Сердце мое билось учащенно. Я еще раньше слышал о нем от Эшмамбета — его ученика. Приведший меня в Кетмень-Тюбе Далбай, показав на Токтогула, сказал: «Вот это и есть Токтогул». Когда я вслед за Далбаем вошел в юрту, Токтогул пел, подыгрывая себе на комузе:

Теснее наших душ союз

И не страшна тоска,

Когда в руке звучит комуз

При свете огонька.

Из драгоценной он арчи

Да из бараньих жил.

Послушайте, что комузчи

Под рокот струн сложили...

Токтогул обратил внимание на мой наряд — пеструю тобетейку и узбекский чапан. Глядя на меня, он запел:

Друзья, к нам прибыл новый гость.

Видать — издалека.

Мне раньше с ним не довелось

Сидеть у огонька.

И что ж, мне нравятся черты
Усталого лица...

Прохожий, кто бы ни был ты,

Ты в юрте у певца.

Входи, не прячься за спиной

Вошедшего с тобой.

Скажи, откуда прибыл ты?

Доволен ли судьбой?

Уж не акын ли ты, скажи,

Застенчивость отбрось.

И если ты противник лжи,

Мне будешь другом, гость.

Будь откровенным. Если есть

В тебе талант певца,

Летай смелей и выше. Здесь

Найдешь во мне отца.

Летай. Но песню ложью, гость,

Ты лучше не пятай.

Пришел с неправдой — уходи

И на себя пеняй.

Б а р п ы:

От Эшмамбета слышал я —

Здесь место всем дают.

Мне юрта скромная твоя

Дороже байских юрт.

Смущен, отец, я потому,

Что сам приехал к вам,

Коня стреножил, снял суму,

Непрошен и незван.

Давно я дал зарок себе,

Давно поклялся я

Слуститься с гор в Кетмень-Тюбе,

Послушать соловья.

В пути ни разу не свернул

С ведущей к вам тропы.

Великодушный Токтогул
Пускай простит Барпы.

Т о к т о г у л :

Душевно, гость, твой слова,
Барпы, будь сыном мне.
«О молодом певце молва
Идет по всей стране», —
Так о тебе мне говорил
В беседе Эшмамбет.
А он не скажет слова зря:
Он знает белый свет.
Садись. Героя узнают
По складкам у бровей.
Высоким голосом от всех
Отличен соловей.
Пора комузу зазвучать,
Пусть песня зазвучит.
На песню песней отвечать
Готов ли ты, джигит?
Я буду слушать. Спой о том,
Ведешь откуда род,
Богат ли, беден ли скотом,
Пьешь воду или мед?
Не сын ли бая ты, ответь?
Не байский ли сынок,
Что нить умеет да жиреть,
Да на ковре цветном храпеть,
Свалившись пьяным с ног.
Ты не из тех ли, кто едва
Вступил на путь певца,
Плечет хвастливые слова,
Что полонил сердца?
Ты не из тех ли, кто коня,
Шутя, загнать готов,
Кто, бедняка лишив огня,

С ним не разделит кров?
Ты не из тех, чьи дни легки,
Как шелковый халат,
Кто выдает нам черенки
За драгоценный клад?
Ты не из тех ли, кто муллу
Всегда готов принять,
Наполнить жиром пиалу,
Словам его внимать?
И не из тех ли ты, скажи,
Чья щедрая рука
Барана режет для хаджи,
Отняв у бедняка?
Или, рожденный бедняком,
Ты мяса не едал,
Ходил по снегу босиком
И в юрте голодал?

Б а р п ы :

Я понял мысль твою, аба,
Готов держать ответ.
Ковра мне под ноги судьба
Не положила, нет.
Начну, как ты, издалека:
Не байский я сынок,
Не ел я лишнего куска,
И не кумыс из бурдюка
Валил джигита с ног.
Едва вступив на путь певца,
Друзьям не хвастал я,
Что потрясает все сердца
Простая песнь моя.
Я не из тех, кто скакуна,
Шутя, загнать готов.
Я не из тех, кому дана
С рожденья полная мошна,

Кто спит в тепле и пьет до дна,
Но с тем, чья юрта холодна,
Свой не разделит кров.
Я не из тех, чьи дни легки,
Как шелковый халат,
Кто людям дарит черешки,
Как драгоценный клад.
В моей душе аллаха нет.
Над полной пиалой
Душеспасительных бесед
Я не веду с муллою.
Аба, тебе скажу без лжи:
Нет, не моя рука
Барана режет для хаджи,
Отняв у бедняка.
Теперь признаюсь не тая:
Одна любовь к тебе
Вела меня в твой край
Сюда, в Кетмень-Тюбе.
Нет, не ошибся Эшмамбет,
К тебе меня послал,
Во всем, что мне он говорил,
Он оказался прав.
Сказал он: «Там, где Токтогул,
Властителям не льстят,
Ишанов праведных и мулл
Там видеть не хотят.
И коль, Барпы, ты хочешь стать
Певцом когда-нибудь,
Лишь он сумеет указать
Прямой и верный путь».
Так он сказал. Теперь и сам
Все это вижу я.
Да, места лживым голосам
Нет в юрте соловья.
Как твой комуз звонкоголос

Из дорогой арчи!
Как счастлив я, что довелось
Услышать комузчи!
Из ближних мест, из дальних мест
Приходит слушать люд,
Как струны первого певца
И плачут и поют.
Заслышав их напев простой,
Нельзя не вспоминать,
Что я остался сиротой,
Когда скончалась мать;
И что из отчего жилия
С безденежья отцом
Был баю продан в рабство я
Совсем еще юнцом;
Что у сузакских баев год,
И два, и двадцать лет
Сносил обиды, голод, гнет,
А злее гнета нет.
Рубцы на горле до сих пор
От байских тех когтей —
У рыси хищной с наших гор
Подобных нет когтей.
Все эти знаки на скуле
Не сгладились вовек —
Я жил в Сузаке, в кабале,
Как раб — не человек.
Что мне еще сказать, аба?
Ты слышал мой ответ.
Ковра мне под ноги судьба
Не положила, нет.
Т о к т о г у л :
Мне колет ноги острый лед,
Моя душа в огне.
Когда я слышу плач сирот,

Их боль живет во мне.
Прости невольную вину,
Коль груб я был с тобой.
Теперь помочь тебе готов
Услугою любой.
Барпы, твой глаза черны,
Но в них прозренья свет;
Сурово брови сведены
От всех обид и бед.
Разгладь морщины, друг и брат,
Акына слову верь:
Не сиротой в Джалал-Абад
Вернешься ты теперь.
Любя меня и веря мне,
Ты шел издалека.
Готов ли выслушать, джигит,
Советы старика?
Достоин лучших слов певца
Дехканин с кетменем,
Суров и темен он с лица,
Простак с душою мудреца —
Не забывай о нем!
У тех, кто в поле круглый год,
Ищи себе приют.
Чтоб сильным стать, иди в народ,
Чуждайся байских юрт.
Там, развлекающий гостей
За жирною едой,
Охрипнет, путаясь во лжи,
Твой голос молодой.
Когда же славить злую жизнь
Устанет голос твой,
И правду скажешь ты... Держись!
Ответишь головой!
Отобран будет щедрый дар —
Красавец аргамак,

И те же гости на тебя
Науськают собак.
Уйдешь ты, байскими плетьюми,
Как пес худой, избит,
А настоящими людьми
Осмеян и забыт.

Б а р п ы:

Все это правда, Токтогул,
Суровой правды нет.
Я сам на баев спину гнул,
Изведал сотни бед.
Знакомы мне их скупость, злость,
Обычай нас травить.
В богатых юртах мне пришлось
Голодным волком выть.
Пусть песнь моя еще слаба,
И разум слаб, и грудь,
Твой ученик и сын, аба,
На твой вступает путь.
Поёшь ты тихо, не спеша,
О том, как мир суров,
Но укрепляется душа
От этих горьких слов.
Как будто кто снимает с плеч
Набивший плечи груз,
Когда звучит акына речь
И вторит ей комуз.
Не устоит, лишась корней,
Дуб, что стоял века.
Так и бедняк без песни — в ней
Опора бедняка.

Т о к т о г у л:

Тому, в чьем сердце песен жар,
Немым не улежать.

Глуpec строптивый и родню
Не хочет уважать.
Коль не находчив, не спеши
В карман за словом лезть.
Бессильны лекари, когда
Запущена болезнь.
Не близость смерти нам страшна,
А ужас перед ней,
Она сильнее кровных уз,
Любовных уз сильней.
Не воскресишь — напрасный труд
Над мертвым ворожить.
Но есть немногие, кому
И после смерти жить.
Приемы делать стих сложны,
Хоть с виду и просты.
Я показал, мой сын, пример,
Продолжи песню ты.

Б а р ы:

Не положив заряда в ствол,
Стрелок не метит в цель.
Большому при смерти жестка
И мягкая постель.
Не покорив сердца людей,
Увянет песнь твоя,
Не распускаются цветы
Без песни соловья.
Долины без кукушки нет,
Нет дыма без огня.
Настигло горе — не уйти
И на хребте коня.

Т о к т о г у л:

Лишь опираясь на крыло,
Палящие парят.

Лишь научившись рифмовать,
Ты завершишь санат.
Лишь другу верному в беде
Пристанет имя — брат.
Лишь у отважного в руках
Не дрогнет в битве меч.
Умеют правду на земле
Лишь смелые беречь.
А смелость может оценить
Лишь испытавший страх.
Найдешь непуганую лань
Лишь в снеговых горах.
В сраженья час узнать легко —
Кто трус, а кто герой.

Б а р ы:

Кто спутает верблужий горб
С двуглавою горой?
Лишь в песне тусклые слова
Заставишь зазвенеть,
Лишь солнце пепел облаков
Заставит пламенеть.
События лишь, а не слова
В историю войдут.
Лишь бурю выстояв, корабль
Найдет в порту приют.

Т о к т о г у л:

Твой стих, Барпы, глубок и смел.
Не просто срифмовать —
Шутя, как мастер, ты сумел
Стихи отформовать.
Тот не пойдет дорогой зла,
Кто мысль твою постиг.
Ты для меня — как два крыла,
Мой славный ученик!

Не поклоняясь серебру,
Смелей иди вперед.
И помни: я, как все, умру —
Свобода не умрет.
Нас, заставляя им служить,
Как тесто, баи мнут,
Но нам свидетелями быть
Последних их минут.
Через возмездье, в грозный год
Придет к нам новый век.
...От русских слышал я: живет
В России человек,
Чтоб страшный мир, где мы живем,
Навеки изменить,
Всех угнетенных он решил
В борьбе объединить.
Барпы, нам ждать недолго, знай:
И лошадь рвет аркан,
И волк, опустошавший край,
Находит свой капкан.
Рассвет в горах прогонит тьму,
Окончится борьба.
Мы будем песню петь тому,
Кому она любя,
Когда-нибудь, Барпы, когда
Меня переживешь,
О встрече нашей скажешь: «Да,
Его рассказ не ложь,
Не шутка, не пустой посул.
Он умер. Я живу.
Но все, что думал Токтогул,
Случилось наяву».

Б а р п ы:

Напев комуза и слова
Прекрасны, Токтогул.

Душа певца в тебе жива
Всечасно, Токтогул.
Добра к друзьям она, к врагу
Сурова, Токтогул.
Добавить к песне не могу
Ни слова, Токтогул.
Перед тобою, Токтогул,
Я — молодой акын.
Ты в песнях, словно конь Дулдул,
Касаешься вершин.
Напев струны, как звон его
Серебряных подков.
Опорой людям служишь ты,
Защитник бедняков.
Сказав, не отступаешь вспать,
Со страхом не знаком.
Позволь же мне себя считать
Твоим учеником.
Гонимый злой своей судьбой,
Сбивавшийся с пути,
Путем, указанным тобой,
Пойдет певец Барпы.

ПОКА НЕ ОБРЕТЕТ СВОБОДУ...

АЗАТТЫК КУНДУН ЖОГУЛАН

Перевел М. Еремин

Улуу-Кен, Кара-Сакал —
Земля превыше всех похвал,
Когда бы кто ее засеял,
То урожай бы знатный снял.

А взять Чичкан, Узун-Ахмат —
Что ни река, то водопад,
Но сила рек не служит людям,
Их воды без толку шумят.

В горах, долинах и ущельях —
Везде, куда ни кинешь взгляд,
В родной земле сокрыто счастье,
Народу недоступный клад.

Идет на смену веку век,
Богатства гор, долин и рек,
Поска не обретет свободу,
Добыть не сможет человек.

ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

КАНДАЙ АЯЛ ТУУДУ ЭГЕН
ЛЕНИНДЕЙ УУЛУДУ

Перевел М. Ватагин

Нес во тьме киргизский народ
Цепи горя, нужды, невзгод,
Так тянулось оно веками,
Но пришел семнадцатый год.
О слова мои, в этой песне
Будьте ярче ночных светил:
Николай с престола слетел,
Ленин новый путь осветил!
Мудрый Ленин создал Советы —
Власть народную учредил!

Грязным лапам пришел конец —
Бай-манапам пришел конец,

Мой народ века угнетавшим,
И сагапам пришел конец.
Лизоблюды, лакеи царя,
Прочь подальше сами ушли,
Убежали с нашей земли...

И взонла свободы заря!
Будет вечно она сиять,
Лучезарна, горда, светла!
Пред тобою склоняюсь, мать,
Ты нам Ленина родила!

Встала партия большевиков,
Чтобы новый построить мир,
И настала власть бедняков,

Тех, кто прежде был наг и сир,
Тех, кто прежде много веков
Слезы лил в железах оков,
Но пришел и разбил оковы
Ленин с партией большевиков.

Друг-бедняк, ты в несчастье жил,
У дракона ты в пасти жил.

Ленин спас горемычных, темных,
От дракона освободил.
Друг-бедняк, ты красное знамя
Над родной землей водрузил.

Было время — ты был рабом,
Бай-манап тебя обирал,
Был угрюм твой дырявый дом,
Ты от голода умирал.

Ты видал ли, хотя бы во сне,
Наш свободный багряный стяг?
Ты теперь, бедняк, на коне —
К счастью рвется твой аргамак!

В царской ссылке я долго жил,
Вспоминая родной аил,

И о родине пел далекой,
Пел, хоть вовсе не было сил.

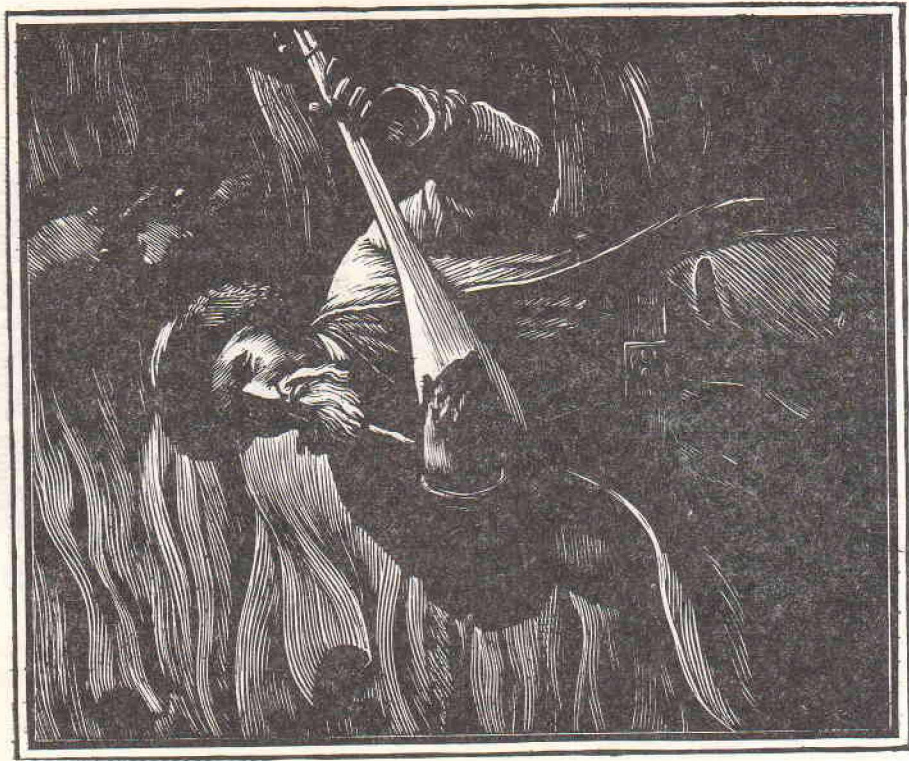
Сколько горя было у нас,
Сколько горя я перенес!
Ленин в добрый явился час,
Он от горя народы спас,
Осушил он потоки слез.

Ленин в юности клятву дал
Жизнь свою посвятить борьбе.
Ты, несчастный бедняк, страдал,
Кости жалкие ты глодал,
Бай-манап тебя объедал,
Ленин жизнь посвятил тебе.

Я — киргизских гор соловей
И, пока на свете живу,
Расскажу огчизне моей
Все, что вижу я наяву,
О тебе пусть голос поет,
Мой родной киргизский народ.

Песню новую я родил,
Чтоб обрадовать вас, друзья.
Беркут коршуна победил —
Вот об этом песня моя.
Всех нас Ленин освободил,
Он возжег над миром зарю,
Он пути врагу преградил —
Я спасибо ему говорю.

Сколько горя я испытал,
Сколько выплакал горьких слов...
Мой народ, ты счастливым стал —
Ленин счастье тебе принес.

В царской каторге я страдал,
Изможденный, я смерти ждал,
А теперь я прошу у бога,
Чтобы жизни побольше дал.
Молодым меня увели —
Замерзал на краю земли...
Бедняки врагу Керимбаю
Отомстили, не подвели.

Как пришла хорошая жизнь —
Распрямылся бедняк-киргиз,
И моя запела душа,
Оттого что жизнь хороша!
Пусть подольше Ленин живет,
Пусть народы вперед зовет!

Нашу землю скрывала мгла,
Стая коршунов кровь пила...
Кто куда враги убежали,
Революция их смела.

Мой народ был темен и мал —
Посмотрите, другим он стал,
И с народами всей отчины,
Посмотрите, он рядом встал.
Это наша советская власть
Смотрит мудро и далеко.
Ах, какая жизнь началась!
Будет славить ее Токо.
Мой белоколлачный народ,
Одели ты вдов и сирот,
В недра гор проникаешь смело,
Устремляешь свой взор вперед.
Это Ленин, его рука
В новый мир ведет бедняка
И дает сегодня наделы

Тем, кто жил без земли века.
Ни измерить, ни сосчитать —
Неоглядны его дела...

Пред тобою склоняюсь, мать, —
Ты нам Ленина родила!

ЖИВИ, СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ!

ЖАШАГЫШ, КЕЧЕШ ОКМӨТ!

Перевел С. Липкин

Ты от громких рыданий оглох,
Тяжкий путь ты прошел, Токтогул.
Был ты жертвой тюремных блох,
Был твой жребий тяжел, Токтогул.
Посерев от горя в тюрьме,
Вновь киргизов нашел Токтогул.

В мрачной крепости жил я в тоске,
Стыла в жилах горячая кровь.
Я блуждал от родных вдалеке,
Но киргизов увидел я вновь.

Был я сослан в сибирскую даль,
Я великую помню печаль,
Но вернулся я невредим,
Я к киргизам вернулся живым...
Так живи, советская власть,
Смерть врагам твоим и моим!

Пусть не будет у нас в стране
Человек человеку служить!

Пусть навеки будут в стране
Вольный труд с народом дружить!
А я — состарился, мне
В этой жизни счастливой не жить...

ВРЕМЯ

ЗАМАНА

Перевел П. Семынин

Унизив многих, плакать всю жизнь
Ты их заставляло, время,
Во власти богатых нищий народ
Всегда ты держало, время.
Тиранам-драконам околдовать
Ты разрешило бедных,
И на съедение богачам
Ты осудило бедных.
За всех бездольных цепляешься ты
Бедой неотвязной, время,
Дашь, как беркутам зловным — лису,
Терзать их всечасно, время.
Стервятники-баи наперебой
Когти в бедных вонзают,
А те, лишённые света тобой,
Что делать в горе, — не знают.
Роптать их заставив на долю свою,
Ты их ослепило, время,
Ты даже ситца жалкий лоскут
Им скупо дарило, время.
Одним — обилье радостных дней,
Другим — нужда и невзгода,

О, как ты просторно для богатей
И клетки тесней для народа!
Для баев — дешевым, для нас — дорогим
Товаром ты стало, время,
Пустую похлебку — для бедноты
Ты медом считало, время.
Ты баев — пшеницей, а бедняков
Лишь отрубями кормило,
Богатым ты все распахнуло пути,
А нищим — все завалило.
Твой богаче обрекали народ
В неволе томиться, время,
Ты право дало им на бедных кричать,
Над ними глумиться, время.
Ты всех богачей, волостных и старшин
Возвысило над бедняками,
Как беркуты, когти расправив свои,
Кружат они хищно над нами.
Чинарами стало ты для богатей,
Для бедных — прутьями, время,
Шелками покрыло ты богатей,
А бедных — стружьями, время.
Ты овцами сделало мой народ,
Богатых — волками злыми,
У них, что ни день — веселье идет,
Пируют с друзьями своими.
Скотину последнюю у бедняков
Ты забираешь, время,
Сухую черную землю копать
Их заставляешь, время.
Последнюю нитку тянешь ты
У бедного в юрте нищей,
Если же нитки нет никакой —
Берешь за долги жилище.
Сколько у бедных скота и добра
Ты разграбило, время,

Ты обездолило бедняков,
Нас ты ослабило, время.
Нынче ко всем беднякам лицом
Ты повернулось, время!
Я был неустанным народным певцом,
И нам улыгнулось время.
Сияй же, бедняк, будь счастья творцом,
Твое наступило время!

БЛАГОДАРИ, СКАЖИ РАХМАТ

ЫРАКМАТ АЙТ, АЛКЫШ АЙТ

Перевел М. Рудов

Пришла твоя пора, кедей,
Не властен над тобой злодей,
Своей свободой дорожи.
Освобожденный от цепей,
Благодари, рахмат, — скажи, —
Народ достойный русский.
Постигнуть грамоту сумей, —
Клад знания у русских.
И постарайся поскорей
Язык усвоить русский...

ВЫСОКО ДЕРЖИ СВОЕ ЗНАМЯ

ЫЙИК КӨТӨР ТУУНДУ

Перевел М. Еремин

На памяти у всех и гнет,
Что испокон влачил народ,
И проишвол ишанов, биев,
Мананов и других господ.
Я знаю по себе, как бедным
За правду затыкали рот,
Я помню мрачную темницу,
Мученье каторжных работ.
Еще недавно богатеи
Из бедных выжимали пот —
Кормил и ублажал манапа
Полуголодный скотовод,
Но Ленин бедноту возглавил,
И пал насылия оплот,
На стойбище счастливой жизни
Мы совершаем переход.
Во имя равенства и воли
Иди, голодный люд, вперед!
Пусть знают бай и маналы
И разный, им служивший, сброд —
От справедливого возмездья
Никто из них не ускользнет.
Пусть Керимбай исходит злостью,
Теперь закон у нас не тот —
Теперь невинного за правду
Никто в темницу не запрет.
Бесправен был бедняк, опутан
Цепями тягот и невзгод,

Поборы были непомерны
И все росли из года в год.
Отдай положенное баю, —
Не пожалеев живоглот! —
Свою семью, бедняк, чем хочешь
Корми в падеж и недород.
Потом проезжий чин нагрянет —
С тебя последнее сдерет.
Молчи, бедняк, за слово правды
Неправый суд в Сибирь сошлет.
Я помню кандалы, решетки
И камеры гнеущий свод,
И если б не побег, не смог бы
Я предьявить манатам счет
Теперь, когда мы всем народом
Богатых взяли в оборот.
Богатство не в цене огнине
И не заслуга — знатный род,
Лишь трудовому человеку
И честь, и слава, и почет.
Я полон радости сегодня,
Но если старость взять в расчет,
Обидно мне, что не увижу,
Каких достигнем мы высот.

ИДЕМ МЫ ЛЕНИНСКИМ ПУТЕМ

ЛЕНИН АЧТЫ ЖОЛУНДУ

Перевел М. Еремин

Остались прадедов следы
В Конур-Огузе, Кайынды, —
Мы издавна здесь поселились;

Земля давала нам плоды,
Вознаграждая урожаем
За наши честные труды;
Поля и пастбища тучнели,
Но грянул черный час беды:
Нас баи с лучших мест согнали,
Отдав нам земли без воды.

Но ныне солнечный восход
Увидел бедный мой народ.
Стал забывать слова такие,
Как нищета и недород.
Освободившись от манапов,
Пасет на прежних землях скот
И сеет вновь ячмень и хлопок
Объединившийся народ.

Идем мы ленинским путем —
Давайте ж поля подоткнем
И будем укреплять Советы
Самоотверженным трудом.

ЛЕНИН ПРИНЕС ИЗБАВЛЕНИЕ КУТКАРДЫ ЛЕНИН АКЫЛМАН

Перевел М. Еремин

Я изгнан был с родной земли,
Печально дни мои текли,
Но я вернулся, хоть и мог бы
Пропасть от родины вдали.

Я тосковал в чужой стране
По родине и по родне;
Видал, мой смертный час не пробил,
Раз довелось вернуться мне.

Мечтая о родном аиле,
Печально трогал я колки,
Настроен был на лад тоски
Комуз мой верный, ведь иные
В плену напевы не с руки.
И чтоб тоскою об отчизне
Не быть убитым наповал,
Я мой комуз еловый брал,
Киргизов, русских и ногайцев
На нем мелодии играл.

Я пел для тех и тем, что были
Как я, свободы лишены.
Тиранам песни не нужны —
Они свободным инородцам
Не знают истинной цены.
Я лес валил зимой в Сибири,
Когда тайга белым-бела,
Хотя преступником я не был,
И никому не сделал зла.

Был бай-манапский наговор,
Был суд неправеден и скор —
И оказался я в темнице
Как будто я злодей и вор.
Осталась ждать и тосковать
Моя покинутая мать.
Шакалы учили зло,
Ее оставив без опоры,
И было видеть тяжело
Ее, как птицу, чье крыло
Лихим злодеем перебито.

Поет лишь правду ваш Токо,
Хоть петь об этом нелегко.
Я был народа утешеньем,
И это вся моя вина —
За это ссылка мне дана.

Я все как было говорю,
Как в заключение к царю
Попал по злобному навету;
Как в зимний холод, в летний зной
Под солнцем или под луной
Я видел лишь чужую землю,
Как нависало днем и ночью
Чужое небо надо мной.
И не избыть бы нам беды
Доньше, если б мудрый Ленин
Нас не призвал сомкнуть ряды.
Народ, под бременем оков
Стибавшийся спокон веков,
Восстав, избавился от вепрей,
От их безжалостных клыков.

ВЗОШЛА ЗАРЯ СВОБОДЫ

БОШТОНДУКТУН ТАҢЫ АТТЫ

Перевел М. Рудов

О мой народ, расправь крыла, —
Заря свободы свет зажгла,
Из сердца горе изгнала,
Оковы гнега сорвала.

Нашли мы светлую судьбу
У русского народа.
Пути к учению и труду
Ведут до небосвода.
Порядки бай-манапских дней
Вглубь Кен-Тюбе зароем,
По новым помыслам дружной
Все к лучшему устроим.

ПОСЛУШАЙ, БАЙ АБДЫРАКМАН...

00.ЛУККАН БАЙЫМ, УГУП ТУР!

Перевел М. Еремин

Послушай, бай Абдыракман,
Довольно наводить туман —
Напрасно власть свою всеильной
Ты мнил, гордыней обуян.

Об этом ясно говорит
Сегодняшний твой кислый вид;
Тебя и кровь уже не греет,
И лампа в юрте не горит.

Хоть зазывай, хоть привечай,
Из рук твоих не примем чай,
Над нами долго ты глумился,
Настало время — отвечай!

Объединившийся народ,
Составив опись, отберет

Тобой захваченные земли
И многочисленный твой скот.

И пастбища свои отдашь,
И твой друлесток будет наш,
Мы не желаем видеть бая
На берегах реки Беш-Тап.

Ты летовал на Кырк-Серке,
Спускаясь на зиму к реке,
Работники пасли отары —
Ты множил деньги в кошельке.

Ты жаден был Абдыракман,
Своим работникам казан
Ни разу жиром ты не смазал,
Зато душевный твой изъян
Сказался в теле, ибо мог ты
Лишь подогретый пить айран.

И власть была в твоих руках,
И бархат и шелка в тюках,
Все было — не было лишь сердца,
Не думал ты о бедняках.

Ты помнишь или позабыл,
Как я голодный и без сил,
К тебе пришел, бежав из ссылки? —
Твой род когда-то щедрым слыл.

Ты не подумал мне помочь,
Сказал: «Пошел, бродяга, прочь!»
Запомнились твои слова мне —
Я повторю их точь-в-точь.

Нешло тебе богатство впрок:
Ты мяса есть совсем не мог,
И только изредка кумыса
Ты позволял себе глоток.

Одежды из тончайших кож
Подбиты мехом, но похож
Ты в них на труп лицом и телом;
Хоть кобылиц не счесть, но все ж
Ты кроме теплого айрана
Ведь ничего не ешь, не пьешь.

Попомни, скоро твой конец —
Ведь ты страшнее, чем мертвец,
А подо мной еще походит,
Ты так и знай, твой жеребец.

Своих работников и слуг,
Рабогавших не покладая рук,
Ты обдирал — плата гроши им,
Деньгами набивал сундук.

Я повторю вновь и вновь:
Тебя уже не греет кровь,
Мои слова, как говорится,
Тебе, Абдыракман, не в бровь,
А прямо в глаз — не сомневайся,
Могилу для себя готовь.

Еще храбришься ты пока,
Мол, сила денег велика,
Еще не хочешь ты поверить,
Что власть твоя к концу близка;
Попомни слово Токтогула:
Придется дать наверхняка
Ответ за каждого тобою
Обиженного бедняка.

Для немущих свет зажег
Отец наш Ленин — пробил срок
Народной справедливой власти;
Попомни, суд наш будет строг;

Чтоб от народного возмездья
Тебя шайтан бы уберег,
Теперь, я думаю, ты душу
Ему запродал, если б мог.

Мы не грабители, как ты,
И наши помыслы чисты —
Постановление мы примем
На общем сходе бедноты.

Бумагу подписями сгод
Заверит, и приложит тот,
Кто грамоты не знает, палец;
И пастбища твои и скот
На основанье той бумаги
Коммуне передаст народ.

Гордился ты добром своим,
Нажив его трудом чужим —
Песком рассеется богатство,
И власть развеется, как дым;
Мне говорить с тобой противно,
Поеду я к себе в Арым.

Известно, что Минбая род,
Уже давно из года в год,
Кого-то из своих на должность
В управу волостную шлет;
Теперь в бедняцкие Советы
Достойных избирает сгод.

Так выбран был и Джаныбек,
И Раимкул, и Алымбек —
Могу про каждого сказать я,
Что он достойный человек.

И про избранье бедняков
Я говорю не с чьих-то слов —

Присутствовал я на собрание
И при подсчете голосов.

Ярись, кричи до хрипоты,
Но нынче, бай, бессилен ты;
Не буду тратить слов на бая —
Я буду петь для бедноты.

У Алымкула я гостил
И пел ему, и весь аил
Послушать песни Токтогула
К нему, бывало, приходил.

И слушали и стар и мал,
Юнец и мудрый аксакал —
Комуз ни разу не сфальшивил,
Язык ни разу не солгал.

Держитесь вместе бедняки —
Своим единством вы крепки;
Хотели б власть вернуть манапы,
Да нынче руки коротки.

Они нам больше не страшны —
Они страшиться нас должны;
Они не могут нас, как прежде,
Сажать в темницы без вины.

Но все-таки опасность есть:
Они на подкуп, ложь и лесть —
На все способны, лишь бы снова
В доверие к народу влезть;
Не верьте им, не забывайте:
В сердцах их злоба, в мыслях месть.

Не подавайтесь, бедняки!
На их казы и чучуки;

Не зарьтесь и не принимайте
Курут и чай из их руки.

Какой-нибудь прожженный плут,
Известный байский лизоблюд,
С три короба наобещает,
Но за сюзме и за курут
Потом три шкуры бай-манапы
С тебя безжалостно сдерут.

Посулам байским грош цена,
Нам хватит своего зерна —
Отведав байского кумыса,
Останешься без толокна.

Не верь неискренним дарам
И обольстительным словам —
Нам не пристало знаться с баем,
Не по пути с манапом нам.

ВО СЛАВУ ДОЛГОЖДАНЫХ ВСТРЕЧ САГЫНДЫМ САЛАМ БЕРМЕККЕ

Перевел М. Еремин

Во славу долгожданных встреч
Я поведу сегодня речь.
Я не единственный, конечно,
Кто может песней вас увлечь.
Какими думами живет
Белокопачный мой народ?

Никто не против, если снова
Ваш Токтогул для вас споет?
Подобно утру наше время, —
Сегодня новому почет.
Я помню зло былых времен,
Когда царил такой закон,
Что зачастую невиновный
Бывал в темницу заключен.
Меня за нелюбимый прав
Сослали, в цепи заковав,
За обличье бай-манапов
Лишили родины и прав, —
Держали сторону богатых
Все падишахи всех держав.
Пока незыблем был престол,
Чинили бай произвол,
Жирили бай, богатели,
Народ был голоден и гол,
Но сокол Ленин немущих
На бой с тиранами повел.
Ведомый Лениным народ,
Объединившись, сбросил гнет,
С престола свергнул падишаха,
А вслед за ним дошел черед
До баев, биев и манაпов,
И прочих всяческих господ.
Стрелка губительный свинец
Уже не может, наконец,
Настичь куланов, и куланы
Страх изживают из сердец.
Еще змея страшна на вид,
И угрожающе шипит,
Но прежней силы нет у баев —
Хребет змеиный перебит.
Горит заря, уходит ночь.
Тот не тулпар, кому невмочь

Победу закончить скачку, —
Пусть он уйдет с дороги прочь.
Был жаден бай, манап — жесток,
Глумился каждый, кто как мог,
Над бедняком, но мудрый Ленин
Конец бесправию предрек,
Мечты людей провидел Ленин.
Блуждал во тьме и без дорог
Народ наш, но великий Ленин
Для немущих свет зажег.
И не был бы, когда б не Ленин,
Наш путь и светел, и широк.
Все то, чему нас учит Ленин,
Успехов и побед залог.
Уже давным-давно живет
Белоколенный мой народ
В объятьях кряжей Ала-Тоо,
Но кроме тягот и невзгод
Из прошлой беспрсветной жизни
На память ничего нейдет,
Не ведал, что такое счастье,
Бесправный бедный скотовод,
И кроме власти бай-манапов,
Терпел еще и царский гнет.
На протяжении веков
У нас порядок был таков,
Что бедным жизнь была не в радость,
Но царство рабства и оков
Разрушено самим народом
Во имя счастья бедняков.
Пишпек — уездный городок
Был малочислен и убог,
Ряды приземистых домишек
Вдоль пыльных грунтовых дорог.
А ныне погляди вокруг —
На месте низеньких лачуг

Дома в три этажа и выше,
И это дело наших рук.
Пишечк как будто вновь рожден,
Немного от былых времен
Осталось в нем, а став столицей,
Стал Фрунзе называться он.
Неправде объявив войну,
Подняв народную волну,
Большевики свернули горы,
Преобразили всю страну.
Постигнет кара и позор
Того, кто смуту и раздор
Посеет в сговоре с врагами.
Что в дружбе счастье, с давних пор
Недаром говорят в народе.
С неправдою вступили в спор
И силам зла во имя счастья
Большевики дают отпор.

КАКОЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

КАНДАЙ СОНУН БАЛАЛЫК

Перевел М. Синельников

Ну как средь веселых затей
Быть радостно нынче детям?
Явилось на счастье детей
К нам новое время, пойми!
Шукуда печаль далека,
Шуми, веселись, детвора!
А в памяти у старика
Живет молодая пора.

О, нет невозвратней потерь,
Ты детство попробуй верни!
О, где мы отыщем теперь
Навек миновавшие дни?
Как вспомню я детство, друзья,
На месте нет сил устоять.
Не стал бы печалиться я,
Случись мне былое догнать!
Душа бы не ныла моя,
Коль смог бы я грамотным стать.
Гордитесь, дышите легко,
Пусть грусти не будет ни в ком.
Сегодня поет ваш Токо
О детстве счастливым таким,
Учащийся видя народ,
От счастья он слов не найдет.
Свою он оплачет мечту,
Злосчастного времени сын.
Распашаны зубы во рту,
Так старость встречает акын.

О КОЛХОЗЕ

КОЛХОЗ ЖӨНҮНДӨ

Перевел М. Еремин

Мой многочисленный народ
За счастьем выступил в поход,
Объединяется в союзы
И жизнью новою живет.
Трудился Ленин, чтобы люди,
Терпевшие нужду и гнет

Освободились от манапов
И всяческих иных господ,
От тех, чьи руки загребуци,
От тех, чей ненасытен рот.
Раз мы на этот путь вступили,
То день за днем, из года в год,
Не веря байским подпевалам,
Должны мы двинуться вперед.

На вековых своих врагов
Пошли отряды бедняков,
И слуги байские в испуге
Бежали — не сыскать следов,
И тот, кто прославлял манапов
Вдруг замолчал и был таков.

В тюрьме узнал я тяжкий груз
Железных арестантских уз,
Узнал, что побеждают люди,
Объединенные в союз,
С тех пор бедняцкие союзы
Повсюду славят мой комуз.

Союзы, крепшие в боях,
На баев навели страх,
И бедняки отвоевали
Все то, что виделось в мечтах:
И скот и земли отобрали,
И власть теперь у них в руках.

Народ не всюду и не весь
Вступил в союзы так, как здесь,
Я в разных местностях бывал
И видел земли, где доднесь
Порядки старые остались —
Народ не сбил с манапов спесь.

Я не из тех, кто жил легко,
От родины жил далеко —
В неволе стал седым, но дожил
До новой жизни ваш Токо.

Такие нынче времена,
Что отвечать за все сполна
Пришлось и байам, и манапам,
Их власть народом сметена,
У них отобрана дубинка —
Их злоба силы лишена.

Народ томился сотни лет
Во мраке горестей и бед
И вдруг увидел, что забрезжил
Дотоль невиданный рассвет,
И к новой жизни пробудился,
Заботой Ленина согрет.

В союзы объединены,
Сегодня бедняки сильные,
Все по плечу им — никакие
Манапы больше не страшны.
И власть, и пастбище, и скот,
И не на день и не на год,
А навсегда забрал у баев
Объединившийся народ.
О Ленине молва по свету
Тысячуеустая идет.

Перевел С. Фиксин

Переключка двух акынов на тое, где находилась и красавица Акбары.

А л ы м к у л:

Давайте, уважаемый Того,
Слоем о той келин розовощекой.

Т о к т о г у л:

Ой, Алымкул, ты целишь далеко,
Я понимаю все твой расчеты!
Но подожди, не очень торопись,
Чуть охладись,
Получше присмотришься.

А л ы м к у л:

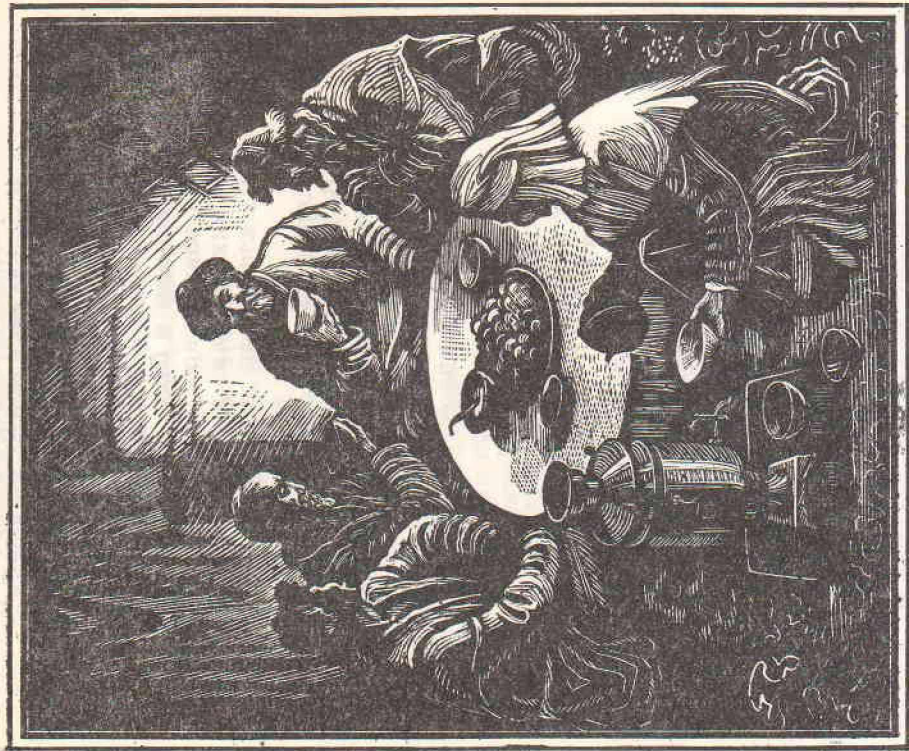
Давно смотрю — стройна и хороша,
А брови — словно след карандаша.
Я ей сегодня песню подарю!

Т о к т о г у л:

Не торопись, еще раз говорю.
Не только ею красен этот дом.
Ужель милей и краше не найдем?
Да и к тому ж, красавица пока
Не очень-то глядит на старика,
Хоть мы с тобой — у всех перед глазами.

А л ы м к у л:

Красавиц много —
Выбирайте сами

Комузу и душе своей
Под стать.

Т о к т о г у л:

Когда их много —
Трудно выбирать.

А л ы м к у л:

Достопочтенный аксакал Токо,
По сердцу выбрать сердце нелегко.
Но только я об этом не горюю —
Вот присмотрюсь — выберу другую.

Т о к т о г у л:

Не торопись,
Не остушишь спроста.
Пускай другим она и уступает,
Пускай румянец не всегда играет,
Смотри, чтоб только не была толста.
Замужняя, невеста или мать —
Для женщины всего дороже стать.
Да пусть меня, распутника седого,
И старые, и малые простят!

А л ы м к у л:

Охотник ставит свой силлок,
Когда охотится за птицею.
А вам я, кажется, помог
Найти другую, белоллицую.

Т о к т о г у л:

Пожалуй, верно: изо всех
Вон та заметней выделяется,
О ней и песню спеть не грех.
Мой друг, я знаю, постарается.
Начни, сынок, я подпою.

А л ы м к у л:

Ее бешмет, расшитый бархатом,
Дурманит голову мою.

Т о к т о г у л:

Она умом, как видно, славится,
Не отпускаяй ее, сынок!

А л ы м к у л:

А как идет к лицу красавицы
Воздушный шелковый платок!

Т о к т о г у л:

Ты не гляди на одеяние —
Одежда сердцу не нужна.
Чем глуше к нам ее внимание,
Тем громче песня быть должна.

А л ы м к у л:

Давайте ж петь, коль песня просится.
То, что искали, мы нашли.

Т о к т о г у л:

Вот жаль, что юность не воротится,
Что годы лучшие ушли.
И остановка не за песнею,
Узнай сначала, кто она.
Коль песня будет интересною,
Высокой будет и цена.

В это время прискакал всадник и шепнул акынам,
что красавицу зовут Акбары.

А л ы м к у л:

Не Акбары, а полевой цветок,
Украшивший долину благодати.

Т о к т о г у л :

Ах, Акбары, тому свидетель бог,
Тебя искал я, глядя на восток,
И вот теперь увидел на закате.
Ты — огонек для путника в горах,
Ты — грусть моей надежды безнадежной.

А л ы м к у л :

Она подобна ветке белоснежной,
Что соловья скрывает в лепестках.

Т о к т о г у л :

Ах, Акбары! Преток мой, Акбары!
Как жалко мне далекой той поры,
Когда я мог цветами любоваться,
С любым джигитом силой полагаться,
Где ты была в те годы, Акбары?!

А л ы м к у л :

Молочный шелк
С ее струится плеч.
Свести с ума она любого может.
Смотри, как блещет хром ее сапожек!
А эти кольца могут степь зажечь!
Ее краса напоминает мне
Плывущую по озеру лебедку.

Т о к т о г у л :

Скажи,
Какой же ты была, молодка,
Когда сейчас милей других вдвойне?
Не прайть лица, ты видишь не юнца,
Мое давно уж отшумело лето!

А л ы м к у л :

Слепят глаза мне кольца и браслеты.

Т о к т о г у л :

А я вот слепну от ее лица —
И этого никто не замечает.
А взгляд красавиц — на тебе одном.

А л ы м к у л :

Одну ее мы с вами величаем,
А почему о муже не споем?

Т о к т о г у л :

Ах, озорник! Поди, разведай, плут,
Пускай узнают — как его зовут.

В это время снова прискакал всадник и шепнул
акынам, что мужа ее зовут Самсалы.

А л ы м к у л :

Он прямо к жей идет, герой-героюем.
Высок и статен, и пригож с лица.
Споем же песню сразу им обоим.

Т о к т о г у л :

Да, не ошиблась выбрать молодца!
Знать, Акбары глядела со скалы,
Коль на земле нашла завидный жребий
И назвалась женою Самсалы.

А л ы м к у л :

Нер, Самсалы глядел с крутой горы,
Коль на земле заметил этот жемчуг
И стал достойным сердца Акбары.
Да и к тому ж
Охотник ловкий он,
Коль птица рая не ушла из сети.

Т о к т о г у л :

Вот так, джигиты, выбирайте жен
И будете
Счастливей всех на свете!

ЖИЗНЬ ОТЦВЕЛА

КУЛУН ЖАШ ОТУП ЭСКИРЕТ

Перевел В. Шолохов

Солнце встает — и к закату спешит.
Годы цветущие время крушит.
«Юность прошла, жизнь отцвела», —
Горестно человек проронит.

Восходит луна — и скрыться спешит.
Юную душу время крушит.
«В воспоминаниях стареет душа», —
Горестно человек проронит.

На склоне тополь зазеленел
Юной кроною, нежной листвой —
Безусым я был, отчаян и смел,
А теперь состарился, поседел,
Скучно девушкам нынче со мной.

На вершине тополь пламенел
Сильной кроной, густою листвой —
Пышноусым я был, бесстрашьем гремел,
А теперь состарился, поседел,
Пусто женщинам нынче со мной.

СТАРСТЬ

КАРЫЛЫК

Перевел С. Липкин

Это время, когда я стал
Клячи угольщика дряхлей.
Это время, когда я стал
На исходе жизни моей
Мухобойкой из конских волос.
Много в жизни я перенес,
Стал я грузен, я в сединах весь,
Будто лошадь, что тянет арбу.
Как не жаловаться на судьбу!

Старость, старость... Придет ворча,
Добрых слов не скажет она,
Искалечит тебя без меча,
Без веревки свяжет она.

Были зубы твои, как рис, —
Их во рту не оставит она.
Ты удара ее страшись:
Не жалея, раздавит она.

Соловьем звенел твой язык, —
Языка тебя старость лишит.

За годами твоими, старик,
Словно овод, она спешит.
Ты состарился, Токтогул,
Побелела твоя борода,
Ты о молодости вздохнул,—
Не вернется она никогда,
Улетели детства года,
Как орла быстройкрылый пленец.
Ты состарился, бедный певец,
Старость, силу твою погубя,
Отстранила от жизни тебя.

Тело дрябло, руки висят.
Обесилел ты в шестьдесят.
Как бы страстно ты ни желал,
Не вернется юность назад.

Был твой облик граната красней,—
Он поблек от печали твоей.
Отстранила старость тебя
И от дома и от людей.

До меня тайком добралась,
Отняла она зоркость у глаз,
Все, что в жизни я испытал,
В старом сердце теснится сейчас.

Искривлен мой стан, как дуга,
Где вы, зубы мои — жемчуга?
Мой язык шепелявит с тех пор,
Как разрушен зубчатый забор.

— Скоро ль наш Токо запоет? —
Ждал меня всегда мой народ.
А теперь в душе у меня
Нет, увы, былого огня.

Где-то жизнь осталась моя,
А со мной — усталость моя.
Я б к народу вышел, запел,
Да противится старость моя.
Борода моя — как молоко...
— Где же наш акын, наш Токо? —
Говорил обо мне народ...
Ваш акын скорбит глубоко!

Пусть годами я убелен
И схожу я с горы под уклон,—
Для народа еще я пою,
Я народом своим вдохновлен.

А когда-то был я не стар,
Возвышался, как стройный чинар,
Видел девушек перед собой,
Окружен их нарядной гурьбой.

Ярким светочем был я тогда,
В темноте вечерней светил,
Соловьём я звенел в те года,
Жадно пил из источника сил.

* * *

А теперь, если ясно взгляну,
Стал подобен я, Токтогул,
Одряхлевшему скакуну.
Время молодости прошло,
Силу прежнюю не верну.

Нет не только вокруг меня
Молодцы, что светлее дня,
И девыц, что зари нежней,—
Рядом нет и старухи моей!

Ты согнула спину мою,
Где же стан мой высокий, старость?
Вот я весь в морщинах стою,—
Где упругие щеки, старость?

Ты пришла на мою беду,
Ты мне мстишь, бесстыжая старость.
Я на ощупь отыне бреду,
Ничего не вижу я, старость.

Я не ждал, что старость возьмет
Даже слов моих сладкий мед,—
Низок нрав твой проклятый, старость!
Все взяла ты,— в конце концов
И меня отняла ты, старость!

Ты у старца слух отняла,
Чтоб друзей не слышал он, старость.
Дом, что молодость возвела,
Ты пришла — разрушила, старость!

* * *

Так приходится в семьдесят лет
Горевать, что гаснет мой свет.
Осыпаясь я, дряхлый, седой,
Как сыпучий берег крутой.

Жил я юные годы в нужде,
Не видал я счастья нигде.
Скорбный мир, ты меня обманул,
Дал прожить мне семьдесят лет!

Бедный, старый певец Токтогул,
Не тоскуй о том, чего нет,
Милой жизни светоч погас,
Только раз прцветет, только раз
Нашей юности вольный цвет!

Пусть комуз, как прежде, поет,
Пусть звенит, как прежде, припев,—
Ты почувствовал, ослабев,
Что покинешь ты свой народ.

Не вернется юность твоя,
Не проснется душа соловья.
У тебя ныне чалая масть,
Ты утратил над временем власть.

ЖИЗНЬ

ӨМҮР

Перевел С. Липкин

Если б конь да не слабел,
Если б юный не старел,
Если б всем живым досталась
Жизнь хорошая в удел!

Если б красный цвет не блек,
Если б вечно цвел цветок,
Если б вечно стан подруги
Был и строен и высок!

Если б не линял атлас,
Если б смерть боялась нас,
Если б людям стал неведом
Похорон печальный час!

Если б травам не скудеть,
Если б взорам не тускнеть,

Если б девушкам румяным
От заботы не желтеть!

Не стареть бы, а цвести
После двадцати пяти!
Если б собственной рукою
Мир прекрасный возвести!

Если б счастлив был народ,
Если б не было сирот,
Если б знать, что мы бессмертны:
Кто хорош, тот не умрет!

В детстве полон мир услад.
Ты цветешь, и ты крылат.
Из могилы к дивной жизни
Не вернешься ты назад.

Конь, — утратишь быстроту,
Меч, — утратишь остроту,
Не вернешь себе ты снова
Этой жизни красоту.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЕСНЯ ТОКТОГУЛА

ТОКТОГУЛДУН ӨЛҮМ АЛДЫНДА
ЫРДАГАНЫ

Перевел С. Липкин

Пусть маленький мой язык говорит,
Пусть не только маленький мой язык, —
Пусть голос мой — спутник его — прозвучит.

Когда ваш любимый Токо замолчит,
Кто вспомнит его, кто могилу его,
Красивой поросшую, навестит?
Ладно, пускай ваш Токо умрет,
Но пусть процветает свободный народ!

Пусть красноречивый язык говорит.
Пусть не только красноречивый язык, —
Пусть голос мой — плетка его — засвистит.
Когда ваш любимый Токо замолчит,
Кто, с дороги свернув, могилу его,
Красивой поросшую, навестит?
Ладно, покину я свой народ, —
Но пусть моя родина вечно цветет!

Пусть sereneкий соловей запоет.
Пусть не только язык его говорит, —
Пусть кровью сердце его изойдет.
Когда ваш любимый Токо умрет,
Кто вспомнит sereneкого соловья,
Кто к серой могиле его придет?
Ладно, прощайте, друзья и родня!
Но пусть мой народ расцветет без меня!

КЕДЕЙ-ХАН

КЕДЕЙКАН

о молодых годах КЕДЕЯ

Перевел А. Тарковский

Однажды в стародавние времена случилось так, что голод охватил киргизскую землю.

— Мы доим березу, — говорили бедняки.

Реки пересохли. Скот падал, не находя воды. Киргизы, в поисках счастья, покидали родные аилы и уходили бродяжничать, претерпевая голод, жажду и зной.

Подобно многим другим, братья Курама и Сары покинули родимый аил и побрели в Туркмению. Но и там счастье не улыbnулось им: Сары умер от голода.

Курама, знавший много ремесел, провел среди туркмен два года, но в начале третьего и он умер в чужом краю, оставив вдову.

Она родила сына и дала ему имя: Керез. Исполнилось Керезу три года, и его мать умерла. Выпали на долю сироты великие страдания, не было у него ни одежды, ни сапог, был он всегда голоден, в холод дрожал у негостеприимных юрт.

И люди забыли его имя — Керез, и назвали его — Кедей, что значит «бедняк».

В те времена голодали не только киргизы, — туркмены также забывали вкус мяса и молока. Кедей напрасно искал себе пропитания, и некуда ему было скрыться летом от жары, зимой — от холода.

Однажды он услышал, что есть на свете некий муэдзин, славящийся добротой и справедливым отношением к беднякам.

Ослабевший в дороге, еле державшийся на ногах, Кедей пришел к нему за милостыней. Муэдзин скал ему:

— У меня нет ничего, что я мог бы тебе дать; но я дал бы, если бы имел хоть что-нибудь. Я — бедный муэдзин, и зовут меня Саалы. У меня нет ни одной медной монеты, и я живу подобно многим другим. Но я могу дать тебе, мой сын, добрый совет: отправляйся к богатой старухе Гульсаане, воспитательнице сирот.

Она любит бедняков, одевает их и дает им приют. Так она вырастила уже нескольких. Она слышет богатой, у нее много скота. Иди к ней и скажи, что ты сирота, проси тепла, проливая горючие слезы. Кроме Гуль-

сааны, кто приютит тебя и даст тебе отведать того, что ест сам?

Кедей разыскал старуху Гульсаану, и, ничего не говоря ей, тотчас же взялся за работу: собрал кизяк, принес воды и разжег огонь. И старуха не прогнала его, не спросила, кто он и откуда. Было ему тогда десять лет, он же трудился, как взрослый. И это понравилось Гульсаане. «Если я расскажу ей все, что знаю о себе, — подумал Кедей, — она, может быть, не прогонит меня, а если прогонит, то, наверное, даст прощанье на день».

Он подошел к Гульсаане, прижал руки к груди и сказал:

«О моя дорогая мать!
Я прохладой стану твоей.
Не вели сироте опять
Ждать добра от других людей.
Я трудиться буду всегда,
С верным сыном и жизнь легка.
Иль не тучны твои стада?
Оскудела ль твоя рука?
Даже ногти щедрых людей
Надо золотом называть.
Если ты мне откажешь, мать,
Совесть будет тебя терзать.
Голодает нищий Кедей,
Позабыл о пище Кедей,
Где найдет жилище Кедей?
Ты одна среди богатей
И приветлива и добра,
Не гони от своих очей,
Не гони меня со двора.
Ты поставь мне твой жирный плов,
Предоставь мне твой мирный кров, —
Мне иного приюта нет,
Больше я терпеть не могу.

Оклеветет меня сосед, —
Плюнь в глаза ему, как врагу.
Я блуждал, как ветер степной,
Истерзала меня беда;
Что ты скажешь, если с тобой
Сын останется навсегда?
Приласкай, как родная мать,
Истомленного сироту.
Буду я тебя охранять
И беречь, когда подрасту.
Если я не умру сейчас,
Даже смерть не разлучит нас.
Ты сама не рожала, мать,
Ты должна приемыша взять.
Три-четыре года пройдет, —
Если буду жив и здоров,
Я смогу заработать скот,
Лучший скот четырех родов.
Где мне скрывается? Я — сирота.
Ты — вдовица, я — сирота.
Горек, горек нищенский путь,
Ни постели, ни камелька.
Покровительницею будь
Беспиротного бедняка!»

И старуха Гульсаана пожалела Кедея и задумалась, не зная, как ей поступить: взять приемыша или предоставить его судьбе. Нескольких сирот она уже подпускала к своему сердцу, и всегда они приносили ей горе.

А Кедей стоял перед ней, плача.

«Если я откажу ему, — подумала Гульсаана, — то всю остальную жизнь я буду жалеть об этом». И она решила взять еще одного приемыша и сделать его опорой своей старости.

И сказала так:

«Я стара, я скоро умру,
Я вскормила многих сирот;
Вновь приемыша я беру,
Вновь тревога меня гнетет.
Я боюсь, что услышу ложь
Из твоих равнодушных уст;
Для меня, если ты уйдешь,
Станет мир безлюден и пуст.
Я боюсь, что в мой года
Побирушкою побреду:
Мне воспитанники всегда
Приносили одну беду.
Ни один не хотел сказать:
«Я кормить тебя буду, мать».
Я устала счастья искать,
Но к нему я тянусь опять,
Как тебя, я встречала их,
Веря им в доброту своей,
Принимала детей дурных
И любила, как сыновей.
Не любили они меня,
Часто били они меня.
Я бранила их иногда,
Часто слыша их злую речь.
Дух мой жалок, земля тверда,
Телу страшно в могилу лечь.
Будет жаль мне забот моих,
Если ты в далекой стране,
По примеру многих других,
Не подумаешь обо мне.
Если, мальчик, ты сердцем слеп,
Недовольна буду тобой.
Оставься и ешь мой хлеб,
Не приемыш, а сын родной.
Будь покорен мне: поклонись
Смерти здесь дожидаться моей.

Смело в юрту входи, Кедей,
С материнским кровом сроднись.
Если ты полюбишь как мать
Воспитательницу свою,
Будешь всюду припоминать
Те советы, что я даю,
Шубу я для тебя сошью,—
Милым сыном войди в мой дом!
И по краю шубу твою
Я кунцею обошью:
Будь доволен моим теплом
И собольим воротником.

Сын любимый, вечерний свет,
Сколько ласк накопила мать!
Я тебя сохранию от бед
И не дам тебе голодать.
Расцветешь ты светлее дня
Под охраной любви моей,—
Пусть покинет сила меня:
Обопрусь о тебя, Кедей.
Будь со мною. Мой час пробьют,—
В полотно меня облачи,
А потом — ищи свой народ
И далеких родных ищи.
Никогда обид и скорбей
От меня, Кедей, не таи.
Мальчик маленький, будь добрей,
Чем другие дети мои!»

Сирота Кедей обрадовался ответу Гульсааны, обнял ее и расплакался. Он никогда не слышал таких теплых слов и никогда не испытывал такого счастья. И тогда сыновняя любовь заставила его сердце биться сильнее; и он произнес следующее:

«Говоря со мною, никто
Слов podobных не произнес,
К очагу зимою никто
Не позвал переждать мороз,
Люди злобно били меня,
На ветру знобили, браня,
И корили меня, знобя.
Кто на свете, кроме тебя,
Мне захочет помочь в беде?
У меня родителей нет,
Я бродяжничал с малых лет,
Я искал приюта везде,
Всюду милостыню просил,
Крохи жалкие собирал.
И сюда я пришел без сил,
И слова твое услышал;
И запали в душу мою
И слова твои и дела:
Я, дивясь, пред тобой стою, —
Точно матушка ожила.
Я послушным буду всегда,
Прямодушным буду всегда,
Звать прохладу к тебе в жару
Летом душным буду всегда;
Буду я стелить ввечеру
Золотую твою постель,
Пуховую твою постель, —
Никуда не уйду отсель.
Проживем до смерти вдвоем.
Буду, матушка, на руках
Я носить тебя, а потом
Схороню твой священный прах
Не в земле, а в сердце своем.
Если я забуду тепло
Материнских твоих забот,
Если мной завладеет зло

И дорогой лжи поведет,
Если я позабуду соль,
Что из рук материнских ем, —
Пусть мне душу пронижет боль,
Пусть я стану и глух, и нем,
Пусть меня, как тысяча стрел,
Поразит проклятье твое,
Чтобы я кизяком сгорел
И сгорело мое жильё.
Если ж матери будет жаль
У преступника жизнь отнять, —
Ты нашли на меня печаль,
Одиноким сделай опять,
Испытай меня, и тогда,
Сердцем радуясь, ты поймешь,
Как сыновья любовь тверда,
Как последний твой сын хорош».

Кедей остался у Гульсааны, тронув ее просьбами и слезами. Она любила его, как родного сына, хорошо кормила и тепло одевала. Кедей, окруженный нежными материнскими заботами, провел свое детство и возмужал, почитая и любя Гульсаану, как родную мать.

И стал Кедей ловким разбойником, грозой баев и беков, и всюду ему сопутствовала удача, и все набегу оканчивались благополучно, и слух о нем облетел всю туркменскую землю. А старуха Гульсаана, подолгу остававшаяся в одиночестве, бранила Кедея при встречах.

И Кедей избрал четверых
Молодцов из своих друзей.
Стал Кедей конюшником их,
Главарем четверых друзей.
Разъезжают они верхом;
Кони рвут, грызут удила, —

И друзья, всегда влягером,
Удалые вершат дела.
Вот Кедей на разведку шлет
Чепырех своих удальцов;
Озаряется небосвод,
День сойти на землю готов, —
Вылетает Кедей вперед,
За рога хватает быков.
Где разбойники? След пропал.
Плачет бай и горюет бек,
Совершает Кедей, удал,
За набегом новый набег.
Гневом яростным обуян,
Подведя злодеяньям счет,
Раздраженный туркменский хан
Призывает к себе народ.
«Кто вас грабит?» — он говорит.
Отвечает толпа людей:
«Есть на свете один джигит,
Называют его: Кедей.
Слишком яростен нож его,
Слишком жаден его аркан;
Послеши уничтожить его,
Или нас уничтожь, о хан!»
Внемлет хан голосам обид,
Хан испуган, и потому
Сорока джигитам велит
Привести Кедея к нему:
«Коль от вас он уйдет живьем, —
Я на бабю ваши рты тряпьем,
Я на углях вас буду жечь,
Я сниму вам головы с плеч!»
Стали сорок джигитов в ряд,
И поклоняся каждый джигит,
Что Кедея заполонит, —
Жив он будет или убит.

Тут же двинулся в путь отряд,
Пыль взлетела из-под копыт.

Но четверо товарищей Кедея были среди людей, с которыми говорил хан. Выбравшись из толпы, они поспешили к своему главарю и рассказали ему обо всем, чему только что были свидетелями. Кедей от- ветил им:

«Коротка у хана рука,
Конь мой быстр ему на беду.
Я не только от сорока,
От восьмидесяти уйду».
Умоляют его друзья,
Говорят ему вчетвером:
«Оставаться тебе нельзя,
Не уйдешь от хана живьем.
Своеволье свое кляни,
Если ты останешься тут,
Руки свяжут тебе они
И на казнь тебя поведут».
И друзей пожалел Кедей,
Потому что их мучил страх.
Оседлали они коней,
И укрылся Кедей в горах, —
Под обрывом, встречая там
Ранний свет и позднюю тьму.
И товарищи по ночам
Приносили еду ему.
Весь Туркменистан обыскать
Сорока джигитам пришлось,
Степь и горы обшарить врозь
И ни с кем возвращаться вспять.
В их сердца запала тоска.
И тогда они говорят:
«Вор Кедей один виноват
В том, что гибнет жизнь сорока.

Родились в сорока местах,
А в одном все вместе умрем,
И сидеть на наших костях
Беркутам степным с вороньем».

И со слезами на глазах, попросившись навсегда
друг с другом, они продолжили путь.

Вскоре им повстречался муэдзин Саалы, и сорок
джигитов обратились к нему со следующими словами:

«Ты в молитвах проводишь век,
Воплощенье святости ты,
Саалы, святой человек,
Помоги уйти от беды!

«Созывайте, — ведел нам хан, —
Всех — и старых и молодых!»
И пришел, кто был нами зван,
Говорил с богачами хан,
Внемля горьким жалобам их.

Все Кедея винили в том,
Что расстались из-за него
Со своей казной и добром
И остались без ничего.

Хану жаловался один:
«У меня он коня украл,
Подлой матери подлый сын».

Хану жаловался другой:
«Он быка у меня украл».
Третий крикнул:

«Проклятый вор
Отнял золото и покой;
Я не сплю по ночам с тех пор,
Обездолен его рукой».

«Стали меньше мой стада.
Где Кедей?» — четвертый сказал.
Нас, джигитов своих, тогда
Хан жестокой клятвой связал.

Жалкой жизнью мы дорожим
И должны Кедея найти,
Чтобы к хану вернуться с ним.
Были долги наши пути.

Мы искали ночью и днем,
По дорогам даже детей
Мы спрашивали о нем,
Но никто не знал, где Кедей.

Вор Кедей один виноват
В том, что гибнет жизнь сорока.
Он скрывается, зол и рад.
А джигитов томит тоска.

Муэдзин, помоги в беде!
Мы его искали везде,
Мы не знаем пути его,
Помоги нам найти его!»

А на лица их белый мел
Наложил смерть, как печать.
Саалы на них поглядел,
Но пока продолжал молчать.

«Муэдзин, — сказали они, —
Дай совет. Мы скоро умрем.
Мы окончим земные дни,
Опозорены топором.

Смерть и жизнь во власти твоей:
Нашим душам верни покой,
Укажи нам своей рукой,
Где скрывается вор Кедей;

И за то загробным судом
Ты не будешь строго судим, —
Мы печаль, точно воду, пьем,
Умираем, а жить хотим.

Саалы, святой человек,
Ты мудрее многих людей,
Не забудем тебя вовек,
Если скажешь нам, где Кедей!»

Саалы отвечает им:

«Если в прошлое взгляну,
С ним, оборванным и босым,
Вспоминаю встречу одну.
Я приюг ему на ночь дал,
Он ушел, чуть блеснул рассвет.
Был он голоден, слаб и мал.
Я не знаю, жив он или нет, —
Голод в нашей был стороне,
К доброй сердцем Гульсаане,
Не имевшей своих детей,
Горемычный ушел Кедей,
Чтобы спать под крылом ее
Сыном или рабом ее.

Уходили годы во тьму,
Нарастали дни, как бархан.
А теперь и вам и ему
Угрожает расправой хан.

Никогда туркмен не солжет:
Уж таков туркменский народ.
Жаль мне ваших детей, друзья,
Жаль седых матерей, друзья,
Правду я вам одну скажу:
Нужно Гульсаану, скажу,
Отыскать вам скорей, друзья,
Не знакома ей ницета,
Много есть у нее скота;
Всякий, кто устает в пути,
Может в юрту ее войти.
Почитая своих гостей,
Встретит вас, как друзей, она.
Вы, джигиты, ступайте к ней.
Вам поможет Гульсаана.
Задавайте вопросы ей
Осторожней и похитрей,
Потому что Гульсаана

И догадлива и умна.
Если будет она тверда,
Не укажет его следа,
Вы свяжите ее тогда,
Назовите ее тогда
Соучастницей в грабеже.
Пусть ей суд учинит допрос.
Смерть в глаза вам глядит уже,
Вам ли дело до вдовьих слез?»
И, найдя вдову на заре,
Утомленные и в пыли,
Два джигита в юрту вошли,
А другие ждут во дворе.

Гульсаана недоверчиво слушала почитательные речи джигитов. Когда же, как им показалось, они вошли в доверие к матери Кедея, два джигита сказали ей:

«Без Кедея и день темней,
Ибо славен везде Кедей.
Мы хотим повидаться с ним,
Укажите нам, где Кедей.
Если ныне в беде Кедей,
Стать друзьями его хотим.
Мы бывали здесь много раз,
Заезжали сюда верхом,
Но боясь потревожить вас,
Не расспрашивали о нем.
Верьте нам, — мы умрем скорей,
Чем Кедею зло причиним.
Мы такие ж, как ваш Кедей,
Мы пришли с желаньем одним:
Вечно быть среди его друзей,
Вам порукою наша честь,
Верность сердца и сила рук...

На земле у каждого есть
Хитрый недруг и добрый друг.
Наша дружба — Кедею — щит;
У него немало врагов,
Сорок нас, и каждый джигит
Жизнь отдать за него готов.
Встать стеной вокруг него хотим, —
Бог да будет свидетель нам, —
С вами ныне мы говорим,
Как пристало прямым друзьям».

Гульсаана, недоверчиво глядя в глаза джигитам,
ответила так:

«Вы хотите, дети мои,
Чтобы я Кедею нашла.
Поглядите, дети мои:
Вся моя голова бела,
Я стара, я не стану лгать,
Ложь — позор для моих седин.
Горе, горе! Не знает мать,
Где ее возлюбленный сын.
Для чего ж вы пришли ко мне?
Слушать вас было дико мне.
Что я знаю? Пока дышу,
Против правды не погрешу,
Я неправды боюсь, как огня;
Мне ведь семьдесят лет уже,
Мужа смерть взяла у меня,
Сорок лет его нет уже.
Для меня чёрен свет с тех пор.
Много знала я бед с тех пор,
Порицал не один жених
Мой печальный вдовый удел.
Время шло, но никто из них
Обмануть меня не сумел.

И дурных и хороших — всех
Я отвергла. Как много дней
Мне мерещился звонкий смех
Нерожденных мною детей!
В мире светлом и жизнь светла, —
Но безрадостно я жила;
Материнства сладостный гнет
Я влачила только во сне.
Издалека в голодный год
Нищий мальчик пришел ко мне.
Я сняла суму нищеты
С плеч бездомного сироты,
Я пустила его к себе,
Я кормила его, скорбя
Вместе с ним о его судьбе,
И за это виню себя.
Он сиротствовал десять лет,
Десять лет он живет со мной;
Как я плачу во тьме ночной,
Если дома Кедея нет!
Сын родной утешал бы мать,
А с приемным случилось так,
Что меня он стал обижать,
Словно я ему злейший враг.
Он забыл, что мною любим,
Что, когда он был слаб и мал,
Я, как лань, склонялась над ним,
Что в заботах о нем догла
Я остаток силы сожгла;
Мир для взоров моих померк:
Мать возлюбленный сын отверг
Места в сердце его скупом
Не найти до могилы мне.
Не расстрашивайте о нем, —
Внемля вам, я скорблю вдвойне,
Редко сходит Кедей с коня,

Редко хочет видеть меня.
Помогала я беднякам,
Заходившим в юрту мою,
А теперь я по целым дням
В одиночестве слезы лью.
На краю аила живу,
Избегают люди меня,
Укоряют сыном вдову,
За глаза Кедея браня.
Я не прячу от вас его:
Был вчера и ушел отсель,
Я смеющихся глаз его
Не увижу много недель».

Джигиты выслушали ответ Гутьсааны и, посоветовавшись со своими товарищами, ожидавшими их во дворе, связали ей руки, чтобы вести ее к хану. Старуха была очень испугана: голова ее опустилась на грудь, сердце стеснилось, и слезы замутили ее взор. Она говорила:

«О, джигиты! Несвинна я!
Нет, не сына любила я,
И вспоила не сына я,
И не сына вскормила я:
Я растила беду себе.
Где могилу найду себе?»

Так, связанная по рукам, она шла, потеряв надежду на жизнь.
По дороге джигитов встретил один из визирей хана и спросил их: — Куда вы ведете эту старуху?
И джигиты ответили ему: — Это мать Кедея, визирь. Мы пришли к ней, чтобы она выдала нам сына, а это безумная не захотела поступить так. Кедея мы искали повсюду и не нашли; мы ведем ее к хану, надеясь, что он пощадит нас.

— Я попрошу хана сохранить вашу жизнь, — сказал визирь. — Развяжите ей руки, возвратитесь в ее аил, разберите ее юрту, угоните ее скот, увезите ее везици, ибо имущество этой старухи следует возвратить людям, разоренным ее сыном; тогда она сама приведет его.

И джигиты повернули обратно, а Гутьсаана бежала за ними, ломая руки, плача и слотыкаясь. И она осталась на голой земле.

Когда вести об этом дошли до Кедея, его сердце дрогнуло и загорелось, и он пришел со своими товарищами к матери.

Когда он предстал перед Гутьсааной, она, рыдая, сказала ему:

«В чем виновата я перед тобой?»

Посмотри, я разорена.

Ненавидевшая разбой,

Я была пред людьми честна.

Почему я перед судьбой

Отвечать за тебя должна?

Ты заботы мои забыл,

На меня накликал беду,

Так умри же в расцвете сил

На пятидесятом году.

А пока не настал твой срок,

Ни на миг покоя не знай,

Будь несчастен и одинок

И скитайся из края в край,

У меня был хороший скот,

Я души не чаяла в нем,

Но меня обездолил тот,

Кто считает тебя врагом.

Сердцу мнилось: ты — сын родной,

А теперь ты мне враг, мой сын,

Ты обманщик. Рожденный мной

Поступил бы не так, мой сын,
Нет, Кедей, у меня родни,
Спит в могилах моя родня;
Нищей кончу земные дни,
Кто зароет в землю меня?
Жизнь мою, так тонкую нить,
Обрываешь ты, мой Кедей,
Мать голодной собакой быть
Заставляешь ты, мой Кедей.
Я имущества лишена:
Скарб мой взяли, угнали скот;
Я могущества лишена,
Я была вольна и сильна,
Я вдовица, а не жена,
Никому не была должна,
А теперь слаба и бедна,
Пусть же горе меня добьет!
Ты, избавившийся от вшей,
Материнских не стоишь слез,
Обогретый в юрте моей,
Ты солгал мне, едва подрост.
Ты хорошим сыном не стал,
Мать толкнул на путь нищеты,
Сердце матери растоптал
И, как прежде, спокоен ты,—
Лучше было б мне умереть,
Чем в глаза твой посмотреть.
Взяли все богатство мое,
Хоть оставили бы жилье,
На меня бы в юрте пустой
Снизшел последний покой.
Я слаба, мой сын, как трава,
Я седа, мой сын, как сова,
Посмотри: я дышу едва». —
И она умолкла, и ей
Поклонился в ноги Кедей:

«Я покину эти края.
Черных дней пройдет череда;
Ты несчастной, о мать моя,
Не останешься навсегда.
Верным сыном буду вовек,
Хоть и вправду я плут и вор,
Хоть и вправду ловкий набег
Веселит меня до сих пор.
Но не граблю я бедняков,
Потому что я сам Кедей,
Я щажу одиноких вдов,
Потому что мне люб твой кров,—
Граблю беков и богачей,
Всех приспешников хана, всех,
Кто его целует в плечо.
Я еще услышу твой смех.
Ты узнаешь меня еще...»
И затихла Гульсаана,
И одна осталась она.

А Кедей пришел к своим товарищам, ожидавшим
его, и сказал им:

«Будь же проклят ханский визирь,
Обездоливший мать мою.
Будь же проклят ханский визирь,
Я клянусь, что его убью.
Будь же проклят жестокий хан,
Кровь его да хлынет рекой,
Да падет он от жгучих ран,
Нанесенных гневной рукой.
Мне отныне чужда боязнь,—
Уничтожив своих врагов,
Буду я на любую казнь,
На любую гибель готов.
Хан умрет, и визирь умрет,—
Будет счастлив простой народ».

И друзьям он руки пожал,
Распрямил могучую грудь,
Под халагом спрятал кинжал
И немедля двинулся в путь.
И, внимая словам его,
Восхвалили его друзья
И пошли по следам его,
В полупночной тени скользя.
И, сжимая кинжал в руках,
Он охранника оттолкнул,
Он убил визиря в потьмах
И горячей крови глотнул.

Он глотнул горячей крови визиря и вышел вон.
Вслед за ним выбежали визиревы джигиты и повалили
Кедея на землю, и долго били его. Решив утром от-
вести его к хану, они швырнули Кедея в темный коло-
дец и поставили у колодца стражу.

А четверо товарищей Кедея, прячась в ночной те-
ни, приблизились к колодцу и услышали, что джигит,
стоящий на страже, говорит сам с собою:

«Вот пленен, наконец, Кедей,
Радость многих сердец — Кедей,
Величайший храбрец Кедей.
Недвижим, как мертвец, Кедей.
А среди остальных людей,
Точно волк среди овец, Кедей.
Били двадцать пять человек
Удальца, сколько было сил,
Не смежил он кровавых век
И руками глаз не прикрыл.
Не стонал он, кровоточа,
А кричал, что еще придет,
Чтобы нас изрубить с плеча,
Как играючи, рубят скот».

Товарищи Кедея, прослушав эти слова, подошли к
джигиту, караулящему пленника, и сказали ему:

«По годам ты — ровесник наш,
Помоги нам, Кедеев страж!
Погубает наш старший брат,
Потому что он всех добрей,—
Пусть пред ханом он виноват,
Перед бедными прав Кедей,
Он великодушен и смел,
Сердце льва у него в груди,
И немало великих дел
У него еще впереди.
Если будет Кедей в живых,
То захватит он ханский трон,
Возвеличит друзей своих,
И тебя не забудет он.
А теперь Кедей полонен,
Скоро будет Кедей казнен.
Смерть стоит на пути его,
Смерть в крови и в кости его,
Развяжи, отпусти его!
Он за мать свою отомстил,—
Кто же в двадцать лет не горяч,
И кому бы ты сам простил
Разоренной матери плач?
Помоги теперь храбрцу,
Мощь его стократ возрастет,
По земле от певца к певцу
О Кедее слава пойдет.
Снизойди же к нашей мольбе:
Он был светом для наших глаз.
Наши души вручим тебе,
Если ты пожалеешь нас.
Днем и ночью, нищий джигит,
Ты скучаешь на страже тут,

Никогда не бываешь сыт, —
Мало платят тебе за труд.
Разве это такая жизнь,
Что душа твоя рада жить?
Храбречу возвращая жизнь,
Ты узнаешь, как надо жить.
Завтра люди придут за ним.
Хан жесток, а земля тверда.
Только помни: услуга злым
Не прощается никогда.
Сто кинжалов натежит мести,
И тебе их направим в грудь.
У тебя еще время есть
Руки помощи протянуть.
Если ночь он здесь проведет,
Всем деаньям его конец.
Чем помянет его народ?
Что расскажет о нем певец?
Кто его несчастную мать
Похоронит в земле сырой,
Если смелой руки пожать
Ты не хочешь слабой рукой?
Помоги, если рук твоих
Не связала подлая дрожь.
В нас найдешь верных слуг твоих,
А в Кедее — друга найдешь.
Не гаси же огонь его,
Потому что он справедлив,
Будет щедрой ладонь его,
Если не останется жив.
Пусть же клятва нас породнит,
Как велит обычай, с тобой;
Честно мы делиться, джигит,
Будем всей добычей с тобой.
Столько сможем скота угнать,
Что его и не перечесть.

Нас, считая Кедея, пять,
А с тобою нас будет шесть».

И джигит, стоявший на страже у колодца, согласился освободить Кедея и вместе с ним и с его друзьями жить вольной разбойничьей жизнью.

Один из товарищей Кедея спустился на аркане караульщика в колодец и выбрался оттуда после того, как пленник был освобожден.

Они поклялись друг другу в верности круговой клятвой и бежали, унося Кедея на руках.

Вскоре они пришли к Гульсаане, Кедей обнял свою мать и, прощаясь с нею и своими товарищами, сказал:

«Ты спасла меня, сироту,
От костлявых рук нищеты,
За великую доброту
Рай господень увидишь ты.
Покидаю милый приют,
Где возрос я, как сын родной,
И, быть может, меня убьют
Посреди дороги степной.
Для того ли старческих сил
Не щадила ты никогда,
Чтобы я непослушен был
И сломила тебя нужда?
Я не стоил твоих щедрот;
Мой удел — бродить по степям:
Хан моей погибели ждет,
Смерть идет по моим стопам.
Я затравлен, как дикий зверь,
Больше нет мне пути назад,
Если буду пойман теперь,
Страшной казнью меня казнят.
Был я молод, горяч и смел,
И в народе славят меня,

Я кинжалом играть умел,
И визири травят меня.
Пожелайте, друзья и мать,
Чтобы я остался в живых
И на то, чтоб меня терзать,
Не нашлось бы ножей кривых.
Я — слабейший в борьбе, друзья,
Но нельзя сдаваться врагу.
Больше места себе, друзья,
На земле найти не могу.
Если я попадусь живым
И со мною будете вы,
То и вам тогда, четверым,
Не сносить своей головы.
Всем нам будет один конец:
Закует в железо кузнец
Вас, друзья, со мной заодно,
И в колодец мы упадем,
Обвиняемые в одном,
Впятером на смрадное дно.
Разве мало смелых голов
Побывало под топором,
Мало ль доблестных бедняков
Перевешано палачом?
Хан за несколько дерзких слов
Зарывает людей живьем,
Пусть безумный пощады ждет
От того, кто, расвирепев,
На сиротствующий народ
Низвергает подобный гнев.
Не бывало черней души,
Чем у хана и курбаши.
Попрощайся же с сыном, мать,
И от них бежать разреши.
Я избит, но нельзя мне ждать,
Отдохну я в стелной глупи,

Так пускай же ветер сухой
Засыпает мои следы;
Вас, друзья, не будет со мной
В темный день великой беды.
Я хочу, чтоб от ваших глаз
Отошли печали, друзья.
Если я уходил от вас,
Вы по мне скучали, друзья,
Как родные братья, меня
Братом вы считали, друзья,
Жили мы впятером, храня
Клятву крепче стали, друзья.
Мы — товарищи с детских дней,
Все, что ночью давал разбой,
Утром на пять равных частей
Мы делили между собой.
Я собрался в опасный путь,
В очи смерти вновь загляну,
Коль обидел вас чем-нибудь,
Отпустите мою вину.
Дайте руки, друзья мои.
Все мы — сироты. Ни на час
Я в разлуке, друзья мой,
Никогда не забуду вас.
Ты, моя дорогая мать,
Никому не желала зла,
Милым сыном меня звала,
А могла бы лежцом назвать.
Если мне улыбнется жизнь
И меня в степи не убьют,
Если в недрах колодца жизнь
Не закончу, как вор и плут,
Если острой секиры взмах
Не грозит голове моей, —
Не оставлю в ханских руках
Тех, кто был мне всего милей.

Несравненная мать моя!
Дорогие мои друзья!
Претерпите злую беду, —
Возвращусь непременно я,
Я отсюда вас уведу,
Мы в другие пойдем края,
В золотые пойдем края,
Мы в чужие края пойдем,
Там найдем и покой и дом».

И Гульсаана сказала:

«Ты уходишь, мой сын, — прощай!
На неведомую страну
Материнский меняешь край,
Оставляешь меня одну.
Я клонюсь на тихом ветру,
Я боюсь, что скоро умру,
Ты моих не закроешь глаз.
Были ты некогда слаб и мал,
Но моим словам не внимал, —
Будь послушен хоть в этот раз.
Да не будут мой слова
Пред тобою, как легкий дым,
Есть на свете город Хива,
У хивинцев есть хан Азим.
У Азима есть Ак-ишан,
Свят пред ханом и благ ишан;
Так иди же в хивинский край,
Ак-ишану руку подай,
Для тебя он щит и покров,
Он спасет тебя от врагов.
Будь, мой мальчик, жив и здоров!»

Кедей надел чокон и дырявую шубу, простился с матерью и друзьями и задолго до утренней зари отправился в путь.

Гульсаана, рыдая, лежала на земле, а друзья Кедея, понурив головы, стояли возле нее.

Через тридцать суток, истерзанный многими лишениями, Кедей добрался до города Хивы. Там он отыскал мечет Ак-ишана и лег подле нее. И так страшен был почерневший от голода Кедей, что люди не хотели к нему приблизиться. И когда Кедей заметил это, он произнес:

«Умираю от язв и ран
Одиноким среди людей.
Укажите, где Ак-ишан?
Ты — опора жизни моей.
Дай мне милости знак, ишан!
Призывает тебя Кедей,
Покровитель всех бедняков,
Ты бы не был со мной суров,
Ты бы мог на правильный путь
Заблудившегося вернуть.
Я блуждал по сотням дорог,
Я от голода изнемог,
Сытым дела нет до меня.
Я зову из последних сил,
Ты мне сердце воспламенил,
Не отвергни его огня.
Нет тебя средь людской толпы,
Я хочу склониться во прах,
След священный твоей стопы
Я хочу целовать в слезах.

Умереть я пришел в Хиву,
В смертный час я тебя зову:
Дай узреть тебя наяву!
Душу страждущую прими!
Долго пил я жидкую грязь,
И распухли ноги мои,
И одежда изорвалась.
Я тебя искать не могу,
На ногах стоять не могу,
Я на камни лег ввечеру,
Я умру от холода здесь,
Пожалей меня — я умру,
Я умру от голода здесь.
Где ты? Горе мне душит грудь,
У мечети лежу без сил,
Тщетно жду, чтобы кто-нибудь
Обо мне тебя попросил,
Бесполезные слезы лью,
Равнодушных людей моллю.
Где я голод мой утолю?
Кто развеет печаль мою?
Взор мой застит смертный туман,
В правоверной гибну стране.
Неужели средь мусульман
Нет сочувствующего мне?
Двадцать лет на земле томлюсь,
Двадцать лет брожу по земле.
Я — бездомный, я — не молось.
Нет чалмы на моем челе.
О, ишан! Я смерти боюсь,
Я погряз до ушей во зле,
Я взываю в муче к тебе,
Простираю руки — к тебе,
Мне хотя бы на краткий миг.
Дай увидеть твой кроткий лик.
Мать моя повелела мне,

Чтобы я тебе все сказал;
Холод, ранивший тело мне,
Сердце бедное пронизал;
Протаяни мне спасенья трость,
Моему рыданью внемли:
Я — Кедей; нежеланный гость
Негостеприимной земли.
О, когда бы ишану весть
Кто-нибудь из людей отнес,
Что на свете несчастный есть,
Изнемогший от горьких слез,
Что пришел он издалека,
Что лежит он, едва дыша!..
Пусть ишан поспешит, пока
Не погибла моя душа!»

В то время, когда Кедей взывал к состраданию, муэдзин Саки, подвластный Ак-ишану, взошел на минарет и оттуда увидел Кедея, и услышал его стоны, и сошел вниз, и пришел к своему Ак-ишану, и подал ему весть о Кедее, сказав:

«У мечетей нищий лежит,
Грудь его — жилище скорбей,
Он не в силах с каменных плит
Приподнять головы своей.
Он оборван, грязен и бос,
Он пришел из дальней земли,
Проливает он реки слез,
Чтобы вы к нему снизили».

Ак-ишан взял с собою муэдзина и пошел к мечети. И люди расступились перед ним, выказывая ему великое уважение. Кедей, увидев его, понял, что судьба сжалилась над ним и привела к нему того, кто может избавить его от мучений.

И Кедей поднялся с земли и обнял его колени,
говоря:

«Ассалам алейкум, ишан!
Светоч веры, старец святой!
Я — бродяга, я — прах, бурьян,
Я — ничто в сравненье с тобой.
Утешитель нищих сердец,
Покровитель всех бедняков,
Всех голодных благой отец,
Славен будь во веки веков!
Всем страдающим твоей намаз
Возвращает мир и покой,
Свет и радость в мой смертный час
Подари мне, ишан святой.
Я, как жертву, душу свою
Повергаю к твоим стопам,
Руки я тебе подаю,
Если хочешь, — я жизнь отдам.
Пусть я стану счастливым, пусть
Исцелюсь от душевных ран,
Ибо мучусь я. Весь коран
Можешь ты прочесть наизусть.
Исповедуя шариат,
Помнишь тысячи божьих слов.
Тот, кому ты подарилшь взгляд,
Избавляется от грехов.
Ты не спишь ночей напролет,
Благочестьем наполнив их.
Через тебя внимает народ
Словесам пророков святых.
Ты святую воду, ишан,
Льешь на руки в божьем дому,
Снисходя к народу, ишан,
Ты опорой служишь ему.
Чистым входишь в иную жизнь.
Перед богом непогрешим.

Попадаи ж молодую жизнь,
Изавителем стань моим!
Я хочу быть твоим рабом,
Цесом твоим и твоим слугой,
Как слепой за поводырем,
Я хочу ходить за тобой.
Знаю: много хаджей и мулл
Влиз тебя возросло, ишан.
Руки я тебе протянул,
Ибо мне тяжело, ишан.
У меня на душе грехов
Вольше, чем под землей червей.
Ты среди господных рабов
Ближе многих к цели своей,
Докажи мне это, ишан!
Пусть я голоден, наг и слаб, —
Пред владыкой света, ишан,
Как и я, ты бессильный раб.
Я — бедняк и сын бедняка;
Столько зла я знал до сих пор,
Столько бед, что моя тоска
Подымается выше гор.
Если молча отсель уйдешь,
Если рук моих не возьмешь, —
Ты убьешь меня наповал.
Если б ты снизошел к мольбе,
Я бы тазик с водой тебе
Пред молитвою подавал,
Я в грехах миновавших дней
Никогда б не погряз опять,
Был бы равным среди людей,
Ты бы дал мне четки считать.
Я дрожу на ветру, ишан, —
Сострадание прояви,
А не то я умру, ишан,
Ибо сердце мое в крови».

Ак-ишан удивился речам Кедея, и они поправились ему; поглаживая бороду, он удивленно смотрел на нищего, склонившегося перед ним, и ему хотелось, чтобы Кедей дал клятву не отступать от своих слов и никогда не нарушать шариата. Ответив на приветствие возгласом «Алейкум ассалам!», Ак-ишан заговорил:

«До меня дошел твой призыв,
Ты возжаждал господних благ, —
Хорошо, что ты еще жив.
Дай мне руки. Да будет так!
Совершавший злые дела!
Если ты покинешь мой кров
И свернешь на дорогу зла, —
Ты не ступишь и трех шагов,
Ибо, кости твои дробя,
На тебя проклятье падет,
И мечом господним тебя
Огнеликий ангел добьет.
От него не спасется тот,
Кто, подав мне руки, солжет,
Но сдержавший клятву свою —
Обретае место в раю.
Оградись же крепкой стеной
Верной клятвы от лжи мирской,
Никогда не лги предо мной,
Стань пророку верным слугой.
Будешь ты, несчастный Кедей,
Уловлять людские умы,
Понеся на главе своей
Белизну почетной чалмы.
Кто поклонник пророка, тот
С иноверцем не говорит,
Уловая на рай, живет
И в молитвах сердцем горит.
Избегй побойщ и ссор,

Лживых слов не произноси,
Будь на доброе дело скор
И ножа с собой не носи.
Где бы ты ни встретил хаджи,
Ты почет ему окажи,
Выполнимая советы мулл,
Устреми свою душу ввысь.
Сам аллах на тебя взглянул:
Встань, Кедей, ишану кланись
Соблюдать обеты свои,
Выполнять заветы мои».

Кедей обеими руками схватился за ворот и разорвал свою одежду, ударил себя кулаками в грудь и со слезами на глазах произнес:

«В день печали ты мне помог,
Я к тебе спешил, и в беде
Вел меня Мухаммед пророк.
Верю, верю моей звезде.
Речь твоя просветляет взор.
Я ломаю кривой кинжал,
Больше я не бездомный вор,
Ибо ты мои руки взял.
Я оставил в мире скорбей
Злое бремя грехов былых,
Я ушел из таких сетей,
Что навеки запомнил их.
Одного я хочу, ишан, —
Пребывать близ тебя всегда;
Избавленья ищущ, ишан,
От скитаний, бед и стыда.
Коль забуду клятву мою
И пойду на злые дела,
Пусть та клятва, что я даю,
Пригнетет меня, как скала.
Коль обижу кого-нибудь,

Пусть огонь мне пронизжет грудь,
Пусть ишан, обманутый мной,
Превратит меня в прах земной,
Пусть падет моя голова,
Шариатом отсечена,
Пусть пойдут, слепа и мертва,
По земле бродяжить она.
Если живым буду слугой,
Нерадивым буду рабом,
Пусть я стану перед тобой
Самым гнусным черным ослом».

Проливая горькие слезы, Кедей так долго повторял свои мольбы, что Ак-ишан поверил его неверным клятвам. Вокруг них собралось великое множество духовных лиц, подчиненных ишану, и много дервишей, которые ни минуты не могли устоять на местах и беспрерывно выкрикивали слова, смысл которых был непонятен окружающим, и много нищих, и много другого люду.

Ак-ишан ввел Кедея в мечеть, уже наполненную мусульманами, и сказал, обращаясь к муэдзину Саки:

«Тебетей, что снега белей,
Принеси, мой Саки, ему,
Пусть увидевший свет Кедей
На него навернет чалму.
Расстели пред ним джай-намаз,
Сотворишь ему дай камаз,
Ибо жить он будет средь нас,
Став слугою моим сейчас».

И Кедею ишан велел
От земных отрешиться дел,
Перед миром закрыть свой слух,
К небесам устремить свой дух.
Сыт и весел снова Кедей;
Исповедуя шариад,

Чтит святое слово Кедей,
Соблюдает каждый обряд.
Коль ишан идет впереди,
То Кедей идет позади,
Прижимает руки к груди.
Он путем пророков идет,
Он молитвам теряет счет,
И тесме он в руках несет.
Расточитель улыбок — он,
Пред учителем гибок — он,
За поклоном кладет поклон;
Он стремится к жизни иной,
Тяготея долей земной.
Он к почетной чалме привык;
Чтоб учителю угодить,
Служит, словно раб-ученик,
Век не хочет ночью смежить,
Днем — присесть хотя бы на миг.

Так Кедей прожил у Ак-ишана десять дней и в десятую полночь, увидев, что тот сидит один, подошел к нему и произнес:

«О, ишан, я больше не лгу,
Тайны я скрывать не могу;
О, ишан, я в страшном долгу.
Скоробь моя бескрайна, ишан,
Сердце гложет тайна, ишан;
Остается мне жить три дня,
Ужас хлещет меня, как плеть;
Я тоскую, утешь меня,
На вопросы мой ответь,
Мой ишан, ты щедр и богат,
Души нищих в твоей руке,
Ты разбил несравненный сад
От мечети недалеке;
Там цветут деревья твои —

Сливы, персики и урюк,
По ночам поют соловьи,
Призывая своих подруг.
Но тебе милей шариат,
Чем твои уголья. Ты свят.
Иноверец в твой весенний сад
Не приходит открытых враг.
О, когда бы каждый святой
Был хоть в чем-нибудь схож с тобой,
Потому что твоя душа,
Как цветущий сад, хороша.
Сколько ты в себе совместил
Благодатных, священных сил!
Голодающих ищешь ты,
Чтоб спасти их от нищеты;
Так ты спас и меня, когда
Надо мной нависла беда.
Правоверных благоветь
Заставляешь ты пред собой,
Ежедневно твоя мечеть
Многошумной полна толпой,
До престола небес в мольбе
Достигает твой чистый взор,
И прислуживает тебе
Горних ангелов светлый хор.
Сотен дerviшей похвалы
Вкруг тебя сливаются в гул,
И примером твои муллы
Стали всюду для прочих мулл.
Но, быть может, ишан святой,
Твой слуга ослеплен тобой,
И — прости меня! — всем другим
Ты не кажешься столь благим?
Впрямь ли, мудрый ишан, тебя
Уважает народ, иль нет?
Впрямь ли, мудрый ишан, тебя

Уважает любой сосед?
Впрямь ли, мудрый ишан, тебя
Уважает наш хан Азим?
Впрямь ли, мудрый ишан, тебя
Он считает другом своим?
И ужель не откажет он
Своему ишану ни в чем?
Может быть, это только сон,
Что мерещится нам вдвоем?
Если ты говоришь с людьми,
Пред тобой стихает мечеть.
Вновь участие во мне прими,
На вопросы мои ответь,
Снизойди, пожалей меня:
Остается мне жить три дня».

Ак-ишан был тщеславен и горделив: речи Кедея показались ему еще более загадочными, чем были на деле.

Поглаживая бороду, он ответил так:

«Чтобы руки мне протянуть,
Мусульмане из дальних стран
Многомесячный держат путь:
Я — звезда и цель мусульман.
Ты — один из многих, кому
Я в мечети вручил чалму.
Уважает меня сосед,
Уважает меня мой хан,
Ибо знает, что много лет
Я народу являю свет,
Объясняя святой коран.
Перед кем ты, мой сын, в долгу?
Что за мысли тебя томят?
Помогу тебе, чем смогу:
Скоро будешь, Кедей, богат,
Если мне Азим-хан не друг,

Где бы взял я славу и честь?
Я не принял бы столько рук,
Если б не был я тем, кто есть,
Был бы я ишаном плохим, —
Где ютился бы ты сейчас?
Пусть мой доблестный хан Азим
До ста лет проживет средь нас!
Я бы отдал жизнь за него, —
Для меня же в мире скорбей
Не жалеет хан ничего,
Кроме чистой души своей.
Ты однажды меня почтил
Тем, что жизнь мне вручил свою,
Ныне я сполна отплатил,
Я ответы тебе даю, —
Мне для истинных мусульман
Ничего на свете не жаль:
Не таи же сердечных ран
И поведай свою печаль».

Кедей был очень обрадован ответом Ак-ишана, но не дал ему этого заметить: лицо Кедея выражало глупую скорбь.

Продолжая беседу, он сказал:

«В мире — ночь, и на сердце — ночь,
Вряд ли сможешь ты мне помочь.
Я, скрывая тайну свою,
Точно прокаженный, скорблю,
Ничего я не утаю,
Ибо чту тебя и люблю.
Мне три года было, когда
Сиротой остался я,
Голодали мы в те года,
И погибла моя семья.
Я бродил, как бездомный пес,
Я нередко бывал избит,

Я захлебывался от слез,
И досель еще не избит
Жгучий след сиротских обид.
У одной бездетной вдовы
Я приютный кров отыскал.
Не сносил бы я головы,
Если б сыном ее не стал.
И, пока я был слаб и мал,
Я, как мать, ее почитал,
Но как только я возмужал,
Я завел аркан и кинжал.
Я у баев скот воровал,
Стал кинжал мой от крови ал.
Я убил курбаши, потом
Я убил минбаши, потом
Я сто раз кинжал обаграл.
Я бы выстроил крепкий дом,
Я женился бы, жил бы в нем,
Мне бы сына бог даровал,
Но в те дни я своей рукой
От себя отстранял покой.
И за множество грешных дел
Хан меня покарать хотел,
И бежал я через пески,
Чтоб склониться к стопам твоим,
И рыдал от смертной тоски,
Из туркменской земли гоним.
Я упал в пустыне без сил
И услышал громкую речь:
Надо мной стоял Азраил.
Ангел смерти, господень меч.
На его голове чалма,
Как вершина горы, была,
И меня лишили ума
Пламенеющие крыла.
И в руках он книгу держал,

И объял меня ураган,
И, как лист, я пред ним дрожал,
И читал Азраил коран.
И сказал Азраил: «Аллах
Изымает душу твою.
Покарает тебя аллах —
Ты не будешь в его раю».
И карающая рука
Мне, лежащему, не дала
Приподняться пред ним с песка
И сияли его крыла.
Я хотел бы сжаться в комок
И уйти от яростных крыл
Головой в песок — и не мог;
Я молил его:

«Азраил!

Пусть еще хоть тринадцать дней
Мне позволит прожить господь,
Пусть еще хоть тринадцать дней
Он позволит душе моей
Оживлять недужную плоть,
Не за тем я так жить хочу,
Что влечет меня грех опять; —
Я Хиву посетить хочу,
Чтоб ишану руки подать.
Если ты в назначенный срок
Не придешь за моей душой,
То сверну я с любых дорог,
Чтобы ты меня встретить мог
Посреди дороги большой».
И сказал Азраил: «Кедей!
Волей благостного судьи
Жизнь еще на тринадцать дней
Оставляю тебе. Иди!»
И тогда просветлел мой взор.
Десять дней протекло с тех пор,

Ты, ишан, не отверг меня,
И осталось мне жить три дня.
Я к земле, как росток в тени,
Пригнетен дыханьем обид,
Пусть мои остальные дни
Свет веселья позолотит.
Если ты и на деле благ,
Если жаль тебе бедняка,
О, ишан, ты поступишь так,
Чтобы смерть мне была легка.
Если то, что свято, любя,
Любит хан, как брата, тебя,
Если всем на свете, ишан,
Ты правителем предпочтен
И в твоём совете, ишан,
Мудрость вправду находит он,
Если для тебя одного
Не жалеет он ничего, —
Попроси, ишан, у него
На три дня его ханский трон».
Ак-ишан спросил, смущен:
«Кто же сядет на ханский трон?
Кто правителем станет нам?
Кто властителем станет нам?»
И ответил так Кедей:
«Ханом станет бедняк Кедей,
Имя мне дадут — Кедей-хан,
Править будет тут Кедей-хан,
И пойдут спокойно потом
На господень суд Кедей-хан.
Если в сердце твоём святом
Пламень жалости не иссяк,
Упади пред ханом своим,
Пусть уступит свой трон Азим.
Я молю тебя: сделай так!
Руки нищего принял ты;

Пусть, когда я паду, стена,
Неосуществленной мечты
Не останется у меня.

Я на солнце славы земной
Отогреть ладони хочу.

Ангел скоро придет за мной, —
Умереть на троне хочу.

Я верну Азим-хану трон,
Мертвый слух мой заполнит тишь,

В близкий день моих похорон
Ты молитву мне посвятить...»

Ак-ишан был напуган словами Кедея.

«Вчерашний бродяга, заеденный вшами, сегодня
хочет стать ханом, — думал Ак-ишан, глядя на скло-
нившегося пред ним Кедея. — Кто он: тот за кого себя
выдает, или честолюбец, жаждущий власти? Его опас-
но не только ханом сделать, но и рабом хана».

И, желая указать Кедею его настоящее место, он
сказал:

«Побирушка, бродяга, вор,
Погрязавший в грязи греха.
Пищу кравший до сих пор,
Плут, сосавший кровь, как блоха,
Нищий, знавший один позор,
Хочешь прыгать вновь, как блоха?

Ты несчистен, Кедей, но горд,
Рад чужим набивать свой рот,
Предводитель разбойных орд,
Разорявший честной народ,
Угонявший у баев скот,
Потерявший набегам счет.

Не с молитвою на уме
Уходил ты в ночную тьму;
Разве ты, бродивший во тьме,
А теперь надевший чалму,

Белоснежной не рад чалме,
Что мерещится твоему
Воспаленному взгляду трон,
Что среди бесчисленных благ,
Ты, который был бос и наг,
Зришь одну лишь ограду: трон?
Не за то ли, что ты разбой
Предпочел занятиям другим,
С трона славы перед тобой
Добровольно сойдет Азим?
Почему, бездомный пришлец,
Он бы счастье тебе вручил?
Разве ханский носить венец
У него не хватает сил?

Коль судить по делам твоим,
Ты действительно жадный вор,
И винимать мне словам твоим
Унизительно, жадный вор.

Кто посмел бы мне предлагать
С воров к хану идти? — скажи!

Разве мне, ишану, под стать
Соучастье во зле и лжи?

Убивавший в родной стране,
Ты боялся держать ответ.

Страшной клятвой ты клялся мне,
И тебе возвратился свет.

И за это, греша олять.

Заставляешь меня страдать.

Ты мне руки вручил и жил
Как за каменной стеной.

Ты — обманщик. Ты обнажил
Душу черную предо мной».

Кедей внимательно выслушал ответ Ак-ишана и,
твердо решив добиться своего, сказал так:

«Ты хвалился пред бедняком,
Что тебя уважает хан,
Видно, ты не уверен в том,
И тебя презирает хан.
Знал я, что среди горожан,
Приходящих в твою мечеть,
Есть лжецы, которым подчас
Стыдно людям в глаза смотреть!

Свет спасенья для них погас,
Ибо сам ты во лжи погряз.

Это очевидно, ишан.

Как тебе не стыдно, ишан?

Ты для множества мусульман

Путеводной служишь звездой,

Объясняешь святой коран

И, должно быть, перед толпой

Извращаешь святой коран.

Как тебе не стыдно, ишан?

Ты — старик, ты скоро умрешь.

Изменись, наконец, ишан!

До добра не доводит ложь,

Нераскаянный лжец — ишан!

Я, и тронном владея, все ж

На земле не жилец, ишан!

Но, хотя ты обманщик, верь:

Я люблю тебя и теперь.

И тебе не стыдно, ишан!»

Лицо Ак-ишана покрылось краской стыда, так как он понял, что согрешил, хвастаясь перед Кедеем, и что отказывается от своих слов, не желая облегчить ему тяжесть близкой смерти.

Ак-ишан, намотав на голову чалму и надев на шею четки, взял в руки посох и сказал Кедею:

«Горе мне, старику! Идем.

Коль простится с тронном Азим,

Ханом будь, и дело с концом.

Если он не простится с ним,

Пусть вторично старым лжецом

Стану я пред лицом твоим».

Так погруженный в глубокую грусть Ак-ишан и торжествующий Кедей пошли к хану. И когда они остановились у дворцовых ворот, Ак-ишан обратился к сорока джигитам, охраняющим дворец, говоря:

«Молодцы, в числе сорока

Охраняющие дворец

От врагов и воров, пока

Спит владыка наших сердец!

Слуги, из-под чьих поясов

Рукояти ножей глядят,

Отодвиньте скорей засов

Охраняемых вами враг!

Пусть проснется мудрый Азим.

Ибо дело есть у меня.

Нет терпенья с делом таким

Дождаться белого дня».

Но джигиты хана Азима не решились отворить ему.

Ак-ишан разгневался, начал стучать в кованые во-

рота, и точно гром пошел по земле.

И тогда вратари испугались и поступили так, как

велел им Ак-ишан, и он в сопровождении Кедея вошел

во дворец.

А джигиты, сложив молитвенно руки, склонились

перед ним, говоря:

«Ак-ишан, господень алмаз,

Мы твоих повелений ждем;

Дай нам знак — и никто из нас

Не откажет тебе ни в чем.

Ак-ишана, пастыря толп,

В год мы видим единый раз.

Что же истинной веры столп
Предстает нам в столь поздний час?
Что случилось? Иль хан Азим
Пригласил тебя во дворец?
Если нас проклянешь пред ним,
Нам, джигитам его, конец.
Но с тобою кто-то чужой.
Нас пугает его приход;
Пусть ответит, кто он такой
И чего он от хана ждет?
Хан Азим наказывал нам
Неизвестных гнать от ворот,
Отрубать коварным врагам
Злые головы наоглет.
Коль судить по его глазам,
Слутник твой обманщик и плут.
Припадаем к твоим стопам:
Пусть тебя он дождется тут!»

Но Кедей, по разумению Ак-ишана, должен был присутствовать при разговоре с ханом, так как успех всего предприятия во многом зависел от клятвенного обещания возвратить трон через три дня, если хан Азим согласится его уступить. Поэтому Ак-ишан обратился к сорока джигитам со следующими словами:

«Тут со мной мой слуга Кедей,
Он в Хиве уже десять дней,
К нам его судьба привела;
А сужу я не по глазам,
Я сужу людей по делам,
Служка мой не сделал мне зла.
Твердой клятвой поклялся он,
Клятвы этой держался он,
Незаслуженно хитрецом
Вам теперь показался он.
Бог печется ночью и днем

Об Азиме, сыне своем,
Знает он, кто прав и неправ,
Кто лукав и кто нелукав,
Знает все о нас наперед.
Справедлив аллах и суров:
Кто с дороги добра свернет,
Тот не ступит и трех шагов.
Нам угодно с глазу на глаз
Говорить с владыкой сердец.
Пропустите немедленно нас,
Дайте нам пройти, наконец».

И сорок джигитов пропустили Ак-ишана с Кедеем во дворец, и там сорок палачей хана приветствовали Ак-ишана, протянув ему руки. Затем сорок визирей приветствовали его, и он, в сопровождении Кедея, прошел к Азим-хану, и тот встал перед ним со своего трона, приложил руки к груди и приветствовал приближающегося Ак-ишана возгласом «Ассалам алейкум!»

«Редко ты посещал дворец,
Для чего ты ко мне пришел?
Коль за властью — возьми венец
И займи золотой престол.
Коль убить захотел меня,
Подойди ко мне и убей:
Я послушен тебе, храня
Уваженья к чалме твоей.
Здесь тебе и честь и почет,
Но какую судьбой, скажи,
Послан тот, кто с тобой идет,
И зачем он с тобой, скажи,
Не грозит ли его приход
Мне великой бедой? Скажи!
Он не здепший, и как хитер
Этот лживый и хищный взор!
Чтит ли бога этот хитрец?

Не хочу беседовать с ним!
О, ишан, мой святой отец,
Неспokoен твой сын Азим, —
Страх неясный в сердце моем
Предвещает прилет невзгод.
Я побуду с тобой вдвоем,
Пусть же прочь твой спутник уйдет.
За благословеньем в мечеть
Я хожу, как всякий другой,
Я люблю с тобою сидеть
И советоваться с тобой,
Поверая тайны свои,
Открывая душу до дна,
Ничего и ты не таи
Из того, чем душа полна.
Пусть же выйдет твой спутник, с ним
Говорить не угодно мне, —
И охотно с отцом святым
Я побуду наедине».

Ак-ишана встревожили эти слова. Он не считал себя вправе отказаться от обещания, данного им Кедею, и, помимо того, он хотел, чтобы Кедей распространял повсюду, что хан относится к нему с великим уважением.

— Алейкум ассалам, — приветствовал он хана, отвечая на его слова:

«Бог послал нам счастье, мой сын.

Мы — вершины власти, мой сын:

Ты — великий хивинский хан,

У меня же — духовный сан,

Мусульманский верховный сан.

Я с приветом к тебе пришел,

Если б мог я рассвета ждать,

Я б с рассветом к тебе пришел.

Ныне был я вынужден дать
Слово спутнику моему.
Этим словом я связан, хан,
И воззвать я обязан, хан,
К твоему, о мудрый, уму,
К сердцу доброму твоему
Милый сын мой и господин!
Обрати на меня твой взор,
Отврати от моих седин
Надвигающийся позор,
Ты ни в чем ишану, мой сын,
Не отказывал до сих пор,
Так внемли же, о хан Азим,
Такобычным словам моим,
Почитая меня, ты вновь
Одолженье мне окажи,
Уважая меня, ты вновь
Уваженье мне докажи.
Я не знал, что мой спутник —
плут, —
Почему ты думаешь так,
Разве мог бы со мною тут
Появиться коварный враг?
Мне известно, о хан Азим,
Все, что в жизни бывало с ним:
Он бежал из родной страны,
Он скиталец, пришедший к нам;
Страху все мы обречены,
Если смерть спешит по пятам, —
Он бы мог и в другом краю
Отыскать надежный приют,
Но, спасая душу свою,
Порешил он укрыться тут,
Он ко мне, ишану, спешил,
Чтобы руки мне протянуть —
И в пустыне сам Азраил

Преградил спешившему путь.
И сказал ему ангел:

«Стой
И велению неба внимай.
Чтоб идти за твоей душой,
Я покинул господень рай».

Но, рыдая, беглец Кедей
Тя взмолился, что Азраил
Страшный срок на тринадцать дней,
Снизойдя к нему, отдалил.

Десять дней с тех пор протекло, —
И провел их Кедей в трудах,

И теперь ему тяжело,
Истомил его смертный страх.
Предо мной он упал, скорбя,
Умолял меня, удручен,

Чтобы я посетил тебя,
Чтобы я попросил тебя
Уступить ему ханский трон.
Да не ляжет сомненья тень

На твое чело, мой Азим, —
Он умрет на четвертый день,
Ангел смерти придет за ним.
Ты послушай, мой хан, меня,
Крепкой клятвой клянется он
Жить не долее, чем три дня, —

Будет трон тебе возвращен.
Примири же его с судьбой,
Да не плачет он, как дитя.
Он умрет, утешен тобой,
В мире славу приобретя.

Похвалился я перед ним
Неизменной дружбой твоей, —
Неужели я лгал, Азим,
И в печали умрет Кедей?
Снизойди же к его судьбе,

Ибо смерти он обречен.
От шестого деда к тебе
Переходит хивинский трон,
Бедняку, что кончины ждет,
Кроху радости удели,
И тебя прославит народ,
О владыка нашей земли!»

Хан Азим вздрогнул, услышав это: страх и гнев
вошли в его сердце, и он обратился к Ак-ишану,
говоря:

«Нет напрасно, милый ишан,
Мне такое ты предложил.

Ты покоя меня лишил.

Ибо ясно, милый ишан,

Что обманщик лукавый он.

Хочет править державой он.

Если б я уступил — он сам

Легковерным меня бы счел.

Не проси, ишан, не отдам,

Не отдам золотой престол.

Я бродягой стать не хочу:

По степям блуждать не хочу:

Я лишусь наследственных прав,

Проходимцу свой трон отдав».

— А, — сказал Ак-ишан, — вот цена твоей любви ко
мне! Помни о нашей дружбе. Я прокляну Кедея, если
он обманет нас. Он превратится в черного осла или в
черный камень — и ты все равно опять воссядешь на
свой трон.

И хан, глубоко опечаленный, не в силах престу-
пить законы дружбы, отдает трон Кедею на три дня.

О том, как мудро и справедливо
правил Кедей-хан

Перевел Р. Моран

Воссев на престол, Кедей первым делом кликнул
дворцовую стражу:

«Эй, сюда, джигиты, скорей,
Сорок псов защиты моей!
Или сонные рохли вы?
Или все передохли вы?»

Сорок перелуганных джигитов предстали перед
новым ханом и, склонившись до земли, сказали:

«Озарило наши сердца
Воцарения твоего
Величайшее торжество.
Да не будет ему конца!
Ты со славой державой правь.
Мы верны тебе, хан Кедей,
Хоть побей нас, хоть обезглавь —
Мы покорны воле твоей».

Кедей подумал: «Надо с первого же дня держать
этих хитрецов в строгости. Если я буду давать им по-
блажки — не сдобровать мне, безродному бродяге». И
он грозно закричал:

«Ну-ка, выравняйтесь в строю!
Я приказ такой отдаю:
Оседлайте сорок коней,
Наточите сорок мечей
И скачите во весь опор
По дорогам долин и гор,
Весть великую разнося:
Возгласите, что с этих пор

Кедей-хана век начался.
Пусть ваш клич по ханству всему,
По его пространству всему
Прогремит, словно трубный глас,
Чтобы все услыхали вас:
Дети, женщины, старики,
Богачи и бедняки,
Тот, кто носит высокий сан,
Тот, кто гнет перед сильным стан,
И джигиты, и курбаши,
Шерстобиты и торгашаи,
В поле жнушие хлеб жнецы,
Сталь кующие кузнецы,
Шубы шьющие скорняки,
Уголь бьющие горняки,
Глину мнущие гончары,
Комузисты и овчары,
И охотник и птицелов,
Приручающие орлов,
И наездники-мастера,
Объезжающие коней.
Объявите: завтра с утра
Всех зовет к себе хан Кедей.
Только выведите хитро,
У кого какое нутро,
Кто покорен, а кто строглив,
Кто плутует, зло загаив.
Да построже внушите всем:
Кто не явится на поклон,
Будет завтра же умерщвлен!
Да погромче скажите всем:
С челобитными пусть идут
На большой дворцовый майдан,
Где творить будет правый суд
Благосклонный к народу хан».
И помчались джигиты враз,

Оглашая ханский приказ.

Удивленье взяло людей:

«Кто такой этот хан Кедей?

Чей он сын и откуда он?

Кто его посадил на трон?

Где же прежний наш хан Азим,

Что случилось нежданно с ним?»

Наутро возле ханского дворца собрался весь народ — от шестилетних ребят до глубоких стариков. Вышел Кедей в ханском облачении, в сопровождении сорока своих джигитов, сорока своих визирей и обратился к поданным с такой речью:

«Ассалам алейкум тебе,

Многочисленный мой народ!

Я пекусь о твоей судьбе:

Ты избавишься от невзгод.

Я, припелец из дальних стран,

Ныне ваш повелитель, хан.

Был кедеем я — бедняком,

С малых лет я с нуждой знаком.

Стоны горькие слышал я,

Из народа ведь вышел я.

Вы богаты или бедны —

Предо мною вы все равны.

Откровенных не бойтесь слов:

Правду выслушать я готов.

Я желаю узнать: каким

Был правителем хан Азим?

Вы поведайте, не таясь,

Для кого он опорой был,

А кого затоптал он в грязь?

Кем гнушался? Кого любил?

Обижал ли вас Азим-хан,

Налагая большую дань?

Не сажал ли вас Азим-хан

За копейный долг в зиндан?

На кого джигиты его

Нагоняли камчюю страх?

Перед кем джигиты его

Повергались, как слуги, в прах?

Вы скажите прямо: каким

Был низложенный хан Азим?

Если он был добра исток —

Я такой же стезей пойду.

Если он был зол и жесток —

Я дорогой другой пойду.

Если бог не захочет в друг

Оборвать моей жизнь нить,

Вас за годы великих мук

Я сумею вознаградить».

Наиболее смелые из собравшихся подошли к Кедей-хану, говоря:

«Ассалам алейкум, Кедей,

Провозвестник счастливых дней!

Ты на радость людям взошел

На высокий ханский престол.

В добром здравии им владей!

О поборах ты нас спросил.

Каждый месяц в пользу казны

Каждый житель нашей страны

Восемнадцать монет вносил.

Оставлял нам немного хан,

Но остатка не трогал хан».

Когда Кедей-хан услышал эти слова, он разгневался и воскликнул:

«Вижу, каждый из вас готов

Азим-хану воздать хвалу,

Величайшему из лжецов,

Вас повергну в кабалу!

Разве был он для вас хорош,
Если бедным ломал хребет,
Восемнадцать взимал монет?
Да ведь это силошной грабеж,
Издательство! Неспроста
Одотела вас нищета...
Не прими я ханский венец —
Не пришел бы нужде конец.
Я не только с вас ни гроша
Никогда не возьму, но сам,
Непорядок былой круша,
Я народу казну раздаю.
Завтра я открою лари
Государственных кладовых,
Я скажу народу: «Бери
Все, что ханы хранили в них!»
Я раздаю золотой запас,
Это будет мой первый шаг.
Вот как я справедлив и благ!
Но смотрите, чтобы похвал
Азим-хану я не слышал».

Измученная необычной речью Кедей-хана толпа за-
волновалась, зашумела:

«Неужели это не сон
То, что слышали мы сейчас?
Если только не шутит он —
Ожидает богатство нас!
Если эта речь не обман,
Да прославится Кедей-хан!
Он жалеет народ простой.
И глупцами же были мы:
Пораженные слепотой,
Азим-хана хвалили мы.
Жадно грабил он бедняков,
И морил он голодом нас,

А Кедей одарить готов
Серебром и золотом нас.
Ну не чудо ли? Ляжешь спать
Гольтыба-голытьбой, хоть плачь.
А подымешься утром — глядь,
Ты любимый судьбой богач!
И одежда есть у тебя,
Есть и что поесть у тебя —
Вдоволь хлеба и мяса есть,
Даже на год запасы есть,
Есть и пашня своя, и скот...
Колли этот Кедей не плут,
Заживет, как в раю, народ,
Старики молодеть начнут...»

Настало утро следующего дня. Людей собралось
видимо-невидимо. Кедей-хан сдержал свое обещание:
раздал казну всем людям и обратился к ним:

«Все внимайте словам моим!
Ненавидный тиран Азим
Пожелает завтра опять
Свой утраченный трон занять.
А теперь я вопрос задаю,
Отвечайте прямо, друзья:
Кто же больше по сердцу вам,
Прежний хан Азим или я?
Не хочу быть насильно мил
Ханской властью не дорожу,
Если я вам не угодил,
Я немедля прочь уйду!
Званья ханского своего —
Я считаю — достоин тот,
Кто одной заботой живет:
Чтобы в дни правленья его
Благоустроивал весь народ.
Чтоб в пределах его страны

Нищих не было и бродят,
Чтобы люди были равны,
Чтобы каждый имел очаг.
Я ведь сам горемыкой был,
В нищете я великой жил...
Я покаялся готов сейчас,
Верьте, люди, моим словам:
Буду требовать меньше от вас,
А давать буду больше вам.
Выбирайте же — вам видней! —
Хан Азим или хан Кедей?»
Тут все собравшиеся в один голос закричали:
«Мы тебя одного хотим,
Почитаемый Кедей-хан!
Будет прогнан злодей Азим,
Коль вернется сюда назван.
Много лет он властвовал всласть,
А народ при нем голодал.
Ты вчера только принял власть,
А народу достаток дал!
Неужели же мы и впредь
Будем гнет Азима терпеть?
Мы давно таили мечту
О владыке таком, как ты, —
Побеждающем нищету
Благодетеле бедноты.
Ты пришел — и сбылась мечта!
Жизнь достойная начата,
Нам дарованная тобой.
Нет на свете силы такой,
Что могла бы, счастье губя,
Отстранить от власти тебя.
Сам тирана решай судьбу,
Азим-хана решай судьбу,
А отдашь его нам на суд —
Мы его и прикончим тут!

Кто имел богатство и чин,
Тот ему был нужен всегда,
А несчастный простолоудин
Для него был хуже скота.
И безжалостен, и жесток,
Он народа не понимал,
И последний хлеба кусок
Он у нищего отнимал...»

Народ разошелся, радостными кликами восславляя Кедей-хана.

Когда же на третий день явился хан Азим в сопровождении Ак-ишана и потребовал вернуть ему трон, Кедей-хан отдал страже приказ отрубить голову низложенному тирану и его советнику-святоше. Услыхав об этом, перепуганные прищельцы успели скрыться. Кедей-хан стал безраздельным владыкой ханства. Вопреки проклятьям Ак-Ишана, он не умер ни через три дня, ни через три месяца, ни через три года. Он правил мудро и справедливо.

Однажды Кедей-хан сидел в глубоком раздумье. Вспомнив годы своего безрадостного сиротства, он подумал о своей приемной матери Гульсаане и заплакал. Вспомнил он и четырех верных товарищей своей юности, с которыми, рискуя жизнью, защищал бедных людей от гнета и разорения.

И позвал он сорок джигитов своих и сказал:

«Вам далекий путь предстоит,
Этот путь опасность таит,
Вы возьмите добрых коней,
И выносливых, и лихих,
Покормите их посытней,
Да подкуйте получше их,
Чтоб не сбили они копыт.
Днем и ночью скачите вы,
До зубов вооружены,

Устрашающие, как львы,
 И подобно тиграм грозны,
 Чтоб, рождаясь в людских сердцах,
 Пролагал вам дорогу страх.
 Ханство есть на земле туркмен,
 Управляет им Залим-хан.
 Берегитесь попасться в плен,
 Ибо гневом хан обуян.
 Я еще раз вам говорю:
 Будьте бдительны и смелы!
 Вы разищете в том краю
 Старика-сопу Саалы.
 Попросите его сказать,
 Где томится в тоске, одна,
 Где скрывается моя мать
 Дорогая Гульсаана?
 Я у ней единственный сын...
 Этот добрый друг муэдзин
 Вам поможет найти моих
 Четырех друзей боевых.
 Рисковать им не раз пришлось,
 На подмогу ко мне спеша,
 И покоя — пока мы врозь —
 Не находит моя душа.
 Что сыновней любви светлей?
 Что давнишней дружбы святей?
 Не жалея сил и труда,
 Вы найдите этих людей
 И доставьте скорей сюда».

Сорок джигитов отправились в страну туркмен,
 Разыскали мать и четырех побратимов своего повелителя
 и доставили их благополучно к Кедей-хану.

Долго-долго ханствовал Кедей, был справедливым
 и честным ханом, любил бедный народ, и его никогда
 не забудут люди.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТОКТОГУЛА И ПРИНЯТЫЕ УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Токтогулдун ырлары. — Ф. — Казан: Кыргызмамбас, 1938. — 100 бет.
- Кедейкан / Токтогул менен Калыктын айтканынан. — Ф. — Казан: Кыргызмамбас, 1988. — 173 бет.
- Ырлар. 2 китеп. — Ф.: Кыргызмамбас, 1940. Китеп 1 / Кириш сөзү Т. Саманчидики. — 262 бет. Китеп 2. Токтогулдун ырлары жана Калыктын эстеликтери. — 95 бет. Т. 1940 кирг. Чыгармалар жыйнагы. 1-басылышы / Кириш сөзү Т. Умөталиевдiki. — Ф.: Кыргызмамбас, 1950. — 392 бет.
- Чыгармалар жыйнагы. 2-басылышы / Түзгөн жана кириш сөзүн жазган Т. Умөталиев. — Ф.: Кыргызмамбас, 1954. — 342 бет.
- Чыгармалар жыйнагы. Ыр томдук / Түзгөн Д. Сулайманов. Ф.: Кыргызмамбас, 1956. — 325 бет.
- Чыгармаларынын эки томдук жыйнагы / Жыйнакты түзгөн жана комментарийлерин жазган Ж. Таштемиров. — Ф.: Кыргызстан, 1968. — 1 том, 304 бет. 2 том, 274 бет. [Кыргыз ССР илимдер академиясы тил жана адабият институту]. (Собрание сочинений в двух томах). Т. 1968, I; Т. 1968, II
- Избранные произведения: Пер. с кирг. — М.: Худож. лит., 1940. — 166 с.
- Избранные произведения: Пер. с кирг. — Ф.: Киргосиздат, 1950. — 107 с.
- Избранные произведения: Пер. с кирг. / Соост. К. Кулиев, С. Фиксин. — Ф.: Киргосиздат, 1954. — 168 с.
- Избранное: Пер. с кирг. под ред. С. Липкина и А. Штейнберга / Соост. и вступ. статья М. Богдановой. — М.: Худож. лит., 1958. — 279 с.
- Избранное: Пер. с кирг. — Ф.: Кыргызстан, 1964. — 278 с.

своего времени. Многие из современников, знакомые с Токтогулом, знали его произведения наизусть. Под их диктовку, начиная со второй половины 30-х и до конца 50-х годов, фольклористы, литературоведы, писатели и отдельные энтузиасты зафиксировали целый ряд его произведений. Большинство из них без всяких отворок включено в собрание сочинений и сборники стихотворений акына. Но на целый ряд произведений, известных в записях, хранящихся в рукописном фонде АН Киргизской ССР, распространяется критическая точка зрения относительно их принадлежности Токтогулу. Таким образом, текстологическое изучение и описание наследия Токтогула не теряет своей актуальности.

Начало публикации стихотворений Токтогула на русском языке было положено переводом В. Винникова в журнале «Народное творчество» (1937, № 7, «Проклятый век»). В тридцатые годы в республиканской и центральной периодической печати появлялись переводы отдельных произведений Токтогула, выполненные Ф. Оцаквичем, Э. Бекером и В. Винниковым. Знакомство же русскоязычного читателя с творчеством Токтогула в переводах В. Гусева, А. Жарова, С. Липкина, П. Семынина, А. Тарковского, П. Шубина и других следует отнести к 1940 году, когда вышел в свет сборник избранных произведений акына. Часть этих переводов представлена и в настоящем издании. Сборники избранных произведений 1958 и 1964 годов значительно расширили представление о творчестве киргизского акына. В них появились новые переводы, осуществленные С. Северцевым, Н. Сидоренко, М. Тарловским, Ю. Нейман, Д. Бродским, Арк. Штейнбергом, В. Державиным, Б. Слудским, Я. Козловским, Н. Гребневым, Ю. Гордиенко, С. Кунаевым, Р. Мораном, С. Фиксиним.

В полудековой практике перевода произведений Токтогула на русский язык находят свое выражение межнациональный обмен духовными ценностями народов СССР.

Стремление воплотить на русском языке поэтический мир Токтогула, образный строй его стихов стало одним из стимулов переводческой работы. Целый ряд произведений киргизского акына представлен несколькими переводами. «Песню о Ленине» («Кандай аял тууду экен Лениндей уулду») в хронологической

КОММЕНТАРИИ

Произведения Токтогула Сагыланова (1864—1933) при жизни не печатались, очевидно, и не записывались. Краткое сообщение о песенном состязании-айтыше Токтогула и Арыамата появилось в 1889 году в «Этнографическом обозрении», издававшемся в Ташкенте. В 1928 году Токтогул был приглашен из Кетмень-Тюбе во Фрунзе, и музыковед А. В. Загаевич записал 18 музыкальных произведений акына. Сбор и публикация поэтического наследия Токтогула начались в 1937 году, чему способствовало постановление Президиума ЦИК Киргизской ССР об ознаменовании юбилея акына.

Отсутствие прижизненных, тем более авторизованных, записей поэтических произведений Токтогула создало проблему текста. Наследие Токтогула сохранила народная память. Основной состав его произведений был записан от его учеников — известных киргизских акынов Калыка Акиева, Алымкула Усенбаева, Коргола Досуева и других. Достоверность этих текстов не подлежит сомнению в силу особенностей бытования акынской поэзии, с учетом принципа наследования репертуара учителя-акына. В творческом наследии Токтогула значительное место занимают коллективные произведения — айтыши, поэтические диалоги, совместные выступления на общественных собраниях и празднествах. Текст этих произведений записан от «соавторов», следовательно, в их творческой интерпретации.

Токтогул был непревзойденным и популярнейшим акыном

последовательности переводили Ф. Оцакевич (1939), Д. Бродский (1940), А. Тарковский (1941), Ю. Гордиенко (1964), М. Ватагин (1978). Лирический шедевр Токтогула — «Алымкан» представлен переводами А. Жарова (1940), Арк. Штейнберга (1958), Ю. Гордиенко (1964). Однако до сих пор русскоязычный читатель ограничено во всем его непреходящем значении, потому что зачастую переводы лишь отдаленно передают поэтическое творчество Токтогула. За крайне редким исключением, поэзия Токтогула переводилась на русский язык через посредничество подстрочника. Но подстрочник передает лишь общий смысл пословно, скрывая от переводчика-поэта многообразие поэтических средств, стихотворную технику.

Акынская поэзия бытует среди киргизов в песенном исполнении, имеет мелодическую основу. Токтогул не расставался с кюмузом, мастерски играл на этом струнном инструменте и создавал выдающиеся произведения, вошедшие в золотой фонд народной музыкальной культуры. В акынском сознании стих и мелодия составляют одно целое, стихотворная речь — это напевная речь. Метрическая форма семи-восьмисложника — обычная в акынской поэзии — допускала множество вариаций мелодического исполнения. В чтении стихов это выразительное свойство произведений Токтогула подразаумевается, а в переводе — утрачено. Хотя надо сказать, что и современный читатель, обращаясь к киргизскому тексту, следует традициям напевного исполнения, пользуясь общепринятыми вариантами мелодической речитации.

Присущие Токтогулу точность и меткость изречений, образность речи, виртуозная стихотворная техника вызывают у переводчиков большие затруднения. Так, например, Токтогул мастерски использует звуковые повторы в начале стихотворных строк, зачастую тирада исполняемого произведения представляет собой каскад созвучных слогов, метрическую гармонию звуков. Такова «Предсмертная песня Токтогула» — «Токтогулдун өлүм алдында ырдаганы»:

Кара тилим сүйлөсүн,
Кара тил жалгыз өзү эмес,
Комузум добуш үндөсүн,
Кайран Токоң көзү өгөс,
Кайрылыш келип ким көрөт,
Кара чым баскан мүрзөсүн?
Калкымдан кетсем мейличи,
Калың жүргүм гүлдөсүн!

Искусно исполненная звуковая инструментовка тирады, обычная в стихах Токтогула, составляет редкое явление в переводах. Но искусство перевода киргизской поэзии постоянно совершенствуется. Новый сборник переводов поэтического наследия Токтогула свидетельствует о продолжающемся поиске в этом направлении.

Для настоящего сборника часть переводов отобрана из предыдущих изданий избранных произведений Токтогула на русском языке. Новые переводы отмечены в «Содержании» звездочкой*. Все переводы сверены с киргизским текстом по изданию Т. 1968, I, II. В переводы внесены необходимые уточнения и исправления, по оригиналам восстановлены заглавия, разбивка на строфы, имена собственные. Сохраняется расположение стихотворений в хронологической последовательности, принятой в киргизском издании.

«Из-за нужды» («Жокчулдугун айынан», Т. 1968, I, с. 22). — Записано известным киргизским поэтом Джоомартом Боконбаевым (1910—1944) в 1937 г. Одно из дошедших ранних произведений Токтогула. *Казанбак* — бай из Кетмень-Тюбе, у которого баграчил юный Токтогул. *Малай* — бесправный работник. Опубликовано на русском языке в вольном переводе С. Куныева под заглавием «Жагда» в сб. Т. 1964.

«Юные Кюлюйна и Кюлджар» («Кулуйпа, Кулжар ашык кыз», Т. 1968, I, с. 25—26). Эту песню Токтогула воспринял его ученик известный киргизский акын Алымкул Усенбаев (1894—1963). Имеются варианты в устном народном исполнении. В оригина-

ле — неперевоаемая игра слов и созвучий в топонимах: Кереге таш — Уйгон таш — Калкагар таш (Стена камней — Куча камней — Нависший камень); Ак дебе — Кек дебе (Белый холм — Зеленый холм); Кен арал дайра — Уч арал дайра — Алты арал дайра — Кеп арал дайра (различные названия рек; Широкий остров — Три острова — Шесть островов — Множество островов). «Арзымату» («Арзыматка»). Т. 1968, I с. 26). Облигительная песня молодого акына Токтогула, высмеивающая певца Арзыматта из свиты хана Дыйканбая. Упомянута в первом печатном извести о Токтогуле в «Этнографическом обозрении» (Ташкент, 1889, кн. 3). Перевод по тексту, записанному литературоведом Дж. Таштемировым в 1957 г. от земляка Токтогула колхозника из колхоза им. Карла Маркса С. Сапарова. Впервые на русском языке — в переводе С. Северцева (Т. 1958). *Бек* — сановное лицо, управитель рода. *Бий* — родовой судья.

«Алымкан» (Т. 1968, I, с. 27). Знаменитая песня Токтогула, обращенная к девушке по имени Алымкан. По преданию, Алымкан — первая любовь юного Токтогула. Один из шедевров киргизской лирической поэзии. Широко бытует в народе. Текст записан Дж. Боконбаевым в 1938 г. от ученика Токтогула акына Коргола Досуева (1890—1962). Имеется в переводе на русский язык А. Жарова (Т. 1940), Арк. Штейнберга (Т. 1958), Ю. Горденко (Т. 1964).

«Шуточные песни Эшмамбета и Токтогула во время тоя» («Эшмамбет менен Токтогулдун тойдогу тамашасы». Т. 1968, I, с. 39—42). Дата исполнения шуточного айтыша — песенного состязания точно не установлена. Текст записан в 1952 г. от колхозных пастухов А. Жаныбекова и Т. Чикеева в Казан-сае Наманганской обл. *Эшмамбет* — акын Эшмамбет Бейсейт уулу (1870—1926), близкий Токтогулу. *Сарт* — название киргизского рода. Токтогул происходил из рода сарт или саргтар.

«Шоучевые поэты» («Болосун акын». Т. 1968, I, с. 54). Произведение создано в стиле и традициях назидательной народной поэзии. Впервые на русском языке опубликовано в сб. Т. 1940 под заглавием «Вечной правде служки, акын» в переводе М. Тарловского. Переработано переводчиком для издания Т. 1958.

«Инан-кална» («Эшен-кална». Т. 1968, I, с. 54—58). Одно из облигительных произведений Токтогула, направленное против волостного управителя — болуша и мусульманских духовных лиц. *Ишан* — духовное лицо. *Кална* — помощник ишана.

«Пять кабанов» («Беш каман». Т. 1968, I, с. 58—60). Широко известная облигительная песня Токтогула, навлекшая на него расправу манатов. Авторство Токтогула подтверждается народным акыном Калыком Акиевым (1883—1953), опубликовавшим это произведение. Токтогул презрительно называет пять кабанов сыновей влиятельного маната Рыскумбака, управляющего Суусамырской волостью, куда входила Кетмень-тубинская долина. Упоминаются внуки Рыскумбака и среди них Керимбай Атаханов, впоследствии выдавший Токтогула за участника антицарского Ауджанского восстания, что повлекло за собой расправу и ссылку в Сибирь. *Орозлы, Сары, Тозлы* — кетмень-тубинские жители, безвинные жертвы манатов Рыскумбаковых. На русском языке в переводе В. Винникова опубликовано в сб. Т. 1940, Т. 1958 («Пять манатов»); в переводе Е. Орловской в сб. Т. 1950, Т. 1954. *Арым* — летнее пастбище-жайлоо и кочевье в Кетмень-Тубе. *Букара* — простолодун, бедняк.

«Цветиге» («Гүлдөп ал». Т. 1968, I, с. 62—63). Впервые на киргизском языке текст представлен в статье Дж. Боконбаева, опубликованной в республиканской газете «Кызыл Кыргызстан», 1938, 11 августа. В переводе на русский язык — в сб. Т. 1940. В собрании сочинений стихотворение включено в раздел назидательной поэзии — «санат-насыят ырлары». *Курме* (курме) — вышитая безрукавка, часть девичьего наряда.

«Бренный мир» («Дунуйе». Т. 1968, I, с. 64—69). Поэтическое размышление о жизни и смерти, изложенное в традициях философской лирики Востока. Впервые на русском языке в переводе В. Винникова под заглавием «Жизнь» — в «Литературной газете», 1939, 10 января, затем в его же переводе «О жизни» — в сб. Т. 1958. В переводе Е. Орловской «Жизнь» — в сб. Т. 1950, «Жизнь и смерть» — в сб. Т. 1954. Текст перевода печатается в сокращении. *Тулар* — сказочный крылатый конь. *Байал* — см. комм. «На казахской земле».

«Песня живительной воде» («Аккан суу», Т. 1968, I, с. 69—70).
Записал Дж. Боконбаев в 1938 г. от Коргола Досуева. Искуно инструментованное стихотворение с богатой рифмой в каждой строфе-пиреде, сопровождается популярной мелодией для комуза, сложенной Токтогулом.

«Назидания» («Санат», Т. 1968, I, с. 74—78). Назидательные стихи традиционного жанра «санат», широко распространенного в акынской поэзии. В санатах Токтогул использует мотивы народной дидактической лирики. Текст записан от Калыка Акиева и опубликован в 1938 г. в сб. Т. 1938. Стихи в переводе М. Тарлового под названием «Санат» опубликованы в сб. Т. 1940, Т. 1950, Т. 1954. *Айран* — заквашенное коровье молоко.

«Нравоучительные стихи» («Удгу ырлар», Т. 1968, I, с. 78—82). Из репертуара акынской поэзии в жанре терме — собранный строф, связанных между собой приемом изложения и речитацией. Опубликовано по материалам Калыка Акиева в сб. Т. 1938. На русском языке в переводе Ю. Горденко — в сб. Т. 1964. Для настоящего издания перевод доработан и дополнен им же. В оригинале афористичность строф находит свое выражение в синтаксическом параллелизме и аллитерационной организации стиха. Ср.:

Эчкинин көркү — тел менен,   Коз красота — в козлятах,
Эгиндин көркү — жер менен,   Поля — в его дарах,
Эликтин көркү — тер менен,   Гор красота — в сосулях,
Эр жигит көркү — эл менен.   Народа — в богатыхях.

Подстрочный перевод:

Достоинство (красота) коз — от приплода,
Достоинство (красота) жатвы — от земли,
Достоинство (красота) косуль — от горных возвышенностей (мест обитания),

Достоинство (красота) храбрых джигитов — от народа.

Батыр — богатырь, силач. *Джигит* — молодой человек, удалец. *Ураза* — пост накануне главного мусульманского праздника. *Солу* — суфий, служитель культа, связывающий мусульман на молитву. *Азан* — утренняя молитва.

«Обращение к чиновникам» («Токтогулдун төрөлөргө ырда-

ганы», Т. 1968, I, с. 83—84). Арестованный царскими карателями в 1898 г. по навету волостного Керимбая Атаханова (см. «Пять кабанов»), Токтогул исполнил эту песню в присутствии сородичей и земляков. В сб. Т. 1940, Т. 1950, Т. 1954, Т. 1958 песня представлена переводом М. Тарлового. Первая песня в цикле произведений об аресте, тюремных муках, каторге и ссылке.

«Прощай, мать!» («Кош, апаке!» Т. 1968, I, с. 85—86). Песня, по преданию исполненная Токтогулом во время проводов узников, осужденных царским судом в 1898 г. как участников Андижанского восстания. В переводе на русский язык С. Северцева опубликована в сб. Т. 1958.

«Прощай, мой народ!» («Кош, эли!» Т. 1968, I, с. 86—89). Песня, прозвучавшая в час прощания Токтогула с сородичами и земляками перед отправкой узников из Кетмень-Тюбе. В переводе Н. Панова опубликована в сб. Т. 1940, Т. 1950, Т. 1954, Т. 1958. Перевод М. Ватагина — в сб. «Поэты Киргизии» (Л., 1980). *Сарт, багыш* — названия киргизских родов из кетмень-тубинской долины. *Тотуй* — имя жены Токтогула. *Топчубай* — сын Тотуй и Токтогула, первенец, скончавшийся, когда отец отбывал каторгу.

«Придет ли светлое время?» («Бизге келер бекең кең заман» Т. 1968, I, с. 89—90). Стихотворение известно по материалам акына-писемника Тоголока Молдо (Байамбет Абдырахманов, 1860—1942). В переводе Н. Гребнева «Придет ли светлое время?» — в сб. Т. 1964. *Рыскулбековы кабаты* — см. «Пять кабанов». *Но ишан жөнө өзгө бөдү* — Мадали-ишан, сыгравший провокационную роль в Андижанском восстании 1898 г. Керимбай-болуш выдал Токтогула царским карателям якобы за участия андижанских событий и приверженца ишана.

«В начале пути» («Айдалып жөнөгөндө», Т. 1968, I, с. 90—91). Стихотворение записано в 1953 г. участником фольклорной экспедиции Киргосуниверситета М. Сырдыбаевым от акына Коргола Досуева. В переводе Н. Гребнева «Перед ссылкой» — в сб. Т. 1964. *Карасыр, Арым* — джайлоо (летнее пастбище и кочевье) на родине Токтогула в Кетмень-Тюбе.

«Я как беркут кружил в горах» («Айланган тоонун бурку-

ту». Т. 1968, I, с. 96—97). Стихотворение впервые опубликовано в 1940 г. В переводе на русский язык С. Северцева «Словно беркут, кружил я в горах» — в сб. Т. 1958.

«Неужели таков закон?» («Упундайбы сурагын?» Т. 1968, I, с. 97—98). 3 августа 1898 г. вместе с другими обвиняемыми Токтогул, заключенный в анджанскую тюрьму, был приговорен к смертной казни, замененной затем каторгой. Из Анджана через Самарканд и Красноводск узников в кавдала отправляли в Московскую пересыльную тюрьму, откуда по этапу в Александровский централ. Песня сложена в форме обращения узника к начальнику тюрьмы.

«Мучительной стала моя жизнь» («Азашка тушту өмүрүм». Т. 1968, I, с. 98—102). Стихотворение, как и предыдущее, создано не позднее 1890 г. по пути узника на каторгу. Впервые на русском языке в переводе П. Семинина — в сб. Т. 1940. Известен также перевод М. Валагина в сб. «Поэты Киргизии» (Л., 1980). «Песня узника» («Туткун ыры». Т. 1968, I, с. 106—110). Текст зафиксирован Калыком Акиевым, опубликован в сб. Т. 1938. На русском языке в переводе П. Шубина в сб. Т. 1940, Т. 1954, Т. 1958. В стихотворении отражен факт пребывания Токтогула в Омском остроге по пути на каторгу.

«Жалоба узника» («Туткундагы арман». Т. 1968, I, с. 111—112). В этом произведении Токтогул следует традиции фольклорного жанра арман, который передает горестные сетования на невзгоды жизни. На киргизском языке опубликовано в 1940 г. На русском языке в переводе Н. Сидоренко «Переживания узника» — в сб. Т. 1940.

«В изгнании» («Туткунда журтүндө». Т. 1968, I, с. 116—120). Относится ко времени отбывания каторги в Иркутске. В переводе на русский язык В. Гусева — в сб. Т. 1940, Т. 1950, Т. 1954, Т. 1958 («В ссылке»). «Отхлестать кабанов услел» — см. «Пять кабанов».

«Песня побега» («Качкандагы ыр». Т. 1968, I, с. 120—121). Биографы Токтогула упоминают без ссылки на источники о двух неудачных побегах акына-узника по пути на каторгу. Косвенным подтверждением этому служит тот факт, что вместо семи лет по

приговору Токтогул отбыл в тюрьмах, на каторге и в ссылке лет одиннадцать, прежде чем его новый побег из Прибайкалья достиг цели. Видимо, за неудачные побеги узник был наказан продлением срока тюремного заключения и каторги. На русском языке в переводе Н. Сидоренко произведение опубликовано в сб. Т. 1940, Т. 1950, Т. 1954, Т. 1958 («Сильное желание»).

«В побеге» («Качып келе жатканда». Т. 1968, I, с. 121—122). О каком побеге идет речь в стихотворении, точно не установлено. Предположительно можно считать, что в нем отражается побег житея Токтогулом в тяжком пути на родину из Прибайкалья в 1909—1910 г. В переводе на русский язык Н. Сидоренко «По пути к родине» — в сб. Т. 1940, Т. 1950, Т. 1954; в переводе Я. Соловья «Когда я бежал из ссылки» — в сб. Т. 1958. Заглавие перевода Ю. Гордиенко в сб. Т. 1964 — «В дороге».

«Не суждено ли мне умереть на улице?» («Кечөдө елчу күнүмбү?» Т. 1968, I, с. 122—126). Опубликовано в сб. Т. 1938 по материалам Калыка Акиева, заучившего текст со слов Токтогула. В произведении содержится сведения о том, что акын издавлекка брел пешком два года. Если это сообщение принадлежит Токтогулу, а не посреднику Калыку Акиеву и соответствует действительности, то следует внести поправку в биографию акына и считать, что его побег из ссылки был осуществлен не в 1910 г., а не позднее 1909 г. В сб. Т. 1964 — в переводе на русский язык Ст. Куныева «Неужели придется умереть на улице?» текст сокращен.

«Два месяца — немалый срок» («Эриктим эки ай жол жүрүп». Т. 1968, I, с. 126—130). Записано в передаче Коргола Досуева. В русском переводе ранее не публиковалось. Токтогул рассказывает о скитаниях в Сиббири, очевидно, где-то между Томском и Омском, до прихода в казахские степи. Помощь и сочувствие Токтогулу оказывают жители русского селения, несколько месяцев он живет в доме Жомолая (Ермолая?). Возможно, акын Коргод неточно запомнил русское имя). В киргизском тексте и соответственно в переводе есть упоминание о собаке упряжки. То ли Токтогул слышал об этом средстве передвижения, то ли пользовался им в сибирской тайге.

«На казахской земле» («Казах жериндеги ыр», Т. 1968, I, с. 130—140). Текст записан от жителя села Бурулдай Чуйского района Т. Абдырахманова. Первые опубликованы на киргизском языке в сб. Т. 1950 кирг. В переводе Р. Морана на русском языке — в сб. Т. 1964 с небольшими сокращениями. В настоящем издании название главок заменено цифровым обозначением, что более соответствует подлиннику. Токтогул повествуется о пребывании в восточном Казахстане в 1910 г. по пути из ссылки на родину. М. Вогданова в критико-биографическом очерке «Токтогул Сатылганов» (М., 1959) высказывает в примечании на с. 56 сомнение в принадлежности этого произведения Токтогулу. Большинство исследователей творчества акына, основываясь на содержании текста и обстоятельствах его бытования и записи, считают, что «Казах жериндеги ыр» несомненно принадлежит Токтогулу. Фактическая канва произведения отражена в творческой биографии Токтогула. «Джаш кыял» — см. «Алымкан». Семей — казахское и киргизское название Семипалатинска. «И сиеоз недра байкальских гор...» — каторжные работы Токтогул отбывал на строительстве туннелей прибайкальской железной дороги. Оруе — по-киргизски русский. Хыритон и Семен — имена сильных, самостоятельных побегу Токтогула. Б. Джиргатаков, отбывавший ссылку вместе с Токтогулом, также свидетельствует, что русские заключенные помогли организовать побег. Другими сведениями о Харитоне и Семене биографы и исследователи творчества Токтогула не располагают. Аргамак — скаковой конь. Байгай — скакун. Аблай — султан Среднего жуза в Казахстане, с 1771 г. — хан. Умер в 1781 г. Кенесары Касымов (1802—1842) — влук Аблая, с 1841 г. — хан. Убит во время разбойничьего похода против киргизов.

«Песня, снятая при виде родной земли» («Жерди көргөндө». Т. 1968, I, с. 144—147). Текст известен в изложении Калыка Акиева и Коргола Досуева. В сб. Т. 1938 включен в состав песенного сочинения Токтогула, вернувшегося из Сибири, с певцом Эшмамбетом («Токтогул Сибирден келгенде Эшмамбет ырчы менен ырдашканы»). На русском языке в сокращенном переводе П. Шубина «Узидел родную землю» — в сб. Т. 1940, Т. 1950, Т. 1954,

Т. 1958. Стихотворение открывает цикл произведений о возвращении Токтогула из сибирской ссылки. *Буудан* — волшебный скакун, благородный символ в киргизской эпической поэзии. «*Завели ишаны сикдал*» — имеется в виду Анджижанское восстание 1898 г., возглавленное мракобесом ишаном Мадала. *Уста-сай, Кара-жоло, Ийри-суу, Бей-таш, Узун-Акмаг, Сары-булак, Кочи, Семиз-Бель, Коргон-Ата* — названия рек, ущелий, перевалов, следний в Кетмень-тубинской долине и на пути к ней. *Шамшиал* — гора, где окрестные жители добывали соль.

«Пою, увидев Кетмень-Тюбе» («Кетмен-Тебе көргөндө». Т. 1968, I, с. 147—148). Тематически связано с предыдущим стихотворением. Возможно, его вариант. Записано в 1937 г. Дж. Ташемировым в Кетмень-Тюбе от С. Сапарова. Описывается местность, открывающаяся с перевала Бел-Таш по пути из Таласа в Кетмень-Тюбе. Как и в предыдущем стихотворении, Токтогул приводит географические названия в Кетмень-тубинской долине. *Аланчын, саткэй* — наименования родов, близких токтогульскому роду сарттар.

«Здравствуй, желанный народ!» («Эңсеген элим, аманбы?» Т. 1968, I, с. 149—152). Текст известен по материалам Калыка Акиева. На русском языке в переводе С. Липкина опубликован в сб. Т. 1940, Т. 1950, Т. 1954, Т. 1958. В сб. «Поэты Киргизии» (Л., 1980) имеется перевод В. Цыбина, осуществленный, как можно заключить по совпадению разночтений с оригиналом, пользованному как подстрочник.

«Здравствуй, мать!» («Апакем, аман барсыңбы?» Т. 1968, I, с. 152—154). Стихотворение записано Калыком Акиевым в 1939 г. Повествует о встрече Токтогула с матерью Бурмой после возвращения из ссылки. На русском языке в переводе П. Семьинова «Здорова ли ты, моя мать?» — в сб. Т. 1940, Т. 1950, Т. 1954, Т. 1958 («Здравствуй, моя мать!»). Данный перевод впервые — в сб. Т. 1964. *Шесть Архаров, Семь Архаров* — дословный перевод киргизского названия созвездий Большой и Малой Медведицы.

«Весть Коргола-ырчи о смерти сына Токтогула» («Коргоол

Т. 1968, I, с. 181—184). В материалах Калыка Акиева текст включен в состав «Встречи вернувшегося из Сибири Токтогула с певцом Эшмамбетом». В последних по времени издания сборника печатается как отдельное произведение. Вариант на русском языке — перевод Т. Зульфикарова «Поседел я...» в сб. Т. 1958.

«Сносил я муки в неправедные времена» («Эзилдик шумдук заманда». Т. 1968, I, с. 184—185). Так же, как и предыдущее произведение, в первой публикации сб. Т. 1938 включено в состав «Встречи вернувшегося из Сибири Токтогула с певцом Эшмамбетом». Впоследствии печаталось как самостоятельное произведение. Вариант на русском языке — перевод Ю. Нейман «Угнетали меня в злое время» в сб. Т. 1958.

«Нет сына у меня» («Балам жок». Т. 1968, I, с. 185—187). В материалах Калыка Акиева текст также дан в составе «Встречи вернувшегося из Сибири Токтогула с певцом Эшмамбетом». В настоящее время рассматривается как отдельное произведение. В сб. Т. 1958 опубликован перевод на русский язык С. Северцова, в котором, как и в данном переводе, опущена первая строфа — 10 строк.

«Песня, которую я перенял у русских» («Орустан алган еболгон». Т. 1968, I, с. 200). Записал в 1953 году акын А. Чоробаев в Чаеке Джумгалского района от колхозника К. Карымбаева. Сопровождается игрой на комузе, имитирующей русскую мелодию. Впервые в переводе на русский язык — в сб. Т. 1964.

«Десять наигрышей» («Тогуз кайрык». Т. 1968, I, с. 200—201). Текст сопровождается виртуозной игрой на комузе. «Тогуз кайрык» — музыкальная пьеса Токтогула. Текст воспроизведен по записи от Ж. Курманбаева, по словам которого его старший брат в 1913 г. заимствовал это произведение непосредственно от Токтогула. *Торгой* — жаворонок. *Жетиген* — семизвездие, Большая Медведица.

«Мой кербез» («Кербез». Т. 1968, I, с. 201—203). Текст на киргизском языке впервые опубликован в 1940 г. Варианты на русском языке: в сб. Т. 1950 «Звени, кербез, ты песнь моя», переводчик не указан; в сб. Т. 1958 — перевод В. Левика; в сб. Т. 1964 — перевод Ст. Куняева. *Кербез* — песенное повествование

ырыч Токтогулдун баласынын елгөнүн угузганда». Т. 1968, I, с. 155—160). По народному обычаю акын Коргод извещает Токтогула, вернувшегося из ссылки, о смерти его первенца Топчубая. В произведении широко использована фольклорная символика, близко к киргизскому тексту переданная в переводе. Публикуемый перевод впервые — в сб. Т. 1964. Имеется перевод на русский язык В. Гусева «Извещение певца Коргола Токтогулу о смерти его сына» — в сб. Т. 1940, Т. 1950, Т. 1954, «Песня, спетая Токтогулом, когда акын Коргод (!) сообщил ему о смерти его сына» — в сб. Т. 1958.

«После возвращения из ссылки» («Туткундан келгенде». Т. 1968, I, с. 160—162). В переводе на русский язык впервые — в сб. Т. 1958. *Мыл под стражей шлы, шестьдесят* («Алтымыш кыши айдалган») — речь идет об узниках, вместе с Токтогулом приговоренных царским судом в Андижане к каторге и ссылке.

«Встреча вернувшегося из Сибири Токтогула с певцом Эшмамбетом» («Токтогул Сибирден келгенде Эшмамбет ырчы менен учурашканы». Т. 1968, I, с. 165—181). На киргизском языке по материалам Калыка Акиева опубликовано в сб. Т. 1938. Сокращенно на русском языке в переводе Д. Бродского — в сб. Т. 1940, Т. 1954. Исправленный и дополненный перевод — в сб. Т. 1958. В переводе допущены сокращения. В форме ответов на вопросы акына Эшмамбета Токтогул повествует об участии киргизов, осужденных по обвинению в участии в Андижанском восстании. В сообщении Эшмамбета есть непрокомментированные исследователями строки о письме, полученном от Токтогула («Ак кагазга чийилп сезун келди, Токтогул»), о телеграмме, посланной царю и якобы способствовавшей освобождению акына. Токтогул не владел грамотой, документами не подтверждается обращение ссыльного к царю. Известно, что после вынесения приговора в августе 1898 г. смертная казнь через повешение была заменена Токтогулу и некоторым другим обвиняемым семью годами каторги. *Капсыдаж* — дух-охранитель. *Кынок Зульфикар* — священный меч мусульманского пророка Али. *Сарыбагыш, адигине* — названия киргизских родов. *Когарт* — местность в Киргизии.

«Состарившись, стал седым» («Буурул болуп карыдым».

о пережитом, исполняемое под аккомпанемент комуза; жанр акынской поэзии.

«Токтогул и Тоголок Молдо» («Токтогул менен Тоголок Молдо». Т. 1968, I, с. 203—205). Текст зафиксирован Тоголоком Молдо в воспоминаниях о Токтогуле. Встреча, когда акыны обменялись приветствиями, состоялась после возвращения Токтогула из семьи. Токтогула окружали ученики и со товарищи — акыны Эшмамбет, Калык, Жаныбай, Курман, Джолой, о которых идет речь в ответном приветствии Тоголока Молдо.

«Кербез возвращения» («Келгендеги кербезим». Т. 1968, I, с. 218—219). Слова и мелодию этого произведения исполнил выдающийся музыкант Алай Огонбаев. На русском языке произведение опубликовано в переводе Н. Гребнева «Кербез, сложенный после возвращения» в сб. Т. 1964. В сб. Т. 1950 и Т. 1954 включен «Кербез (отрывок)» в переводе Е. Орловской. Источник перевода не установлен. *Барышлы* — в оригинале: «сдагатам барышна баккандаты», употребляя русское слово «барышша», Токтогул указывает на национальность той, которая позаботилась о больном узнике.

«Обращение к ыргач Калыку» («Калык ыргачга». Т. 1968, I, с. 235—238). Отрывок из цикла произведений «О беркутчи Мамыре, борце Айчеке и певцу Калыку» («Бүркүтчү Мамыр, Айчеке балбан жөнүндө жана Калык ыргачга»), записанных Калыком Акневым и включенных в книгу «Токтогулдун ырлары жана Калыктын эстелигери» («Стихотворения Токтогула и воспоминания Калыка»), изданную в 1940 г. Цикл произведений Токтогула, зафиксированных Калыком Акневыми и включающих его «соавторство», в переводе на русский язык см. в сб. Т. 1958. Там же — «Обращение Токтогула к певцу Калыку». В настоящем издании печатается в сокращении. Токтогул знакомит Калыка и слушателей со знаменитыми киргизскими акынами и музыкантами XIX — начала XX вв. В публикуемом переводе названия родов, имена собственные исправлены по тексту оригинала.

«Токтогул и Эшмамбет об инахах» («Эшмамбет менен Токтогул эшенге ырданган»). Т. 1968, I, с. 268—273). Текст зафиксирован акыном Алыкулум Усенбаевым — учеником Токтогула и

включен в сб. Т. 1938. Сатирический айтыш из совместного репертуара Токтогула и Эшмамбета. По обычаю выступление акына на празднике вознаграждалось ценным подарком. Ишан дарит тубейку, что становится поводом для осмеяния его алчности и скупоści. В сб. Т. 1964 — «Песня про ишанов» в переводе на русский язык. Ст. Куняева. *Шариат* — право, основанное на установлениях корана.

«Нет у меня доверья к ним» («Мындан кеенүм ишенбейт». Т. 1968, I, с. 277—278). В сб. Т. 1938 включено в состав «Песенный Токтогула, вернувшегося из Сибири, с ыргачи Эшмамбетом» («Токтогул Сибирден келгенде Эшмамбет ыргач менен ырданганы»). Публиковалось в других изданиях под заглавием «Экинчи айдалардагы ыр», см. в переводе Я. Козловского «Песня, сложенная перед вторым арестом» в сб. Т. 1958. В публикациях на киргизском языке и — соответственно — в переводах имеются разночтения. *Край Ночи* — так переведено словообразование «Кейтүндө», обозначающее северную страну, край земли, где царит ночь.

«В голове моей — тревожные думы» («Убайым турат балымда». Т. 1968, I, с. 278—284). Текст записан И. Кенжетуловым и опубликован в 1958 г. На русском языке — в сб. Т. 1964. *Улар* — высокогорная птица, дикая индейка. Один из величайших символов акынской поэзии.

«Стоковался по вас». («Салам бердим сагынып». Т. 1968, I, с. 285—289). По свидетельству Калыка Акиева (см. Т. 1938), эту песню Токтогул исполнил в присутствие многочисленных слушателей на поминках по некоему Тоялы. Как и два предыдущих стихотворения, выражает тревогу акына перед вторым арестом и вызывает к защите. В 1913 г. по доносу Токтогул был вновь арестован, препровожден в наманганскую тюрьму, где провел шесть месяцев. *Прошение* — в оригинале «пирговар катаз», от русского слова «приговор». «*Адвоката наймет*» — «адыбекет салат», так в киргизском тексте.

«Скажу о том, что видел» («Көргөнүмдү айтайын». Т. 1968, I, с. 19—20). Записал акын А. Чоробаев в 1953 г. со слов Т. Мырзакмагова, присутствовавшего на поминках по Раимбеку,

где спел свою обличительную песню Токтогул. *Курбучук* — Курдайберген Омурзак уулу (1866—1940), известный киргизский азыл, народный комик. *Эрназар* — богатырь из Кетмень-Тюбе, убитый по наущению маналов в игре «эр сайыш» — конном состязании на шках. Токтогул рассказывает о его гибели в стихотворении «Эр сайыш» (Т. 1968, II, с. 17—18). В переводе на русский язык — в сб. Т. 1964.

«Помни, сынок об этом» («Эстей жур, балам, мунумду». Т. 1968, II, с. 25—26). Записано со слов Коргола Досуева, включившего это произведение Токтогула в свой акынский репертуар. «Молодым» («Жаштарга». Т. 1968, II, с. 42—43). Записано фольклорной экспедицией Киргосуниверситета в 1953 г. от Коргола Досуева. По содержанию и форме соотносится с жанрами дидактической поэзии — санат и насыят.

«Встреча с Барпы» («Барпы менен жолугушуу». Т. 1968, II, с. 71—88). Айтшы записан Т. Байзаквым в конце 40-х годов со слов выдающегося народного акына Барпы Алыкулова (1884—1949). В переводе на русский язык — в сб. Т. 1964. *Хаджи* — мусульманин, совершивший хадж — паломничество в Мекку и в Медину. *Аба* — уважительное обращение к старшему. *Сузак* — местность на юге Киргизии, недалеко от города Джалал-Абада. *Деханин* — земледелец-бедняк.

«Пока не обретет свободу» («Азаттык кундун жогунан». Т. 1968, II, с. 88). Песня записана в 1957 г. в Уч-Терек Токтогульского района от рабочего совхоза Ж. Кулуева и тогда же опубликована в районной печати. *Улуу-Кен*, *Кара-Салал*, *Чичкал* — названия местностей в долине Кетмень-Тюбе.

«Песня о Ленине» («Кандай аял тууду экен Лениндей уулду». Т. 1968, II, с. 89—92). Произведение создано в 1919 г. По свидетельству современников, Токтогул исполнил «Песню о Ленине» на общественных собраниях в андах и кочевьях Кетмень-Тюбе. Не установлено, от кого записано данное произведение. Его публикация на киргизском и в переводе на русский язык впервые осуществлена в 1937 г. Варианта в книжных изданиях на русском языке: перевод Д. Бродского — Т. 1940, Т. 1958, перевод А. Тарковского — Т. 1950, Т. 1954, перевод Ю. Гордиенко —

Т. 1964. Переведено на многие языки народов СССР. «Кандай аял тууду экен Лениндей уулду» — дословно: «Какая женщина родила такого сына, как Ленин!» — в народном этикете передает восхищение человеком. Смысл выражения: «Какое счастье, что родился такой человек, как Ленин!»

«Жыви, Советская власть!» («Жашагын, кенеш окмет!» Т. 1968, II, с. 92). Текст записан Калыком Акиевым и опубликован в сб. Т. 1938 и далее — во всех основных сборниках произведений Токтогула на киргизском и русском языках.

«Время» («Замана». Т. 1968, II, с. 93—94). На киргизском языке и в русском переводе впервые опубликовано в 1940 г. Включено в последующие издания, за исключением Т. 1964. Относится к советскому периоду творчества Токтогула.

«Благодари, скажи рахмат» («Ыракмат айт, алкыш айт». Т. 1968, II, с. 94—95). Текст записан от Коргола Досуева и опубликован в 1956 г.

«Высоко держи свое знамя» («Бийик котор тууду». Т. 1968, II, с. 96). Текст записан в 1952 г. в Кировском районе от колхозника М. Бегалиева.

«Идем мы ленинским путем» («Ленин ачты жолунду». Т. 1968, II, с. 96). Опубликовано впервые в 1956 г. В комментариях Дж. Таштемирова указывается, что текст записан в 1953 г. в Тогуз-Торо от Чонмурунова.

«Ленин принес избавление» («Куткарды Ленин акылман». Т. 1968, II, с. 115—116). Песня исполнена в начале 20-х годов на народном празднике в Караване, в 1952 г. записана от С. Рысалиева, находившегося там вместе с Токтогулом.

«Взошла заря свободы» («Боштондуктун таңы атты». Т. 1968, II, с. 122). Записано от сотрудника районной газеты М. Ошбаева в Токтогуле и опубликовано в республиканской молодежной газете «Ленинчил жаш» 6 ноября 1957 г.

«Послушай, бай Абырагман...» («Оолуккан байым, угул тур!» Т. 1968, II, с. 151—155). В комментариях Дж. Таштемирова указано, что данное произведение Токтогул сложил в Таласе на джайлоо Кырк-Серке в 1927 г., обличая местного бая Абырагмана. Впервые опубликовано в 1958 г. по материалам И. Кен-

жегулова на страницах республиканского журнала «Ала-Тоо», № 4. «У Алымкула я гостил» — Токтогул в Таласе оставил своего ученика акына Алымкула Усенбаева и вместе с ним выступал перед народом. *Казы, чучук* — колбасные изделия из конины. *Сюзме, мурт* — молочные продукты, разновидность творога и сыра.

«Во славу долгожданных дней» («Сагындым салам бермекке». Т. 1968, II, с. 155—157). По свидетельству Калыка Акиева, это произведение создано Токтогулом во время пребывания во Фрунзе в 1928 г. с целью записи его музыкальных сочинений А. В. Загвязинцем. Текст зафиксирован Калыком Акиевым в 1939 г.

«Какое счастье детство» («Кандай сонун балалык». Т. 1968, II, с. 163). Стихотворение записано в 1953 г. участниками фольклорной экспедиции Киргосуниверситета в Токтогульском районе.

«О колхозе» («Колхоз жонунде». Т. 1968, II, с. 169—171). Как и предыдущее стихотворение, записано участниками фольклорной экспедиции Киргосуниверситета в 1953 от члена колхоза имени Тельмана Токтогульского района А. Мусабоева.

«Красавица Акбары» («Акбары». Т. 1968, II, с. 172—180). Произведение из репертуара акына Алымкула Усенбаева. На киргизском языке опубликовано в 1940 г. Печаталось на русском языке в переводе Арк. Штейнберга в сб. Т. 1940, Т. 1954, Т. 1958. По количеству строк данный перевод сокращен наполювину против оригинала. Впервые в сб. Т. 1964. Величальная песня в честь красавицы Акбары, исполненная Токтогулом и Алымкулом в 1929 г. во время тоя (празднества) в местности Карасу под Караваем. *Келин* — невестка, молодая женщина.

«Жизнь отца» («Кулун жаш егун эскирет». Т. 1968, II, с. 195—196). Записал Дж. Таштемиров в 1958 г. от члена колхоза имени Токтогула Токтогульского района К. Байсалбекова.

«Старость» («Карылык». Т. 1968, II, с. 197—203). Текст по материалам Калыка Акиева опубликован в сб. Т. 1938 г. Стихотворное повествование в традициях и стиле фольклорного жанра *арман* (сетование, жалоба). В переводе на русский язык впервые в сб. Т. 1958.

«Жизнь» («Өмүр». Т. 1968, II, с. 196—197). Так же, как и предыдущее стихотворение, представлено Калыком Акиевым в сб. Т. 1938 под общим заглавием «Арман Токтогула о старости» («Токтогулдун карылыкка айткан ыры»). В сб. Т. 1950, Т. 1954 печаталось в переводе на русский язык Е. Орловской (там допущена ошибка в датировке произведения: указан 1897 г., хотя из материалов Калыка Акиева следует, что оно было создано в конце 20-х — начале 30-х годов, незадолго до смерти Токтогула). Данный перевод опубликован в сб. Т. 1958.

«Предсмертная песня Токтогула» («Токтогулдун өлүм алдында ырдатыны»). Т. 1968, II, с. 203—204). За исключением Т. 1964, опубликовано во всех других основных изданиях Токтогула на русском языке без заключительных двух строк в каждой строфе. В настоящей публикации эти строки переведены по оригиналу и включены в текст перевода. Токтогул скончался 29 декабря 1933 г. на родине в Кетмень-Тюбе.

«Кедей-хан» («Кедейхан». Т. 1968, II, с. 205—261). Сообщено Калыком Акиевым, замкнутым от Токтогула в свой акынский репертуар сказание о Кедей-хане. Отдельной книгой на киргизском языке «Кедей-хан» был издан в 1938 г. с указанием на то, что дается в изложении Токтогула и Калыка Акиева, которому принадлежит также прозаические вставки в стихотворный текст. На русском языке перевод А. Тарковского (Т. 1954) дополнен Р. Мораном (Т. 1964). В тексте перевода на русский язык сделана смысловая разбивка на части: «О молодых годах Кедея», «О том, как Кедей стал ханом», «О том, как справедливо правил Кедей-хан»: В оригинале части не выделены. В эпической поэме «Кедей-хан» выражается народная утопия о добром и справедливом правителе, выразителе интересов и защитнике бедняков. По традиции каждый известный киргизский акын имел в своем репертуаре одну или несколько народных эпических поэм и исполнял их по желанию слушателей. В соответствии со своим демократическими устремлениями Токтогул охотнее всего сказывал поэму о защитнике бедняков. Имя *Кедей* охотнее всего означает «завещание», в переносном смысле — осиротевшее дитя, оставленное на чье-либо попечение. *Кедей* — дословно: бедняк.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ч. Айматов. Мост времени, по которому мы идем	5
К. Бобулов. Бессмертная песнь Токтогула	7
* Из-за нужды. Перевел М. Рудов	23
* Юные Кюлюйпа и Кюлджар. Перевел В. Шаповалов .	23
Арымагу. Перевел М. Ватагин	26
* Алымкан. Перевел М. Рудов	27
* Шуточные песни Эшмамбета и Токтогула во время тоя. Перевел М. Еремин	28
Поучение поэту. Перевел М. Тарловский	32
Ишан-калла. Перевел Л. Руст	32
Пять кабанов. Перевел М. Ватагин	36
Цветите! Перевел С. Липкин	38
* Бренный мир. Перевел М. Рудов	39
* Песня живительной воде. Перевел С. Куляев	43
Наздания. Перевела Ю. Нейман	44
Нравоучительные стихи. Перевел Ю. Гордиенко	47
Обращение к чиновникам. Перевел М. Ватагин	52
Прощай, мать! Перевел М. Ватагин	54
* Прощай, народ мой! Перевел М. Еремин	55
Придет ли светлое время? Перевел М. Ватагин	60
В начале пути. Перевел М. Ватагин	61
Я, как беркут, кружил в горах. Перевел М. Ватагин	63
Неужели таков закон? Перевел М. Ватагин	64
Мучительной стала моя жизнь. Перевел П. Семьин	66
Песня узника. Перевел М. Ватагин	70
Жалобы узника. Перевел М. Ватагин	75
В изгнании. Перевел М. Ватагин	77
Песня победы. Перевел Я. Козловский	81
В победе. Перевел Ю. Гордиенко	82

Не суждено ли мне умереть на улице? Перевел В. Слу- цкий	83
* Два месяца — немалый срок. Перевел М. Еремин	89
На казахской земле. Перевел Р. Моран	95
Песня, спетая при виде родной земли. Перевел М. Ва- тагин	111
* Пою, увидев Кетмень-Тюбе. Перевел С. Куляев	115
Здравствуй, желанный народ! Перевел С. Липкин	118
Здравствуй, мать! Перевел С. Куляев	122
Весть Коргола-ырчи о смерти сына Токтогула. Пере- вел Р. Моран	125
После возвращения из ссылки. Перевела Ю. Нейман	131
Встреча вернувшегося из Сибири Токтогула с певцом Эшмамбетом. Перевел Д. Бродский	134
* Состарившись, стал седым. Перевел М. Синельни- ков	150
* Сносил я муки в неправедные времена. Перевел М. Синельников	153
Нет сына у меня. Перевел М. Ватагин	155
Песня, которую я перенял у русских. Перевел С. Ку- ляев	156
* Девять наигрышей. Перевел М. Синельников	157
Мой кербез. Перевел М. Ватагин	159
* Токтогул и Тоголок Молдо. Перевел М. Синель- ников	161
* Кербез возвращения. Перевел М. Рудов	164
Обращение к ырчи Калыку. Перевел В. Державин	165
Токтогул и Эшмамбет об ипанах. Перевел М. Вата- гин	169
* Нет у меня доверья к ним. Перевел М. Синельни- ков	174
В голове моей — тревожные думы. Перевел С. Куляев	176
Столковался по вас. Перевел П. Семьин	179
Скажу о том, что видел. Перевел Ю. Гордиенко	183
* Помни, сынок, об этом. Перевел М. Еремин	185
* Молодым. Перевел М. Синельников	186

Встреча с Барпы. Перевел Ю. Гордиенко	188
* Пока не обретет свободу... Перевел М. Еремин	199
Песня о Ленине. Перевел М. Ватагин	200
Живи, Советская власть! Перевел С. Липкин	205
Время. Перевел П. Семьин	206
* Благодаря, скажи рахмат. Перевел М. Рудов	208
* Высоко держи свое знамя. Перевел М. Еремин	209
* Идем мы ленинским путем. Перевел М. Еремин	210
* Ленин принес избавление. Перевел М. Еремин	211
* Взошла заря свободы. Перевел М. Рудов	213
* Послушай, бай Абдыракман... Перевел М. Еремин	214
* Во славу долгожданных ветров. Перевел М. Еремин	219
* Какое счастливое детство. Перевел М. Синельни- ков	222
* О колхозе. Перевел М. Еремин	223
Красавица Акбары. Перевел С. Фиксин	227
* Жизнь, отцвела. Перевел В. Шаповалов	232
Старость. Перевел С. Липкин	233
Жизнь. Перевел С. Липкин	239
Предсмертная песня Токтогула. Перевел С. Липкин	241
Кедей-хан. Перевел А. Тарковский, Р. Моран	242
М. Рудов. Комментарии	304

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ИЗДАНИЕ
ТОКТОГУЛ
Избранное

Перевод с киргизского

Редактор Х. Ю. Мисаилов
Худож. редактор А. Момуналиев
Техн. редактор Ж. Саборокулова
Корректор М. М. Шейко

115 № 85

Сдано в набор 9. 01. 89. Подписано к печати 15. 08. 89. Формат
бумаги 70×108^{1/2}. Бумага типографская № 1. «Школьная» гарнитура.
Печать высокая. 10,25 физич. печ. л. 14,35 услон. печ. л. 14,832 учетно-
изд. печ. л. 14,53 усл. кр.-отг. Тираж 4000. Заказ № 23. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Адабият»
720737, ГСП, г. Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР
Госкомиздата Киргизской ССР
720461, ГСП, Фрунзе, б. ул. Жигулевская, 102.

Токтогул.

Т 51 Избранное / Пер. с кирг.; Сост. и коммент.
М. А. Рудова; Предисл. Ч. Т. Айтматова; Всту-
пит. ст. К. Б. Бобулова; Худож. Т. Т. Герцен;
Редкол.: К. Б. Бобулов (гл. ред.) и др. — Ф.:
Адабият, 1989. — 328 с.
ISBN 5-660-00039-8

В сборник вошли лучшие стихи великого киргизского
акына-демократа Токтогула.

Т 4702300200—147
Т М 455 (11)—89 82—89

ББК 84 Кя 7—5

